Оглавление

Раздел I. Проблемы речевого воздействия

Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Англосаксонский властный ритуал как механизм лингвосемиотического воздействия …... 5

Лазарева Э.А. Подмена речевых интенций автора – средство выразительности современной рекламы ……..... 15

Тюрин А.В. Косвенные коммуникативные стратегии в рекламе. Психолингвистический аспект речевого воздействия (на примере французской рекламы) …… 23

Раздел II. Когнитивные и психолингвистические аспекты анализа дискурса и текста

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивная парадигма в исследовании политической метафорики 36 .....

Кузьмина Н.А., Абросимова Е.А. Бардовская песня как интертекстуальный феномен 51 ……

Снигирев А.В., Снигирева Е.В. «Властелин колец» в альтернативном переводе «от Гоблина» 68 …….....

Снигирева Т.А. Проблемы сакральной идентификации поздней Ахматовой 75 ……...

Шляхова С.С. «Сказать звук…»: фоносемантические маргиналии в поэзии М.Цветаевой 90 …….....

Шустрова Е.В. Истоки языковой игры в афро-американской устной традиции …… 101

Раздел III. Языковое сознание: социокультурный и личностный аспекты

Заболотнова М.В. К вопросу о гендерных различиях в языке …... 110

Иванилов В.М. Ассоциативное поле сновиденческого символа 122

Попова Т.В., Степанова Е.Г. Морфодеривационная структура слова как единица русского языкового сознания 142 ……..

Саматова Е.К. Мотивированность специального наименования: психолингвистическое исследование показаний языкового сознания 153

…….....
Сироткина Т.А. Этническая составляющая языковой личности в системе этнонимов Пермского края 163
……..
Чудинов А.П. Метафорический образ России в национальном сознании ……. 171
Шарафутдинов Д.Р. Деривационно-синтетическое обеспечение продуктивной речевой деятельности: постановка проблемы ……. 179
Раздел IV. Общие и индивидуальные стратегии речевого развития ребенка
Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Мотивационная рефлексия в детской речи: модель лексикографического представления…. 190
Кулакова Н.В. Образование словообразовательных окказионализмов на уроках чтения и русского языка в начальной школе …. 211
Кусова М.Л. Стратегия личностного развития младшего школьника в процессе лингвистического образования 222
.....
Минюрова С.А. Современный подросток: открытие новых миров 231
Сведения об авторах ……... 238

Раздел I. Проблемы речевого воздействия

Т.Н.Астафурова, А.В.Олянич
Волгоград

Англосаксонский властный ритуал как механизм лингвосемиотического воздействия

Наряду с традиционными вопросами в психолингвистике последних лет уделяется «повышенное внимание проблемам речевого воздействия, в особенности в пропаганде и деятельности средств массовой информации» [Языкознание 1998: 404]. Воздействие на массы напрямую связано с событийностью предписывающего характера, т.е. ритуалами, приуроченными к определенным важным событиям в жизни социума: парад – к празднику, подъем флага – к функционально целесообразному построению, приветствие – к встрече людей и т.д. Ритуалы не только предписывают некую процедуру, порядок и содержание действий в определенной ситуации, внутри события, но и воздействуют на массовое сознание, поскольку целью ритуала является принудительное освобождение участников от собственных решений, собственного творчества. Тем самым внушается осознание важности происходящего, его надындивидуальной значимости. Особенно ярко эта задача просматривается в ритуалах демонстрации власти.

Ритуальная динамика англосаксонского властного дискурса представлена в *этапах ритуализации властного события*: 1) топологической обусловленности, 2) уточнении границ и семиотики властного ритуала, 3) регламентации хроно-, топо- и звукосемиотических компонентов ритуального процесса, 4) вербализации ритуального события, 5) драматизации ритуального события, 6) введении новых элементов ритуала, значимых для власти.

Специфика англосаксонского властного дискурса также выражается в театрализации ритуального события, которая манипулятивно высвечивает «рекламируемые» характеристики монарха (величие статуса и королевское достоинство в сочетании с простотой общения), затушевывает амбивалентные

или негативные действия властной персоны, популяризирует государственную деятельность власти в целом.

Ритуал презентирует ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Иными словами, мы имеем дело с воздействующей функцией лингвосемиотического пространства власти, направленной на дальнейшую формализацию и динамику властного ритуала, поскольку «его состояния меняются постоянно, а стало быть, меняются и значения одних и тех же его сегментов, которые зависят от момента времени» [Чертов 2001: 130]. Власть как бы «обживается» в пространстве события и формализует его в соответствии с манипулятивными этапами.

На первом этапе к событию прикрепляется место его протекания, событие становится топологически обусловленным. Так, главным властным ритуалом является коронация, которая традиционно проводится в Вестминстерском Аббатстве (*a Coronation Church*). Горас Уолпол в письме сэру Горасу Манну размышляет о ритуале коронации следующим образом: «*What is the first sight in the world? A coronation. What do people talk most about? A coronation. What is delightful to have passed? A coronation*». В самом деле, коронация – это, по выражению Эдварда Карпентера, архидьякона Вестминстерского аббатства, древнейший ритуал, который использовался для подтверждения легитимности выбора монарха народом, его самопожертвования и освящения Богом его правления («*indeed was the ancient ritual which was used in its inclusion of election, confirmation of the people's choice, self-dedication and consecration…*») [Carpenter 1978: 31]. Начало коронации как ритуалу было положено в 973 г. н. э. королем Эдгаром в соборе города Бат («*to establish his throne not only on the right of conquest or papal benediction, but on the support of the sacred hallowing which coronation would give him*»).

На втором этапе определяются границы протекания события, за которым закрепляются определенные символы и знаки, придающие пышность триумфальным церемониям введения во власть (коронация, инициация, инаугурация): символы власти, обилие золотых украшений, оружия, красивых и дорогих одеяний, колесниц, украшенных цветами коней,

информирующие общество о могуществе и богатстве монарха, его таланте воина и государственного деятеля. Так, придворный историк Тюдоров Эдвард Холл описывает торжественное убранство придворных, принявших участие в коронации Генриха VIII и Екатерины Арагонской: «*The knights presented themselves before the king all on horseback and armed from head to foot they each had one side of their armor-skirts and horse-trappings made of white velvet embroidered with gold roses and other devices, and the other made of green velvet embroidered with gold pomegranates. On their headpieces each wore a plume of gold damask. At the same time the other side rode in, the aforementioned knights fully armed and dressed, like their mounts, in green satin embroidered with fine golden bramble branches. Following them, blowing horns, came a number of men dressed as foresters or gamekeepers in green cloth, with caps and hose to match*».

На третьем этапе регламентируется сам ход события, определяется репертуар действий, составляющих событие или сопровождающих его; вводятся правила развития события и налагаются процессуальные ограничения; определяется ролевая структура события – его участники и их роли.

Так, регламент коронации Генриха VIII и Екатерины Арагонской (1509) придавал особое значение хроносемиотическому компоненту ритуала (*Sunday* как религиозно значимый день для англосаксонской паствы; *Midsummer's Day* как священный праздник летнего солнцестояния, связанный с древними ритуалами и особо почитаемый англосаксами). Начало церемонии было строго фиксированным (*at the appointed hour*); в соответствии с правилами ритуала в коронации принимали участие придворные по праву, закрепленному за ними указами, историческими прецедентами и особыми привилегиями (*the barons of the Cinq Ports*); высшее духовенство (*archbishop of Canterbury, prelates of the realm*); знать и наиболее уважаемые горожане (*the nobility and a large number of civic dignitaries*), которым отводились определенные места в соответствии с их статусом («*Each noble and lord proceeded to his allotted place arranged earlier according to seniority*»).

Такие важные элементы ритуала, как помазание на трон и коронование, производились высшим иерархом англиканской церкви – архиепископом Кентерберийским и высшим духовенством *(«His grace and the queen were anointed and crowned by the archbishop of Canterbury in the presence of other prelates of the realm»).*

Ритуал коронации предусматривал также застольную часть, семиотика которой обильно маркирована знаками иерархической структуры власти («*the lords spiritual and temporal paid homage to the king and, with the queen's permission, returned to Westminster Hall - each one beneath his canopy - where the lord marshal bearing his staff of office ushered all to their seats*»).

Топосемиотический компонент ритуала коронации проявлялся:

– в строгой фиксации расположения его участников за столом во время церемониальной трапезы: *«The nine-piece table being set with the king's estate seated on the right and the queen's estate on the left»*;

– в нарочитых декоративности и величине пространства, в рамках которого протекала трапеза; эти топосемиотические компоненты подчеркивали величие и могущество власти соверена *(«At the sound the duke of Buckingham entered riding a huge charger covered with richly embroidered trappings, together with the lord steward mounted on a horse decked with cloth of gold. The two of them led in the banquet which was truly sumptuous, and as well as a great number of delicacies also included unusual heraldic devices and mottoes»).*

Звукосемиотический компонент ритуала подчеркивал торжественную тональность властного действия и маркировал последовательность его этапов. Так, коронация сопровождалась хоровым пением церковных молитв и гимнов, подача каждого блюда во время пышного пиршества оглашалась звуками фанфар *(«the first course of the banquet was announced with a fanfare»).* По особому звуковому сигналу сменялись ритуальные действия (*«At the sound the duke of Buckingham entered riding a huge charger covered with richly embroidered trappings, together with the lord steward mounted on a horse decked with cloth of*

gold»), народ извещали о вступлении монарха на трон *(«There was a firing of guns and chamber music between 4 and 5 o'clock; by 6 o'clock began the proclamation of the Queen, with two heralds and a trumpet blowing, and so went through Cheapside to Fleet Street, proclaiming the Queen»).*

На четвертом этапе происходит вербализация ритуального события, уточняется его лингвистическая составляющая, устанавливается зависимость успешности реализации события от его лингвистического обеспечения («что и как необходимо сказать, чтобы событие успешно протекало и успешно завершилось»). Считается, что в ритуальной коммуникации над вербальными знаками доминируют знаки невербальные. Как утверждает Г.Г. Почепцов, «…ритуал реализует обратное соотношение: удлинение невербального компонента за счет сокращения вербального» [Почепцов 2001: 15]. В то же время, будучи усеченным, вербальный компонент оказывается центральным элементом процедуры коронации, предусмотренным ее правилами. Так, клятва Елизаветы I заботиться о своих подданных и о процветании королевства немногословна, однако она концентрированно передает весь смысл ритуала – использовать дарованную Богом верховную власть на благо подданных и всего королевства: *«And whereas your request is that I should continue your good lady and be Queen, be ye ensured that I will be as good unto you as ever Queen was unto her people. No will in me can lack, neither do I trust shall there lack any power. And persuade yourselves that for the safety and quietness of you all I will not spare if need be to spend my blood. God thank you all».*

Клятва подданных на верность монарху формулировалась в процедуре ритуала коронации как ответ на вопрос о признании монарха *(‘The Recognition Question’: «Will you take this most noble prince as your king and obey him with great reverence, love and willingness?» and Reply to the Recognition Question: ‘Yea, Yea!’).*

В вербальной части коронационного ритуала не допускались никакие отклонения, в том числе и процедурного характера – во время чтения канонических библейских текстов, сопровождающего коронацию властных персон. Так, свидетель коронации королевы Анны лорд Мельбурн вспоминал, что,

когда епископ Бата и церковный служитель Уэллс намеренно пропустили две страницы библейского текста как обязательного вербального компонента коронации, чтобы ускорить затянувшуюся церемонию, и ушли в часовню Святого Эдуарда, королева Анна, обнаружив ошибку, заставила их вернуться и закончить церемонию в соответствии с каноном: *«The Bishop of Bath and Wells turned over two pages and told the Queen that it was all over and they duly retired to St Edward's Chapel, the Queen on finding out the mistake insisted on proper finishing the service, although I remarked, 'What does it signify?»* [Carpenter 1978: 29].

Вербальной характеристикой коронационной речи монарха является властная директивность, маркерами которой выступают дискурсивные элементы *desire, demand, that you will be faithful to, to be assistant to, make a good account to, to govern for the greatest wealth, to leave comfort to our posterity on earth. etc .:*

«I shall desire you all, my lords, (chiefly you of the nobility, everyone in his degree and power) to be assistant to me that I, with my ruling, and you with your service, may make a good account to Almighty God and leave comfort to our posterity on earth» (Reputedly spoken by Elizabeth I at her coronation).

Во время принятия присяги у подданных монарх использует директивные конструкции как инструмент облечения их своим доверием и расположением:

«This judgement I have of you, that you will not be corrupted by any manner of gifts, and that you will be faithful to the State; and that without respect of any private will, you will give me the counsel you think best» (Elizabeth to William Cecil on making him Secretary of State at her accession).

Богоизбранность монарха подчеркнута использованием в речи гумилиативов как языковых знаков смиренности и покорности Божьей воле: *(1) «Christ was the word that spake it. He took the bread and break it; And what his words did make it That I believe and take it» (Reputedly spoken by Elizabeth I); (2) «This is the Lord's doing and it is marvellous in our eyes».*

Уже во время коронации монарх дает понять, что в его руках сконцентрирована власть повелевать и наказывать, поэтому среди вербальных знаков коронации обнаруживаются

дискурсивные элементы угрозы: *«Let this my discipline stand you in good stead of sorer strokes, never to tempt too far a Prince's patience»; «Those who touch the sceptres of princes deserve no pity»*. Абсолютный характер подчинения монарху просматривается в ритуале присяги на верность, которую в первую очередь приносит глава Тайного Совета соверена (*Privy Councillor*). Так, клятва присяги лорда Бергли, канцлера Елизаветы I, данной королеве в 1570 г., характеризуется ритуальным форматом, обеспечиваемым директивностью:

– модальности (*«you shall / shall not; if any treaties or councils shall»*),

– дискурсивных формул (*«you shall swear, you shall keep secret, you shall not reveal, you shall not let, you shall bear faith and true allegiance, you shall assist and defend, you shall do as a faithful and true councillor», etc.*),

– атрибутивных характеристик высшей степени лояльности (*to the utmost, uttermost, at all times, in all things, true, faithful, affection*).

И, наконец, последней отмеченной нами особенностью вербального компонента ритуального дискурса оказывается его вторичный / рефлективный характер, поскольку смысл и коммуникативные задачи властных ритуалов отражаются в вербалике их наблюдателей (*«The account at right was written by the Tudor chronicler Edward Hall»*), реминисценциях и мемуарах участников и свидетелей *(«How can I describe the abundance of fine and delicate fare prepared for this magnificent and lordly feast, produced both abroad and in the many and various parts of this realm to which God has granted his bounty»)*.

На пятом этапе событию придается статус зрелища: для того, чтобы воздействовать на эмоции социума, оно должно стать визуально выразительным и эмотивно заряженным. Событие драматизируется и приобретает презентационные характеристики – театрализуется – для максимального воздействия на социум [Олянич 2004].

Ритуальная коммуникация часто характеризуется театральностью. Под ее влиянием проходят не только культурные, но и ритуальные мероприятия власти. Так, король Генрих III во время реконструкции норманнского аббатства

заставил архитекторов построить в нем театральные подмостки, на которых должна была проходить коронация [Carpenter 1978].

В обществе всегда были определенные утрированно-перформансные коммуникационные роли. Мы называем их таковыми, поскольку для их выполнения требовалось определенное «отклоняющееся поведение». Это роли юродивого и шута. Юродивый не наказывался за свое поведение, так как считалось, что через него говорит Бог. Поэтому юродивые имели возможность говорить властителям нелицеприятную правду. Такую же функцию выполняла перформансная роль шута, которая позволяла увещевать короля и давать ему советы. Часто королевские особы больше доверяли своим шутам, чем прочим придворным.

Такой важный в государственном отношении ритуал, как коронация властных персон, неминуемо подвергался режиссуре и театрализации. Как отмечают свидетели коронации Елизаветы I, праздничные представления начались за день до церемонии коронации и разыгрывались в разных частях Лондона. Каждое представление (*spectacle, pageant*) было тщательно продумано, инсценировано и имело свой символический смысл. Оно разыгрывалось перед жителями столицы для того, чтобы разъяснить им суть ее будущего правления.

Первое представление напоминало народу о ее английском происхождении в противовес испанским корням Марии и ее супруга короля Филиппа, а также о ее близком родстве с Генрихом VII, который положил конец тридцатилетней Гражданской войне. Актеры давали понять публике, что внучка того, кто остановил Войну Роз, объединит Англию и дарует ей мир («*The first pageant laid out Elizabeth's genealogy, stressing her 'Englishness' (as opposed to the 'Spanishness' of Mary, who was half Spanish, and Philip, who was Spanish), and her descent from Henry VII and Elizabeth of York, whose marriage had put an end to years of civil war. The pageant made clear the implication that the grand-daughter of those who ended the War of Roses would herself reunify England and bring peace to it»).*

Второе представление ассоциировало будущее правление Елизаветы с четырьмя добродетелями – истинной верой, любовью к подданным, мудростью и справедливостью, которые

побеждали зло, воплощенное в предрассудках и невежестве *(«The second pageant showed Elizabeth's government characterized by the four virtues of True Religion, Love of Subjects, Wisdom and Justice trampling their opposite vices, including Superstition and Ignorance»).*

Во время третьего представления Лорд-мэр вручил Елизавете предмет, сделанный из золота, символически демонстрирующий единение столицы и короны *(«During the third pageant the Lord Mayor presented Elizabeth with a gift of gold, symbolically demonstrating the interdependence of the City and the Crown»).*

В четвертом спектакле процветающее королевство (Елизаветы) противопоставлялось разлагающемуся (Марии). Главным действующим лицом выступала Правда, которая преподносила королеве Библию с надписью на английском языке «Слово Правды». Королева, принимая дар, целовала библию и прикладывала ее к груди под громкие приветственные возгласы толпы *(«In the fourth pageant, a decaying commonwealth (Mary's) was contrasted with a thriving one (Elizabeth's). It featured the figure of Truth, who was carrying a Bible written in English and entitled the Word of Truth. Truth presented the Bible to the Queen, who kissed it and laid it on her breast to the cheers of the crowd»).*

В пятом представлении предсказывалось долгое и благополучное правление Елизаветы: она изображалась в облике ветхозаветной Деборы-прорицательницы, спасшей Дом Израилев и правившей затем сорок лет *(«The task ahead of her was presented in the final pageant, with Elizabeth portrayed as Deborah, the Old Testament prophet, who rescued the House of Israel and then went on to rule for 40 years»).*

Презентационная эффективность этих театрализованных представлений была огромной: комбинация знаков, вовлеченных в театральное действо, удачно высвечивала такие характеристики Елизаветы, как величие ее статуса и королевское достоинство в сочетании с простотой общения, и это нашло оклик в сердцах горожан, полюбивших ее *(«Elizabeth excelled in the starring role in such spectacles, managing gracefully to combine the dignity and grandeur of her position with a common touch that allowed the public to warm to her. The procession was*

basically a popularity contest and it was a resounding public relations success for the new queen»). Таким образом, именно благодаря театрализации, народ признал своего монарха еще за день до коронации *(«She emerged from the ceremony to greet her adoring fans wearing a big smile, her crown and carrying the orb and sceptre of her new office»).*

Наконец, на ***шестом этапе*** с течением времени событие освобождается от ряда своих компонентов, которые оказались малосущественными в смысле воздействия, и повторяется уже в измененном виде, т.е. в совокупности тех компонентов, которые выдержали проверку временем, с новыми элементами, получившими максимальный социально-значимый эмотивный потенциал [Метелица 2002].

Изменения в англосаксонских властных ритуалах носят как сугубо семиотический, так и лингвосемиотический характер. Первым совереном, который переаранжировал семиотическое пространство ритуала коронации, существовавшее до него, был Эдвард I: он вывез из Шотландии Скунский камень, который служил троном для шотландских королей, сделав его основанием для трона в Вестминстерском аббатстве.

Семиотические изменения в ритуал коронации были внесены голландским принцем Вильгельмом Оранским (1688 г.), который отказался участвовать в коронации в роли супруга, сопровождающего королеву, и потребовал быть коронованным вместе с женой – королевой Марией, дочерью Джеймса II. Для него был сделан второй коронационный трон, и оба они короновались вместе как равностатусные монархи; на монетах, отчеканенных во времена их правления, изображен их двойной барельеф.

Еще один – лингвосемиотический – способ переаранжировки ритуала коронации связан с постепенной заменой языка самого ритуала с латинского на английский. Коронация Вильгельма Завоевателя проводилась в Рождество 1066 г. на английском и французском языках. Позже церковным языком коронации стала латынь, и только Елизавета I, которая, являясь убежденной сторонницей компромиссных государственных решений *(«The ritual itself was a clever compromise between the Catholic practices that existed and the Protestant ones that she in-*

tended to introduce»), и для которой было важно постепенно вытеснить католическую веру верой протестантской *(«The changes in the service were a portent of the religious settlement to come and symbolic of her 'make-haste-slowly' approach to introducing change»),* настояла на ведении коронации на двух языках – латыни и английском: *«She was crowned in Latin by a Catholic bishop but parts of the service that followed were read twice – in Latin and English».* Впоследствии латынь была полностью вытеснена из ритуала коронаций и заменена государственным языком Великобритании – английским.

Таким образом, внутри ритуального пространства англосаксонской власти в ходе истории властной коммуникации сформировалась обширная и жестко фиксированная лингвосемиотическая система воздействия, реализующая функцию визуальной презентации конвенционального согласия на взаимодействие между совереном и его подданными, поддержанную языковыми знаками соответствующей ритуальной природы.

Литература

Метелица Е. В. Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации. - Дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2003.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. – Волгоград, 2004.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М., 2001.

Чертов Л.Ф. Ритуал как форма семиотизации пространства // Ритуальное пространство культуры. – СПб., 2001. – С. 56-61.

Языкознание: Большой Энциклопедический Словарь. – М., 1998.

Carpenter, D. The Westminster Abbey.– L.: Harper, 1998.

Henry VIII's Speech before Parliament, 1545: www.primarysources.com

Queen Elizabeth’s Quotes: www.elizabethregina.uk

Act of Supremacy (1534), The Oath of Supremacy, 2nd Act of Supremacy (1559), Act of Parliament (1536), Elizabeth’s Act of Uniformity (1559), The Thirty Nine Articles, Thirty Nine Articles: www.wikipedia.com

The Concise Oxford Dictionary of the English Language. – OUP, 2003 (COD)

Collins Cobuild English Dictionary. – L.: Collins Pbl., 2000 (CCED)

The Oxford Concise Dictionary of Proverbs. – Oxford: OUP, 1996 (OCDP)

The Longman Dictionary of English Idioms. L.: Longman, 1997 (LDEI)

The Microsoft Bookshelf Encyclopedia on CD-ROM, 1998.
©Астафурова Т.Н., 2005
©Олянич А.В.,2005

Э.А.Лазарева
Екатеринбург

Подмена речевых интенций автора – средство выразительности современной рекламы

Реклама – дискурс предельной силы влияния на адресата с целью продвижения товара/услуги. Побуждение к совершению желаемого действия возможно только с использованием средств привлечения и удержания внимания адресата. Факт предельного воздействия рекламы на адресата отмечен в следующих определениях С.Н. Рощупкиным этого средства массовой коммуникации, точно сфокусированных на его внедрении в ментальную сферу личности: «Реклама есть планомерное воздействие на человеческую психику с целью создать возможно более интенсивную волевую подготовленность к покупке рекламируемого товара, посещению того или иного культурно-зрелищного мероприятия, внедрению в сознание зрителя определенной идеи»; «Реклама – это инструмент, с помощью которого потребителю дается такая информация, которая побуждает его приобрести рекламируемый товар» - Рощупкин, 2003, с. 6-7. В рекламном дискурсе применяются все возможные средства создания привлекательного произведения. Нам представляется полезным для выявления выразительного потенциала этого средства массовой коммуникации выявление того, как используется коммуникативно-прагматический потенциал произведения в целях создания выразительного приема. Речь идет о том, какую роль играют речевые интенции автора произведения в

повышении его воздействующего потенциала. Дело в том, что в целях повышения выразительности рекламные тексты применяют умышленную «путаницу», сокрытие авторских интенций.

Этот прием включает в себя несколько составляющих. Известно, что структура текста рекламы может включать в себя инвариантные элементы – слоганы, аргументы, само рекламное целое непременно облечено в определенную жанровую форму. Это норма построения данного дискурса его инвариант. Если норма нарушается в целях выразительности, сознательно подменяются интенции автора, возникает экспрессивное произведение. По нашим наблюдениям, в современной рекламе используется прием экспрессивной подачи указанных компонентов, когда аргумент внешне становится не-арументом, слоган строится вопреки правилам создания этого призывающего лозунга, а жанр заимствуется из другого функционального стиля. Такое сокрытие истинных намерений автора текста является тонким экспрессивным способом разнообразить способы внедрения товара в сферу адресата. Рассмотрим, как создается этот прием.

Обыгрывание аргументации

В любом рекламном дискурсе аргумент – важный компонент, выполняющий основную роль информирования о предмете рекламы. Аргументы представлены адресату, чтобы завоевать его, «перевести» из потенциального потребителя в число реальных пользователей товаром, то есть побудить к покупке.

Цель рекламного дискурса – воздействовать на адресата для побуждения его к действию – покупке товара. Воздействующая функция – главная для рекламной аргументации. Автор старается всеми возможными средствами представить предмет рекламы так, чтобы воздействовать на адресата. При этом воздействие может сочетаться с доказательством, хотя первое всегда играет главную роль. «Аргументировать для воздействия» – формула рекламного текста».

Для выявления сущности рекламной аргументации релевантны три позиции: набор фактов, избираемых в качестве аргументов, область воздействия на адресата с помощью

аргументов, способы подачи рекламных аргументов. Рассмотрим реальное проявление выразительного приема.

Реклама мебели – Ligne Roset. Слоган «*Ligne Roset. Стиль жизни*» помещен в правом верхнем углу текста. В центре – текст *«как далеко заходит дружба? И кто может сказать об этом лучше, чем диван-кровать»,* под которым расположено изображение самого дивана-кровати. Вербально выражен аргумент, который можно назвать не-аргументом, поскольку он называет лишь эмоциональные впечатления от предмета рекламы и ничего не говорит о его реальных качествах. Такой не-аргумент экспрессивен, пробуждает эмоции реципиента и ориентирован на определенную аудиторию.

Подобные выразительные средства часто используются в современной рекламе: аргумент как не-аргумент, «сказать, чтобы, по сути, не сказать». Заключительная часть рассмотренного текста сообщает собственно аргументы, ориентирующие в товаре: *«Multy: безупречно функционирует в трех положениях. Модели шириной 166, 131, 108 см. могут комплектоваться поворотными приставными столиками, подлокотниками, матрасом из балтекса или латекса. Верхнее покрытие - одеяло – легко отстегивается. Одна модель – много лиц. Быстро, удобно, надежно! Здесь достаточно места на любые случаи вашей жизни».* Рационально поданные аргументы достаточно подробно сообщают о свойствах товара, что хорошо воспринимается после эмоционального не-аргумента.

Такой же интересный прием – не-аргумент представлен и в рекламе «Трилайн: «*Новогодний бал моделей. Совершенство с любой точки зрения*». В тексте, по сути, только постулируется высокое качество продаваемых компьютеров, такая аргументация лишь по видимости приведена для убеждения адресата. Такого же рода не-аргумент – в рекламе обуви Ессо. «*Это больше чем обувь. Это философия. Что лежит в основе создания обуви Ессо? Удобство и комфорт при ходьбе, ощущение свободы и легкости? Не только. Чтобы понять особую культуру Ессо, необходимо попробовать эту обувь на себе».* Такие аргументы ничего конкретного не говорят о качествах предмета рекламы, занимая позицию аргументации

рекламного текста, эти высказывания являются только средством «заполнения ниши», обязательной текстовой позиции, при этом не выполняют роли реального информирования о качествах товара. Основная функция приема – экспрессивная.

Этот способ создания аргументов может быть признан оригинальным, убеждающим, поскольку при быстром восприятии произведения важно лишь обозначить сам факт присутствия аргумента, а не давать детальную характеристику предмета рекламы.

Обыгрывание слогана

Это текстовая часть, отделенная от всего массива произведения своей особой ролью в привлечении внимания адресата: слоган отличается особой коммуникативностью, внетекстовым положением, это своеобразный «текст вне текста», ему присуща гипертрофированная вербующая функция. Главный смысл слогана – обратить внимание адресата на предмет рекламы, привлечь и даже завлечь адресата. Это особый текстовый вербующий знак. Он выполняет своеобразную роль в рекламном дискурсе. Этимологически первоначальное значение слова – «боевой клич» - очень точно и весьма образно отражает сущность этой рекламной константы: пленить Потребителя и уничтожить конкурентов. Удачные слоганы быстро запоминаются, они постоянно на слуху, что делает товар, фирму популярными, узнаваемыми, а это шаг к удачной продаже.

Это ударная точка текста в плане восприятия, она призвана стать крылатым словом, знаком товара для читателей (широко известны, на слуху, слоганы «*Ваша киска купила бы Вискас», «Молодое поколение выбирает Pepsi*», есть интересные слоганы в журналах («*Мы одеваем элиту уже 2000 лет…» – Бутик Калигула, «Магия чувства» – Amarige,«Решение в стиле солнца*» – Ray Ran, «*Сильная машина – сильному хозяину*» – автотехника MAS, «*Без факса жить нельзя на свете, нет*», «*Весь мир у Ваших ног!»* – линолеум фирмы Нэкс. Слоган использует разнообразные выразительные средства: «*Все плоды, кроме запретного*!» (Московская фруктовая компания), *«По жизни с бытовой техникой «Самсунг»», «Купи себе спокойную жизнь»*

*(Parex bank), «Первый среди лучших» (*компьютер Pentium), «*Finlandia. Водка с вершины мира», «Делай то, что тебе нравиться, вместе с шоколадом Виспа», «Лучшая американская косметика фирмы «Elseve*» (журнал «Cosmopolitan»), *«Волшебные крылья ”Пегаса”», «Philyps compacto: многое в малом*».

Обратимся к способам обыгрывания слогана для создания выразительного приема. Это явление текста рекламы до сих пор не привлекает внимания исследователей. Общеизвестно, что в слогане отражены наиболее выразительные смыслы рекламы, что он является ярким, призывающим элементом произведения. Оказывается что слоган может служить только для того, чтобы обозначить предмет рекламы, по сути дела, практически ничего о нем не говоря, даже будучи практически лишенным смысла. Для начала разговора об этом типе рекламных лозунгов приведем примеры. *«Делми. Ощутимая польза», « Немецкая обувь (сеть магазинов). Мы – часть этого прекрасного мира!», «Кока Коло. Вкус жизни».* Ясно, что содержание этих слоганов может быть выражено словосочетанием «общие слова». В слогане употребляются слова, каждое из которых имеет свое значение, но вместе они практически ничего не выражают, являются только предельно условным знаком предмета. Условность таких текстов доведена до предела. Для доказательства этого положения возможно менять местами такие слоганы, употребить их в других рекламных дискурсах, и там они будут уместны.

Слоганы этого типа имеют условно-знаковый характер, важно только то, что минитекст закреплен именно за «своей» рекламой, например, все пользователи знают, что именно выбирает молодое поколение, хотя, в принципе, можно абсолютно произвольно считать, что «*молодое поколение выбирает»*, например, Спрайт или другой популярный прохладительный напиток. Самое главное при этом – сделать предмет рекламы опознаваемым и запоминаемым. Именно предельная условность, знаковость, произвольность являются главными отличительными признаками слоганов этого типа. Следует заметить, что при создании таких произведений большую роль играет использование Милтон-модели.

Применение слов с общими значениями, называющих нечто, что дает возможность каждому домысливать сказанное в соответствии со своими чувствами, желаниями, делает данный тип слоганов интересным и позволяет ему выполнять свои функции.

Наибольшее количество рассматриваемых слоганов (дискурсивно выделенных, по нашей классификации) построено на употреблении «общих слов»: «*Natalie Tours. Ожидания оправдываются», «Peugeot. Еще есть вещи, способные удивлять», «Командор дизайн. Мой новый стиль», «Ford. Надежен. Создан для жизни», «EFCS. Лучше не бывает», «Maggi. Маленькие радости каждый день», «Rexona. Шелк, шелк. Никогда не подведет», «Пиво "Золотая бочка". Есть вещи, которые стоят того, чтобы жить».* Такого рода слоганы содержат самые обобщенные положения, относящиеся к жизни вообще, к душе, общей пользе. Приведем набор ключевых слов, содержащихся в этих слоганах и обозначающих смыслы «обо всем»: жизнь – *«Бульоны Knorr. Жизнь может быть такай вкусной», « Новый BMW 7 серии. Философия Вашей жизни», «Пылесосы LG. Цифровой порядок жизни», «Кока Кола. Вкус жизни», «Ford. Надежен. Создан для жизни*». Варианты этого смысла передают слова *мир, природа: «Немецкая обувь – сеть магазинов. Мы – часть этого прекрасного мира», немного другим… …мы делаем его совершенным*».

Интересно использование смыслов, относящихся к природе человека – *ощущения, чувства, полезность: «Natalie Nours. Ожидания оправдываются*», «*Rowenta. Навстречу острым ощущениям», «Делми. Ощутимая польза», «Стиморол. Вкус на грани возможного*», « *Сибнефть. Зарядись энергией лидера*». Встречается передача смысла «будущее»: «*Масло "Свобода". Построй теплом души будущее*».

Распространено употребление слова «*стиль»*, придающего обобщенное значение слогану: «*Командор дизайн. Мой новый стиль», «Minolta. Выбери свой стиль*». При разговоре о приведенных в качестве примеров слоганах мы сознательно оставляем в стороне вопрос об их стилистической выдержанности и талантливости их авторов. В данном случае

нас интересует тенденция внесения того или иного смысла в таком элемента рекламного текста, как девиз, лозунг. Слоганы анализируемой группы, выделенные из смысловой структуры рекламного дискурса, могут быть плеонастичными, излишними для передачи нового смысла. Они выражают тот же смысл, который уже выражен дискурсом в целом: «*Prology* (автомобильные системы). *Просто добавь автомобиль*». По сути, в слогане выражено то же, что и так ясно из названия предмета рекламы. Оказывается, что плеоназм, своеобразный дискурсивный повтор, применяется для выражения части дискурса, где важна не столько информация, сколько функциональная цель создания знака товара. Такого же рода слоганы*: «Ферейн. Лекарства, которые лечат», «Чистота - чисто Тайд».*

Еще одна группа дискурсивно отделенных слоганов, не входящих в смысловом плане в общее значение всего дискурса рекламы, в ее смысловую структуру, - это слоганы, чья связь с общим текстом вообще не мотивирована. По отношению к ним хочется задать вопрос «при чем тут это?»: «*Esso. Это больше, чем чувства, это – страсть», «ОАО ‘Уралпромстройбанк”. От поколения к поколению», «Российская мебель. Свобода решений»,* «*Old Spice. Всегда на пределе», «Пиво “Доктор Дизель”. Мы такие разные, и все-таки мы вместе», «Тонус. Честный сок по честной цене», «Норд. Дом бытовой техники. Подарите любимым свободу», «Элекком. Аура власти и успеха»* ». Возможно, такое смысловое рассогласование с остальным текстом и объясняется далекими ассоциациями, которые возникли у автора, нам же интересен характер тенденции, по которой значительная часть слоганов выполняет только роль знака, функционирующего для усиления запоминаемости рекламы.

Обыгрывание жанровых характеристик текста

Выразительная, намеренная подмена авторских интенций используется и при создании вторичных, нетривиальный рекламных жанров. Реклама обладает собственным жанром объявления, который предназначен для передачи всей информации, необходимой для продвижения товара, привлечения потенциального потребителя, вмешательства в его

ментальную сферу. Основной, «исходный», *первичный рекламный жанр* - объявление (Котлер, 1995, Кохтев 1981). Именно рекламные объявления выражают смысл **рекламности,** который и делает произведения яркими, привлекательными, убеждающими, побуждающими реципиента произвести действия по отношению к предмету рекламы. Социум, вовлеченный в рекламный дискурс, воспринимает рекламные объявления с позиций ожидания соответствующей информации. В тех случаях, когда прагматические цели автора заставляют его скрывать принадлежность текста к рекламному дискурсу, используются жанры, «взятые взаймы» у других функциональных стилей. Так, существуют рекламная заметка, рекламное интервью, рекламный репортаж – заимствования из публицистического стиля. Жанр научной статьи может быть использован для передачи рекламной информации. Существует трансформация художественный жанров, например, рассказа, эссе, даже сказки для внедрения их в область рекламирования. В таких случаях налицо непрямая (косвенная) рекламная коммуникация, при которой хорошо известные жанровые формы используются для выполнения иных целей, лежащих в области влияния на потребителя. Знаком «мены жанров» в таких случаях может служить замечание «На правах рекламы».

Рассмотренный материал проливает свет на реальное существование дискурсов современного коммуникативного пространства, когда происходит их трансформация, «мена ролей», соответственно прагматическим установкам автора.

Литература

Котлер Ф. Основы маркетинга. – М., 1992.

Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова. – М.,1997.

Рощупкин С.Н. Язык рекламы. – М., 2003.

©Лазарева Э.А., 2005

А.В.Тюрин
Челябинск

Косвенные коммуникативные стратегии в рекламе. Психолингвистический аспект речевого воздействия (на примере французской рекламы)

Реклама представляет собой сложное социокультурное явление: она сочетает в себе социальный, психологический, лингвистический и многие другие аспекты и является не только объектом внимания деятелей торгово-промышленной сферы, разработчиков и производителей рекламы, но и предметом изучения социолингвистов и психолингвистов.

Изучение рекламы с точки зрения лингвистики началось относительно недавно, поэтому определение языковых средств построения рекламных текстов, в частности - текстовой (печатной) рекламы, а также исследование психолингвистической стороны воздействия рекламы как таковой являются проблемами, занимающими в настоящее время многих лингвистов. В данной статье мы рассмотрим и проанализируем языковые средства коммуникативного воздействия рекламного слогана на потенциального потребителя и попытаемся изучить процесс декодирования информации, не составляющей непосредственного содержания рекламного текста, т.е. имплицитной информации.

Однако прежде чем говорить об использовании коммуникативных стратегиях в рекламе, необходимо установить, есть ли связь между понятиями «реклама» и «коммуникация», а затем подтвердить положение о том, что реклама является одной из форм коммуникации.

При анализе определений коммуникации, данных разными авторами, было обнаружено, что акт коммуникации понимается неоднозначно. Синтезировав дефиниции из разных источников (Современный словарь иностранных слов, 1979; Розенталь, 1981; СЭС, 1981; Толковый словарь русского языка, 1973; Ожегов, 1973 и пр.) мы попытались наиболее полно, на наш взгляд, отразить суть понятия коммуникации в следующем определении: **Коммуникация** (лат. communico - делаю общим) - в широком смысле - обмен информацией между индивидами через посредство общей системы символов. Коммуникация может осуществляться вербальными и невербальными средствами. Различают механистический и деятельностной подход к коммуникации: коммуникация - в механистическом подходе - однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от источника и приема информации получателем сообщения; коммуникация - в деятельностном подходе - совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними.

Однако поскольку мы говорим о речевой деятельности, то ограничимся рассмотрением только вербальной коммуникации.

Так, Г.Г. Почепцов характеризует данный вид коммуникации следующим образом: «***Вербальная коммуникация*** строится на лексически выделенных единицах, соответствующих реалиям мира. Это приводит к большому числу единиц словаря, из которых складывается бесконечное число сообщений» [Почепцов 2001: 31].

Основными элементами (участниками) акта коммуникации, как известно, являются ***коммуникатор (эмитент)*** **и** ***получатель (реципиент, целевая аудитория)*** [Почепцов 2001: 38] (***адресант – адресат*** у Якобсона [Якобсон 1975: 198]). Коммуникатор (эмитент) - элемент акта коммуникации, передающий информацию; получатель (реципиент, целевая аудитория) - элемент акта коммуникации, принимающий информацию. Коммуникативная ситуация включает в себя канал связи: акустический, визуальный или комбинированный. Кроме того, эти каналы характеризуются наличием или отсутствием непосредственного контакта между партнерами, а также применением тех или иных средств передачи информации [Почепцов 2001: 43], [Якобсон 1985: 57].

О современной рекламе, о языке рекламы в наше время сказано и написано очень много. Огромное количество определений понятия рекламы дано специалистами в области рекламной и PR-коммуникации, психологии, лингвистике и других областях. Как и при рассмотрении понятия коммуникации, мы и здесь прибегли к синтезированию в одно целое нескольких определений (Ожегов, 1973; Дейан, 1993; Бове, 1995; Розенталь, 1980 и т.д.), при этом отмечалось относительное единодушие во мнениях. Нами был сделан следующий вывод: реклама – это информирование (передача информации, оповещение, популяризация, обращение) публики (потребителей, потенциальных покупателей) о какой-либо продукции (товарах, услугах, заслугах фирмы, марки), осуществляемое не напрямую (опосредованно, через СМИ и другие виды связи, посредством различных носителей) и имеющее целью привлечение внимания публики к конкретному объекту или предмету (создание спроса, агитация, убеждение).

Таким образом, если сравнить определения понятий рекламы и коммуникации, приведенные выше, то можно обнаружить

общие черты: и в том, и в другом случае речь идет о сообщении, передаче какой-либо информации и воздействии на получателя, побуждении его к действию. Таким образом, рекламный текст выполняет в основном две функции: сообщения (информативную) и воздействия (побуждающую). Обе эти функции, по сути, можно объединить в одну — коммуникативную.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что рекламный текст - это форма коммуникации, которая пытается перевести качество товаров и услуг на язык нужд и потребностей покупателей.

Итак, реклама – одна из социальных сфер, где язык используется в целях коммуникативного воздействия. Под *коммуникативным воздействием* понимается в рекламе воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) человека, создающее предрасположенность к выбору рекламируемого объекта [Пирогова 2001: 209]. Рекламная информация по своей сути не может быть объективной, это всегда «пристрастная» информация, но это еще не означает, что она лжива или манипулятивна по своей природе. Между тем рекламисты нередко используют именно манипулятивные приемы воздействия.

Рекламная информация всегда служит целям коммуникативного воздействия. Термин «коммуникативное воздействие» оставляет без уточнения конкретный характер и способ воздействия: воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), или воздействие на сознание через эмоциональную сферу, или воздействие на подсознание (суггестия), воздействие с помощью вербальных (речевое воздействие) или невербальных средств.

Под *стратегиями коммуникативного воздействия* в рекламе понимаются приемы выбора, структурирования и подачи в сообщении информации о рекламируемом объекте, подчиненные целям коммуникативного воздействия, выгодного для продвижения этого объекта на рынке. Основная цель коммуникативных стратегий в рекламном дискурсе состоит в том, чтобы выделить объект среди конкурентных объектов и

акцентировать (или даже искусственно сконструировать) его привлекательные для адресата сообщения свойства (реальные и/или символические).

По мнению Ю.К. Пироговой, следует различать стратегическую коммуникативную цель и дополнительные коммуникативные цели, без достижения которых в рекламном дискурсе трудно достичь основную. Дополнительные цели связаны с преодолением неблагоприятных условий коммуникации, обусловленных особенностями восприятия такой информации и отношения к ней [Пирогова 2001: 209]. Так, известно, что реклама воспринимается, интерпретируется и оценивается иначе, чем информация нерекламного характера. Рекламистам приходится преодолевать невнимательное отношение в рекламе, «избегание» рекламной информации, отсутствие заинтересованности в ней, предубеждение и недоверие адресата. В числе неблагоприятных факторов канала коммуникации могут быть названы отсутствие непосредственного контакта коммуникантов, воздействие на адресата конкурирующих рекламных сообщений и других потоков информации, провоцирующих когнитивный диссонанс.

Таким образом, в соответствии с указанным выше противопоставлением Ю.К. Пирогова различает в рекламном сообщении коммуникативные стратегии двух типов:

1) стратегии, направленные на формирование планируемого восприятия рекламируемого объекта (позиционирующие стратегии);

2) стратегии, направленные на оптимизацию воздействия самого рекламного сообщения (оптимизирующие стратегии) [Пирогова 2001: 209].

Для создания эффективного рекламного сообщения, как правило, необходимо использовать стратегии обоих типов. Вместе с тем на поверхностном уровне они могут быть совмещены даже в одной рекламной фразе или одном визуальном образе.

Удачным примером совмещения стратегий обоих типов в наружной рекламе может служить рекламная кампания автомобиля *Volvo* «Faites plaisir à votre voisin, garez-la devant

chez lui» или *Alfa Roméo* «Je ne porte pas de bijoux. Je les conduis».

Также Ю.К. Пирогова различает стратегии **по используемым средствам воздействия:** преимущественно вербально-ориентированные, преимущественно невербально-ориентиро-ванные и смешанные стратегии; фонетически или семантически ориентированные вербальные стратегии и их смешанные варианты; стратегии, основанные на использовании преимущественно эксплицитных или имплицитных коммуникативных средств и целый ряд других [Пирогова 2001: 211].

Мы подробнее остановимся на стратегиях, основанных на использовании имплицитных коммуникативных средств.

Использование имплицитной информации особенно характерно для рекламы и является отличительной особенностью правильно составленного рекламного текста. Под имплицитной понимается информация, не составляющая непосредственного значения компонентов текста, зафиксированных в словаре, но однако воспринимаемая слушателем этого текста [Борисова, Мартемьянов 1997: 49-50]. Дело в том, что призыв «Купи!», выраженный напрямую, то есть эксплицитно, будет интерпретирован реципиентом (потенциальным покупателем) как попытка навязать ему чужую волю, и, скорее всего, будет отвергнут. Если же призыв будет выражен имплицитно, то он не будет подвергаться прямой оценке, следовательно, может быть интерпретирован реципиентом как его собственный вывод, что значительно повышает эффективность рекламного сообщения. Именно с помощью такого «неявного», «скрытого» призыва можно весьма эффективно манипулировать сознанием реципиента.

Таким образом, язык может использоваться говорящим, чтобы навязать слушающему определенное представление о действительности, отношение к ней, эмоциональную реакцию или намерение, не совпадающие с теми, какие слушающий мог бы сформировать самостоятельно. По мнению Е.Г. Борисовой, в подобной ситуации имеет место использование языка как средства «контрабандного» воздействия на сознание слушателя

[Борисова, Мартемьянов 1997: 145]. Для рекламного текста важна преимущественно та имплицитная информация, которая связана с воздействием на реципиента и побуждением его к действию.

Дешифровка имплицитной информации может состоять из нескольких этапов – шагов. Чаше всего авторы рекламных текстов обращаются к одно- или двухшаговой дешифровке, наиболее доступной реципиенту. Одношаговая дешифровка предполагает импликацию «следовательно, это нужно купить» из содержания рекламного текста. Импликация – это следствие из сообщаемой эксплицитно или внушаемой имплицитно положительной оценки товара/услуги [Борисова, Мартемьянов 1997: 149].

Примером подобной рекламы может служить «OMSA – meilleurs collants» («OMSA – лучшие колготки»). Лучшие – значит надо купить. Импликация в данном случае простейшая, одношаговая. Но в настоящее время все чаще встречается реклама с двухшаговой импликацией. Ничто не стоит на месте, и люди стали относиться к фразам типа «это лучшие колготки» настороженно, требуя аргументации. С точки зрения когнитивного подхода, аргумент – это текст, изменяющий модель мира реципиента таким образом, чтобы повлиять на процесс принятия им решения.

Реклама часов *Omega* содержит двухшаговую импликацию: «Le choix de James Bond» («Выбор Джеймса Бонда»). Импликация здесь такова: Джеймс Бонд – секретный суперагент, пользующийся только совершенными предметами, изготовленными с использованием высоких технологий – выбирает именно эти часы – значит, они хорошие. Второй шаг очевиден: следовательно, их надо купить.

Действенность имплицитной информации основана на сложности ее извлечения, точнее на том, что адресат уже затратил на ее получение определенные интеллектуальные усилия. Язык является мощным средством коммуникативного воздействия. Языковые ресурсы позволяют не просто описывать какую-либо ситуацию внешнего мира, но и интерпретировать ее, задавая нужное говорящему видение мира, управлять восприятием ситуации и навязывать ее положительную или

отрицательную оценку. Существует немало разновидностей имплицитной информации (различные классификации представлены, в частности, Е.В. Падучевой (1985); в сборниках «Новое в зарубежной лингвистике» (1985), «Имплицитность в языке и речи» (1999) и др.). Остановимся на некоторых источниках и видах имплицитной информации и проанализируем их использование в целях коммуникативного воздействия и манипулирования.

Источником имплицитной информации являются, прежде всего, компоненты, входящие в состав конвенциональной семантики слов и конструкций. На их основе возникают так называемые конвенциональные импликатуры, к которым принято относить, в частности, семантические пресуппозиции и имплицитные компоненты, составляющие условия успешности речевого акта. Источники коммуникативных импликатур более разнообразны: ассоциативная семантика слов и конструкций, метафора, аналогия, эллидированные сравнения, конструкции с отрицанием, иерархия выделенных тем текста, жанровые особенности текста и другие [Падучева 1985:73].

Один из видов имплицитной информации представляют **семантические пресуппозиции** [Падучева 1985:73]. В качестве примера возьмем девиз одного банка, проанализированный в статье Ю.К. Пироговой на основании проведенных ею психолингвистических тестов: «*Мы работаем, чтобы сохранить Ваше доверие.* Данное суждение имеет пресуппозицию «Вы нам доверяете», которая сохраняет истинность даже при отрицании суждений: «Неверно, что (мы работаем, чтобы сохранить ваше доверие)» или «Мы работаем, чтобы не (сохранить ваше доверие)». Источником имплицитной информации в данном случае служит семантическая структура предиката *«сохранить».* Заметим, что если бы пресуппозиционная часть суждения была представлена в девизе в явном виде, девиз вызывал бы внутренний протест у многих людей: *Вы нам доверяете, и мы работаем, чтобы сохранить Ваше доверие. Мы завоевали Ваше доверие и работаем, чтобы сохранить его.* Таким образом, информация, которая без возражений воспринимается в виде пресуппозиции, может

вызвать протест, будучи представленной в явном виде (почему Вы решили, что мы Вам доверяем?)» [Пирогова 2001: 215]. Следовательно, пресуппозиции могут использоваться как способ внедрения в сознание адресата нужного рекламистам суждения без опасений, что это суждение будет воспринято адресатом с сомнением.

Другой разновидностью имплицитной информации являются условия успешности речевого акта, например, **исходное предположение вопроса** [Пирогова 2001: 215]

Это очень распространенный в рекламе тип имплицитной информации. Например, рекламный слоган «Pourquoi continuer à téléphoner trop cher?» *Tele2* (оператор сотовой связи) содержит имплицитную информацию «Можно платить за телефонные разговоры меньше». Другой пример, рекламный слоган автомобиля *Opel Astra* гласит: «Vous rêvez de vous lever tous les jours du bon pied?» подразумевает ответ «С покупкой этого автомобиля каждый день у вас будет начинаться с предвкушения поездки в нем, то есть хорошо».

Еще один вид имплицитной информации, заслуживающий внимания, - это **прагматические пресуппозиции,** то есть пресуппозиции, касающиеся знаний и убеждений адресанта и адресата [Падучева 1985: 75]. В качестве примера можно привести рекламную кампанию часов *Oméga*, в которой последний элемент слогана меняется: «Le choix de Cindy Crawford», «Le choix de James Bond», «Le choix de la coupe de l'America», «Le choix de Sir Peter Blake». Авторы данных рекламных текстов рассчитывают на широкую известность людей, представляющих эту марку часов, то есть на то, что реципиент знает их. А знаменитости, как правило, пользуются дорогими и качественными предметами. Именно эта интерпретация согласуется с прагматической пресуппозицией любого рекламного сообщения: «реклама содержит положительную оценку рекламируемого объекта, это информация в пользу рекламируемого объекта». Следующий пример демонстрирует, как прагматическая пресуппозиция может оказаться несостоятельной: слоган над изображением быстро движущегося автомобиля *Volvo* гласит «Il y a 200 chevaux dans

cette image. Sauriez-vous les retrouver?». Большинство, но не все люди знают, что выражение «200 chevaux» (по-русски «200 лошадей»), в просторечии применительно к автомобилям обозначает мощность двигателя, равную 200 лошадиным силам (200 л.с.). Человек, не знакомый с автомобильной (тем более просторечной автомобильной) терминологией может не понять о чем идет речь и проигнорировать этот рекламный текст.

Интересным источником коммуникативных импликатур является также **метафора**, и в частности **метафорический эпитет**. Так, рекламных текстах нередко используется «метафора глубины», как ее назвал в своей статье Р. Барт [Барт 1996:138]. Например, реклама автомобиля *Alfa Romeo* сообщает: «Cœur sportif». В этом примере имплицитно вводится сильное рекламное обещание, касающееся максимальной эффективности двигателя («спортивное сердце» или «сердце спортсмена» значит сильное, мощное, здоровое, работающее четко, в данном случае все эти качества переносятся на двигатель как самую важную часть – «сердце» автомобиля). Вместе с тем данные рекламные обещания в силу их метафоричности неконкретны, поэтому, строго говоря, рекламисты и рекламодатели не берут на себя практически никаких обязательств.

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «метафора навязывает определенный тип восприятия объекта и способ действий при решении проблем. При этом навязывание происходит незаметно, исподволь» (цитата приводится по книге Ю.К. Пироговой [Пирогова 2001:219]). Это, на наш взгляд, позволяет рассматривать метафору как источник имплицитной информации.

В качестве источника коммуникативных импликатур используются и **конструкции с отрицанием** [Пирогова 2001:220]. Например: «La ligne d`un nouveau coupé ne doit pas résister à la soufflerie mais à l`air du temps» *BMW*, из этого слогана следует, что все автомобили быстро устаревают, рекламируемому автомобилю скорая старость не грозит.

Умозаключения, опирающиеся на конструкции с отрицанием, встречаются в рекламных текстах достаточно часто. Это выгодный для рекламистов способ выделить

рекламируемый объект и подчеркнуть его достоинства по сравнению с некоторыми конкурентными товарами. Однако в некоторых случаях адресат рекламы может интерпретировать это суждение как более сильное - как противопоставление данного товара всем другим товарам в товарной категории. Психолингвистическое воздействие рекламного сообщения заключается в том, что реклама не только информирует нас о товаре или услуге, но и усиливает ту или иную потребность и представляет товар как средство удовлетворения этой потребности, воздействуя на подсознание потребителя. Реклама достигает цели лишь в том случае, если при составлении рекламного текста учитываются особенности человеческой психики.

Д. Денисон и Л. Тоби выделяют следующие этапы психологического воздействия рекламы: привлечь внимание, вызвать интерес, возбудить желание, дать аргументы в пользу товара (или услуг), привести к решению сделать покупку или воспользоваться услугами [Денисон, Тоби 1996: 94].

Прежде всего, реклама должна привлечь внимание читателя (слушателя или зрителя). В психологии различают непроизвольное и произвольное внимание. Первое возникает тогда, когда предмет замечен как бы случайно, без намеренного указания на него со стороны. Второе же требует определенного напряжения, связанного с тем, что мы сознательно хотим увидеть что-либо.

Реклама имеет дело именно с непроизвольным вниманием. Она должна пробудить интерес потребителя, воздействуя на его интеллект или эмоции. Здесь важно учитывать два типа отношения человека к языку печатных текстов: непосредственную заинтересованность чтением и отношение к чтению как к средству достижения цели. В первом случае интерес вызван эмоциональной привлекательностью произведения, во втором — связан с волевыми побуждениями. Следует также иметь в виду, что читатели по-разному воспринимают текст: одни - все содержание, элементы рекламы в их единстве; другие, имея эмоциональное восприятие, основанное на субъективных ассоциациях, воспринимают

эмоциональные моменты в тексте; третьи воспринимают те стороны рекламного текста, которые, например, благодаря внешнему оформлению бросаются им в глаза. Именно для последних читателей очень важно постоянно повторять рекламу. Читатель может быть недостаточно внимателен. Поэтому для усиления воздействия целесообразно формулировать рекламную мысль каждый раз по-новому.

Психологи утверждают, что эмоции взаимодействуют с побуждением и регулируют его любым из трех способов: а) усиливая; б) ослабляя; в) подавляя [Денисон, Тоби 1996: 102]. Если реклама сначала привлекает читателя или слушателя своей эмоциональной стороной, то затем она должна заинтересовать его своим содержанием, вызвать ту или иную реакцию, стимулировать определенное эмоциональное состояние: обрадовать, заинтриговать, удивить, подбодрить.

Эмоции и чувства, как считают исследователи, — всегда пассивно-активный процесс. Пассивный потому, что характер эмоций зависит от внешнего воздействия, в данном случае – рекламы, а также от внутреннего состояния того, кто читает или слушает объявление. Но в то же время этот процесс активен, поскольку всегда подготавливает человека к какой-либо деятельности, побуждая его к активности.

Хорошая реклама быстро вызывает в сознании адресата представление о предмете – образ и связанные с ним ассоциации. Она формирует рекламный образ.

Воздействие рекламы зависит и от содержащейся в ней оценки рекламируемого объекта, и от аргументации в его пользу. Если такой оценки и аргументов читатель не обнаруживает, то влияние рекламы значительно ослабевает. Есть аргументы объективные, логические, они раскрывают сущность рекламируемого объекта, его своеобразие и т.д., и есть аргументы, вызывающие определенные эмоции и ассоциации.

Американский психолог Р. Дилтс выделяет некоторые психологические закономерности восприятия рекламного текста. У некоторых рекламодателей есть желание поместить в печатной рекламе ёмкие объявления. Они руководствуются принципом: чем больше информации - тем больше эффект. Однако исследования показали, что рекламные сообщения,

содержащие менее 6 слов запоминаются в 3 раза лучше, чем более распространенные по синтаксической структуре предложения [Дилтс 1997: 46].

Европейцы читают слева направо, и взгляд человека вследствие этого движется также. В связи с этим правая сторона различается и запоминается лучше потому, что там взгляд останавливается. Верхняя часть страницы подвержена большему вниманию, чем нижняя.

Начало и конец рекламного объявления (так же как любого текста или события) запоминаются лучше, чем середина. Например, человек может запомнить день, когда первый раз пришел на новую работу и последний тоже (когда ушел), но вспомнить 200 или 300 день практически невозможно.

Рекламные объявления, напечатанные на цветной бумаге, более эффективны, чем на простой. Глаз сначала задерживается на цветной рекламе, а потом уже на черно-белой [Дилтс 1997: 48].

Доводы, содержащиеся в рекламном слогане, должны излагаться по-новому, интересно и убедительно. Важно учитывать мотивы покупателей, приводящие к совершению покупки.

По мнению Г.Я. Солганика, рекламный слоган должен быть подан правдиво и искренне, так как искренность придает рекламному слогану жизненность, индивидуальность и убедительность. Если текст слогана удачен, то он побуждает человека к действию. Зачастую это делается путем прямого или косвенного внушения. Реклама, независимо от содержащейся в ней информации и типа рекламы, должна быть яркой, оригинальной, увлекающей, так как основная ее функция — воздействие на потенциальных покупателей [Солганик 1990: 71].

Таким образом, реклама достигает цели лишь в том случае, если при составлении рекламного текста учитываются особенности человеческой психики. Воздействие рекламы зависит и от содержащейся в ней оценки рекламируемого объекта, и от аргументации в его пользу. Чаще всего, рекламисты стараются увлечь читателей формой обращения. Поэтому слоган и является наиболее доступной из всех форм обращения, используемых в рекламе.

Вопреки широко распространенному среди лингвистов мнению, что речь служит для передачи сообщений, информации, при анализе отдельных сфер речевого воздействия, в данном случае – рекламы, в психолингвистике исходят из другой онтологической предпосылки, согласно которой речь

является не средством передачи сообщений, а средством управления деятельностью людей путем косвенного внушения той или иной воли. Прагматические задачи, стоящие перед создателями рекламы – побудить людей купить рекламируемые товары или воспользоваться услугами – помогают исследователю рассмотреть реальные задачи, которые стоят перед коммуникантами. Речь действительно служит средством передачи сообщений, в этом нет никаких сомнений, но передача речевых сообщений никогда не является конечной целью общения, эта передача всегда есть только средство достижения других целей, конечная из которых – управление деятельностью получателя информации. Прагматическая ориентированность рекламных текстов позволяет поставить цель речевого общения – передать сообщение – в ряд других реальных целей, в котором передача речевого сообщения является некоторой промежуточной целью, подчиненной другой, конечной цели [Бюлер 2000: 212].

Таким образом, косвенные коммуникативные стратегии речевого воздействия предполагают аргументацию, вводимую речевыми актами, влияющими в определенной степени на представления адресата, однако не соотносимые прямо с его решениями. То есть, это языковые средства, организованные в соответствии с поставленной коммуникативной целью воздействия на потребителя.

Литература

Барт Р. «Глубинная» реклама // Барт Р. Мифологии. – М., 1996.

Борисова Е.Г., Мартемьянов Ю.С. Извлечение имплицитной информации в процессе понимания текста // Имплицитность в языке и речи. – М., 1997.

Бюлер К. Теория языка. – М.: Прогресс, 2000.

Денисон Д., Тоби Л. Учебник по рекламе. – Минск, 1996.

Дилтс. Р. Изменения убеждений с помощью НЛП. – М., 1997

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985.

Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики. – М., 2001. с. 209-227

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М., 2001.

Солганик Г.Я. Выразительные ресурсы лексики в публицистике. – М., 1990.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975.

© Тюрин А.В., 2005

Раздел II. Когнитивные и психолингвистические аспекты анализа дискурса и текста

Э.В.Будаев, А.П.Чудинов
Нижний Тагил - Екатеринбург

Когнитивно-дискурсивная парадигма в исследовании политической метафорики

Современная теория и практика когнитивного исследования политической метафоры генетически восходит к классическому исследованию Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff, Johnson 1980]. Как справедливо отмечает А.Н.Баранов, названная книга очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом соссюровского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры (иллюстрированной преимущественно материалами бытового общения), авторы названного труда обратились к политическому дискурсу, детально рассмотрев, в частности, милитарную метафору Дж.Картера и ее следствия (entailments).

Значительная часть современных исследований концептуальной метафоры может быть отнесена к когнитивно-дискурсивной парадигме в которой «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520]. В первом случае имеются в виду связи «с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания», а во втором – внимание сосредоточено на том, «как используется изучаемое явление в процессе общения людей» [там же: 519].

При когнитивном подходе к изучению концептуальной метафоры внимание исследователя сосредоточено на метафорической модели как ментальном феномене. В процессе такого исследования дается детальное описание сферы-источника и сферы-мишени, подробная характеристика фреймов и слотов каждой из названных сфер, а также других элементов модели.

При когнитивно-дискурсивном подходе исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами, которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией [Чудинов 2003: 170-178]. В современных публикациях можно выделить следующие направления изучения политических нарративов:

1. Исследование метафор, характерных для того или иного политического периода.

Несомненного внимания заслуживают работы американского ученого Р.Д. Андерсона, который обращается к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры (*коричневые, белые* и др.), метафоры сторон (*сторонники, противники, левые, правые*) и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

2. Исследование метафор, связанных с той или иной военной кампанией. Целая серия публикаций посвящена метафорам, которые использовались в дискурсе войны, которую США и их союзники вели против Ирака (Дж. Лакофф, Дж. Льюл, Дж.Гуднайт). Так, еще до начала военных действий Дж. Лакофф [Lakoff 2003] проанализировал метафоры, актуализированные администрацией и СМИ США для оправдания войны, и выделил базовые метафорические (метонимические) модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании:

1. *Государство – это индивид.* Развертывание метафоры *Ирак – это Саддам Хуссейн* в американских СМИ позволяет представлять войну в Ираке, как войну против одного человека, и оттеняет тот факт, что тысячи бомб, которые будут сброшены на Ирак (исследование опубликовано в преддверии войны), будут сброшены не на одного человека. Согласно американским СМИ государства-взрослые, т.е. экономически развитые государства, имеют полное право учить и дисциплинировать государства-детей, тем более, если ребенок становится *вооруженным подростком-хулиганом*.

2. *Модель Рациональной Личности.* Рациональная личность (государство) всегда стремится приумножить доходы и минимизировать расходы. В американской прессе война в Ираке представлялась, как торговая сделка, в которой доходы превышают расходы (чужие расходы, т.е. жизни иракцев, в расчет не принимаются).

3. *Сказка о справедливой войне.* По Дж. Лакоффу, метафорическая сказка о войне, в которой всегда есть Герой, Жертва, Злодей и Злодеяние, реализуется в двух вариантах. «История о спасении» была реализована при осмыслении первой войны в Персидском заливе (*Ирак – Злодей, Кувейт – Жертва, Злодеяние – изнасилование, Спаситель – США*). Для оправдания второй войны американская администрация и СМИ актуализировали «Историю о самозащите», в которой Жертва и Герой совпали.

Значительный интерес вызывают и исследования по проблемам метафорического представления Балканских

событий. Например, Дж. Лакофф показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ (автор проводил исследование на примере газеты «The New York Times») апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (*Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой*) и модели *Государство – это индивид.* Соответственно в сознании сербского народа Косово – это исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в *крестовый поход* ради возвращения сербам святой земли. По существу это еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне [Lakoff 2001: 32].

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Исследователь указывает на то, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С.Хусейна заменил «злодей» С.Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве «героя». Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что сербы и американцы апеллировали к историческим событиям второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному

восприниматься в американском обществе. Как отмечает В. Кеннеди, эта метафора содержит амбивалентные импликатуры (сильные и слабые импликатуры метафоры по К. Форсевиллю).

Миф об американской кавалерии, укрощающей непослушных индейцев и привносящей порядок на дикий Запад, в 90-е гг. сильно пошатнулся в результате деятельности общественно-правовых организаций и деятелей искусства, поэтому по представлениям части американцев укрощать необходимо американскую кавалерию.

3. Исследование метафор, связанных с той или иной избирательной кампанией. Так, К. де Ландсхеер и Д. Вертессен [Vertessen, De Landsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии, как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. В этом же исследовании авторы задаются вопросом, отличается ли использование политических метафор на телевидении (коммерческом и общественном) и в прессе (бульварной tabloid и серьезной quality). Как показал анализ, метафорические индексы печатной прессы в несколько раз выше аналогичных показателей для телевидения, даже если сравнивать индексы газет в период между выборами с индексами телевидения в предвыборный период.

4. Исследование метафор, связанных с тем или иным политическим событием (процессом). Так, например, рассматривается специфика метафорического представления путча, который предприняли сторонники коммунистической идеологии, пытавшиеся в 1991 году отстранить от власти президента М.С.Гор-бачева (Ю.Б.Феденева). Целый ряд исследователей обращается к изучению специфики метафорического представления политического скандала (М.Ю.Кочкин, В.Макарова, Е.И.Шейгал).

К. Халверсон [Halverson 2003], анализируя метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)», выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне.* Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социо-культурных причин терроризма представлен в публикации Дж.Лакоффа [Lakoff 2001b]. В монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – metaphoric systems) на три группы: окказиональные (*иммиграция – загрязнение среды* или *огонь*), вторичные (*иммиграция – вторжение*, *болезнь* или *бремя*) и доминантные (*иммиграция – опасные водные потоки*, *иммигранты – животные*).

5. Исследование метафор, отражающих ту или иную политическую позицию. Как показал Й. Цинкен, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим*, соответственно сторонники Леха Валенсы в 1989 году часто метафорически представляли коммунистов как *завоевателей-крестоносцев* [Zinken 2002].

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes, O'Regan 2004] рассматривают концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако ирландский народ проголосовал против изменения конституции на первом референдуме, что не замедлило отразиться в немецкой прессе. Недовольство тем фактом, что 3 миллиона ирландцев должны

решать судьбу 75 млн. новых членов ЕС, отображалось в немецкой прессе с помощью метафор дома и родства (*ирландцы хотят закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге*), криминальных метафор (*ирландцы требуют выкуп за 12 стран*) и др. При рассмотрении подобных фактов следует учитывать, что до проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и даже метафорически представлялись как любовные отношения. Накануне второго референдума, который закончился положительным голосованием, в немецкой прессе активизировались негативные смыслы метафор из самых разнообразных сфер-источников: ***семья*** (Германия/ЕС – *терпеливый родитель,* Ирландия – *непредсказуемый подросток, испорченный ребенок);* ***школа*** (*ученика нужно наказать, Брюссель ставит Ирландии плохие отметки*); ***дом*** (*Ирландия хочет разрушить дом*); ***болезнь*** (*Ирландия больна датской болезнью и может заразить Австрию* (датчане проголосовали против Маастрихтского договора в 1992 г.), ***война*** (*война за положительное голосование*) и др. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации (оппозиционирования): ***мы*** (немцы) – честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные, тогда как ***они*** (ирландцы) – жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные. В этом контексте постоянно противопоставлялись «хорошая старая Ирландия» и «плохая новая Ирландия».

Анализ метафор, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000-2003 гг.), выявил концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (***контейнер***, ***равновесие контейнеров*** и др.), при этом отмечается, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору *контейнера*, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору *равновесия контейнеров* [Drulak 2004]. Другими словами, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

6. Исследования метафорических идиостилей, то есть специфики метафор, используемых отдельными политическими лидерами. Так, Д.Берхо [Berho 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х.Д.Перона. Сопоставив метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х.Д.Перона, А.Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры Politics Is Work (*Политика – это труд*) в политическом дискурсе принесло ему огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х.Д.Перона к власти. Ср. подобное исследование, посвященное сопоставлению речевых стратегий во франко-голландском расистском дискурсе, в результате которого были выявлены ведущие метафоры в идиолекте А.Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А.Ле Пен (сравнивающий себя с Ж.Д'Арк и У.Черчиллем, а деятельность своей партии с антифашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А.Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства [Valk 2001].

Самостоятельный интерес представляют корпусные исследования метафор в идиолектах известных политиков, что позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые в речи политиков для манипуляции общественным сознанием. Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков (У.Черчилля, М.Л.Кинга, М.Тетчер, Б.Клинтона, Т.Блэра, Дж.Буша), показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Особое место среди публикаций этого направления занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор

в переконцептуализации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [Heradstveit, Bonham 2003], изучая влияние политической метафоры Дж.Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрели интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж.Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил.

В российских публикациях рассматривается метафорическая специфика идиостилей ведущих российских политиков В.Жириновского, Ю.Лужкова, Б.Немцова, И.Хакамады, В.Черномырдина, Г.Явлинского и др.

7. Сопоставительное исследование политических метафор. Например, исследование метафорической репрезентации евро в итальянской и британской прессе показало, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы: *евро – здоровый ребенок* и *евро – поезд, сошедший с рельсов* [Semino 2002].

В работе финского исследователя М.Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показано, что дебаты на Межправительственной конференции 1990-1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и страны-члены НАТО видели в Западноевропейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку.* Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

А.Мусолфф прослеживает «эволюцию» метафоры «*Европа – это дом / строение*» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. В работе моделируется

два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом, обнесенный забором). При переводе метафоры Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной площадке)* или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие*, считающие себя *архитекторами*) [Musolff 2000].

В других публикациях А.Мусолфф [Musolff 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником дорога/ движение/ скорость в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Исследованию концептуальной метафоры *политическое тело* (*body politic*) в статьях английской и немецкой прессы 1989-2001 гг. посвящена публикация А.Мусолффа [Musolff 2004], в которой автор выявляет, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это (человеческое) тело» приходятся на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz*

Europas). Немцы предпочитают использовать метафору *сердце Европы* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом / Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й.Цинкеном [Zinken 2002], который разделяет рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для россиян важно определить, стоит ли Россия на *пороге* европейского дома или ее впустили в *прихожую, отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обживаться* в европейском доме и т.п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используются, однако здесь продуктивны образы *порядка в доме, договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, в частности, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме – реалия относительно редкая и малоактуальная. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-

специфичные (diskursspecifische), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (Abbildungs-stereotypen). В концептуализации Европы выделяется три таких стереотипа – Европа институциональная, Европа культурная и Европа географическая. Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения. Для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип «Европа – это дом, находящийся в чужой собственности» (географический подход); именно с этим стереотипом связаны попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет, хотя географически Европа заканчивается на Урале [Zinken 2002: 179-192].

Несколько иной подход Й.Цинкен использует для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три общих схемы (близких образ-схемам М.Джонсона) для концептуализации интеграционного процесса. Схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе, где доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и создания семьи. Вместе с тем подобные образы нередко несут заметный заряд иронии. В

одних случаях поляки представляются бедными родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями, а в других создается образ молодого бедного кавалера (Польша), который неудачно сватается к далеко не юной, но богатой даме (Евросоюз), не желающей объединять имущество и предпочитающей свободные связи [Zinken 2002: 192-203].

Сопоставительные исследования метафорического мировидения политических феноменов в исторически гетерогенных культурах представляют большой интерес, но, к сожалению, подобные исследования единичны. Попытку сопоставить метафоры, легитимирующие социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии, предпринял Э.Рингмар. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э.Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [Ringmar 2005].

Сопоставительные исследования широко представлены и в российской лингвистике. Подобные исследования позволяют отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, общечеловеческое и свойственное лишь отдельным национальным политическим дискурсам. Материалы конкретных публикаций показывают, что в современных политических условиях действительно сложился своего рода интердискурс (термин Т.В.Шмелевой), поскольку современные политики и журналисты в различных странах Европы и Америки нередко используют очень похожие метафорические образы. Указанные выше публикации позволяют сделать вывод, что концептуальные метафоры с такими сферами-источниками, как «война», «театр», «спорт», «дорога», «мир животных», «мир растений», «погода», «болезнь», «механизм» и «дом», активно используются едва ли не в каждом национальном политическом дискурсе.

Вместе с тем специалисты постоянно фиксируют и национальные особенности политической метафоры. Например, столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор, совершенно нехарактерно для США. Это же можно сказать и о столь типичной для нашей страны криминальной метафоре, в соответствии с которой политическая элита образно представляется как своего рода преступное сообщество со своими «паханами» и «шестерками». С другой стороны, так характерная для США метафорическая модель со сферой-источником «бизнес» лишь в последние годы завоевывает определенное место в российском политическом дискурсе, а метафорический образ «справедливый полицейский» совершенно не воспринимается российским сознанием.

Важно подчеркнуть, что различия в использовании метафорических моделей чаще всего проявляются лишь на уровне отдельных слотов и концептов. Так, и в России, и в Соединенных Штатах весьма распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая из команд стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который лишь в некоторой степени напоминает игру, столь любимую в России, тогда как в нашей стране (как и в других европейских странах) сферой-источником служит совсем иная игра, следствием чего может оказаться взаимное недопонимание. Показательно, что в современной российской политической коммуникации весьма продуктивны образы, восходящие к концепту «коммунальная квартира», но такие метафоры понятны лишь немногим американцам, немцам или французам.

При всем различии рассмотренных выше подходов к политической метафоре когнитивно-дискурсивная парадигма объединяет исследования, для которых характерно, с одной стороны, понимание метафоры как феномена мышления, играющего важную роль в осмыслении и преобразовании политической действительности, а с другой – стремление учесть специфику дискурсивных факторов, определяющих использование тех или иных метафорических моделей.

Литература

Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М., 2004.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2003.

Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 2000. Vol. 54. № 2.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.

Drulak P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15. Florence, 2004 // www.arena.uio.no/events. 2004.

Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // Journal of Undergraduate Research. 2003. Vol. 6.

Heradstveit D., Bonham G. M. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA. Paper No. 655. — Oslo, 2003.

Kelly-Holmes H., O 'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. 2004. Vol. 3. № 1.

Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15. № 4.

Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org. 2003

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.

Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters. December 1999. P. 1-40 // www.frameworksinstitute.org 2001.

Luoma-aho M. "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union // Journal of European Public Policy. 2004. Vol. 11. № 1.

Musolff A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English// www.dur.ac.uk/modern.languages/depts/german/Musolff. 2001a

Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001b.

Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // Metaphorik.de. 2004. № 7.

Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/potfc/Granada/Papers/Ringmar. 2005.

Santa Ana O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse. – Austin, 2002.

Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // Text. 2002. Vol. 22. № 1.

Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). Paper

for the ECPR-conference, Grenoble, 6-11 April, 2001. P. 1-32 // http: // www. essex.ac .uk /ecpr /events /jointsessions. 2001.

Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/ jointsessions. 2005.

Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld, 2002.

©Э.В.Будаев, 2005
©А.П.Чудинов, 2005

Н.А. Кузьмина, Е.А. Абросимова
Омск

Бардовская песня как интертекстуальный феномен

Давайте понимать друг друга с полуслова
Булат Окуджава
Ни у кого не украденное несвое.
Расхожее мнение об авторской песне

Бардовская (авторская) песня – одно из парадоксальных явлений русской культуры. Появившись во время хрущевской «оттепели» как своеобразная речевая реакция на официальный, тоталитарный язык, этот жанр остается практически неизученным, несмотря на возросший интерес исследователей к маргинальным явлениям эпохи застоя. Между тем феномен бардовской песни являет ряд загадок.

Рожденная в так называемых КСП (клубах самодеятельной песни) как продукт «побочной» творческой деятельности негуманитарной, в основном «технической» интеллигенции – наиболее нонконформистски настроенного социального слоя, она очень скоро превращается в основное занятие и становится профессиональной.

Эстетические упреки сопровождают бардовскую песню с момента рождения (причем даже со стороны признанных ею же авторитетов – Александра Кушнера, Бориса Чичибабина, Давида Самойлова), а между тем в числе авторов и исполнителей не только молодежные компании и туристические группы, но и люди, способные оценить качество музыки и поэзии, для которых примитивизм, как и для обериутов, род маски, элемент игры. Любопытно, что создателем таких нарочито примитивных текстов, как «Я хочу иметь щеночка» или «Мой папа – шизофреник», является научная суперэлита – преподавательский коллектив Новосибирского государственного университета.

Будучи взращена на фольклорном субстрате, бардовская песня в то же время тесно связана с классической поэзией. Авторский, то есть индивидуальный, текст по определению, это в то же время семиотическое пространство, где *я* равно *мы*, как в произведениях устного народного творчества. Интересно и то,

что, подобно фольклорным текстам, авторская песня сегодня мало изменилась: набор тем, поэтический строй, изобразительные средства постоянны, они повторяются из года в год, переходя из одного произведения в другое.

Внешне открытая, казалось бы, доступная для понимания и воспроизведения любому, бардовская песня фактически представляет собой достаточно «герметичный» текст. Ее язык – особый код, система символов, понятных лишь тому, кто вхож в «свой круг»: исполняя песню, автор рассчитывает на полное понимание со стороны слушателей, которые – в свою очередь – тоже являются авторами и исполнителями (реальными или потенциальными).

Кстати сказать, противоречивость бардовской песни, невозможность втиснуть ее в прокрустово ложе четких литературоведческих моделей была осознана практически в самом начале ее существования: руководитель Ленинградского клуба самодеятельной песни "Восток" Ю. Андреев еще в 1967 г. в журнале «Октябрь» замечал: «Само явление столь диалектично, что не укладывается в метафизическое "или-или"» [Цит. по: Курилов 1999].

Попробуем определить феномен бардовской песни, используя некоторые положения теории интертекста, предложенной в монографии [Кузьмина 1999]. Интертекстуальность рассматривается в работе как «онтологическое свойство любого текста (прежде всего художественного), определяющее его “вписанность” в процесс (литературной) эволюции <...> это глубина текста, обнаруживающаяся в процессе его взаимодействия с субъектом». Можно предположить, что интертекстуальность – «критерий эстетической ценности текста: если произведение не обладает этим свойством, оно не имеет шансов войти в литературу» [Кузьмина 1999: 25-26].

По нашим наблюдениям, бардовские тексты имеют высокую «плотность» интертекстуального слоя – включают разного рода цитатные знаки, не только вербальные, но и невербальные. Так, в музыкальном отношении авторская песня опирается на тот слой расхожих, легко узнаваемых и любимых интонаций, который бытовал в среде ее обитания и складывался из самых

разнообразных источников. Среди музыкальных прототекстов бардов исследователи называют бытовой романс, студенческий и дворовый фольклор (в том числе и блатную песню), народную песню, популярную танцевальную музыку, песни военных лет и даже французский шансон («задумчивый голос Монтана») и музыкальный текст XVII-XVIII вв. (Гендель, Бах, Моцарт) [Аннинский 1999; Кофанова 2002; Курилов 1999; Левин 2001; Левина 2002]. «Отсюда, из этого всегда находящегося на слуху и постоянно пополняющегося интонационного словаря черпали свои незамысловатые мелодии, нимало не заботясь об их оригинальности, поэты-певцы «первого призыва» – Булат Окуджава, Юрий Визбор, Новелла Матвеева, Александр Городницкий, В.Берковский, В.Вихорев, Е.Клячкин, А.Якушева, Ю.Ким, С.Никитин, А.Дулов, Ю.Кукин, Б.Рысев и др.», – пишет Л.И.Левин [Левин 2001].

Остановимся подробнее на характере различных интертекстуальных слоев и функциях вербальных интертекстуальных знаков в бардовской песне.

Заметим, что мы принимаем разграничение «ядерных» и прецедентных текстов культуры: первые обладают непреходящей эстетической ценностью и высокой энергией, что позволяет им присутствовать в качестве субстратного слоя в любой художественной системе вне зависимости от времени, вторые – «актуально-оперативные» тексты, востребованные в соответствии с «модой, вкусом <…> политикой государства <…> системой предпочтений того или иного языкового (социального) коллектива» [Кузьмина 1999: 53].

«Ядерные» тексты культуры. По нашим наблюдениям, тексты «типичной»[1] бардовской песни обычно воспроизводят

[1] Так как бардовская песня представляет собой явление разнородное и не существует ее официальной классификации, в работе используется типология песен по принципу полевой структуры: выделяется ядро – «типичная» бардовская песня – и периферия. Типичная бардовская песня соответствует основным признакам бардовской песни: преобладание поэтической составляющей над остальными компонентами, триединство музыканта, поэта и исполнителя, особая атмосфера исполнения в кругу близких друзей, где Я=ТЫ, временное ограничение (60-е – 90-е гг. XX в.).

некие когнитивные сценарии, содержательные инварианты, в основе которых нередко лежат определенные мотивные комплексы, «бродячие сюжеты», имеющие мифологические корни. Миф, как известно, является одним из наиболее частотных и значимых прецедентных феноменов: повторяясь циклично в течение длительного времени, он откладывается в языковом сознании в качестве конвенционального стереотипа, выступающего регулятором восприятия и понимания текста [Пищальникова, Сорокин 1993]. В соответствии с естественной устной формой существования мифа передаче подлежат прежде всего «определенные сюжеты, мотивы и их комбинации, которые как угодно варьируются в каждом новом применении. Именно поэтому для поэтических формул фольклорного происхождения принципиально невозможно указать конкретный источник» [Кузьмина 1999: 108]. В то же время некоторые мифологические сюжеты и мотивные комплексы доходят до читателя через посредство «сильных» художественных текстов («Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Дон-Кихот» Сервантеса, «Синяя птица» Метерлинка, «Алые паруса» А. Грина, сказки Андерсена или Шарля Перро, сверхтекст русских сказок об Иванушке-дурачке и проч.).

Так, например, в бардовской песне мотив путешествующего героя нередко связан с мотивом женщины, ожидающей своего мужчину (гомеровские «Илиада» и «Одиссея») – барды постоянно цитируют сюжетно-композиционные линии, образы персонажей, различную символику из этих произведений: *у Геркулесовых Столбов лежит моя дорога. У Геркулесовых Столбов, где плавал Одиссей* (А.Городницкий), *Заиграла в жилах кровь коня Троянского* (Ю.Кукин), *ты не спеши меня забыть, ты подожди немного. И вина сладкие не пей, и женихам не верь* (А. Городницкий), *Атланты небо держат на каменных руках* (А. Городницкий).

Картина мира бардовской песни подобна мифологической, созданной, в частности, в «Одиссее»: героя не устраивает то место и время, в которых он находится, и поэтому он стремится в «идеальный» хронотоп, но, чтобы туда попасть, он должен преодолеть ряд испытаний. В бардовской песне, как и в «Одиссее», герой практически всегда находится в состоянии

пути – из отрицательного хронотопа в положительный или наоборот [Кузьмина, Абросимова 2002]. Возможно, что само исполнение бардовской песни, которое можно назвать ритуальным, – под аккомпанемент незатейливой гитарной музыки, в тесном кругу друзей, у костра – осознается как своеобразная параллель исполнения древнегреческих произведений певцами-бардами. Неслучайно в бардовских песнях постоянно встречается образ музыканта (*старик с шарманкой и сурком, шарманщик, слепой певец, волшебный музыкант, Моцарт на маленькой скрипке играет*).

Мотив чудака (дурачка, странного человека, бродяги) в творчестве бардов часто связывается с образами Дон-Кихота, Иванушки-дурачка, Маленького Принца, нелепыми и милыми героями сказок Андерсена: *И проживу жизнь чудаком из старых сказок, который смотрит в мир с раскрытым ртом. Я буду верить всякой чертовщине, Гадать по снам, по птицам, по руке. А чтоб быстрей росли деревья и цветы, я буду по утрам играть на флейте* (В.Луферов); *Беглец и продолжатель рода, /Облезлый кот и Дон-Жуан* (С.Арно); *А Санчо лишь до боя / Несет оружие мое, О, не печальтесь, Дульсинея, / Любая рана заживет* (Б. Щеглов).

В качестве маркеров романтических мотивов нередко выступают имена А.Грина и его героев: *над океаном алые взметнутся паруса, и скрипка пропоет над океаном. Не спи, мой друг, ведь это же не сон, и алый парус правда гордо реет. Там где отважный Грей нашел свою Ассоль, В той бухте, где Ассоль дождалась Грея* (Ю.Визбор); *Да, я не смог бы объяснить никому и никогда, почему мне иногда набегает на глаза горьковатая слеза. Раскинутый шатер, простор, прекрасный белый конь, женщины, пляшущие в ночи* (В. Луферов «Посвящение А.Грину»).

Вообще говоря, для бардовской песни характерно обилие собственных имен – «точечных цитат» (М.Ю.Белякова), энергетически емких знаков, которые способны активизировать в сознании читателя более или менее обширную область интертекста, границы и глубина которой определяются его собственной когнитивной базой: Синяя Птица (*Но кто-то красивым словом назвал тебя синею птицей. Просится птица в*

сказку. Но что же ты плачешь, птица? Поставит рассвет в сказке точку. А.Крупп; *Но вот друг мой шел за Синей Птицей, / Шел сквозь снег, да так и не дошел.* Ю.Кукин); Данко (*Сердце Данко людям вечно горит, как полярная звезда.* Ю.Кукин); Кощей Бессмертный (*Мы докажем, что нет в этом царстве / Бессмертных Кощеев.* И.Жук). Среди имен, воссоздающих «вечные» образы, встречаются Мефистофель, Илья Муромец, Ганнибал, Гамлет: *Врут, что я, мол, Мефистофель* (И. Михалев); *В Бога-Бога-Богатыри / Наши-наши-нашитыри / Тычут, чтоб ожил подлец, / Или я, или Муромец* (С. Арно), *Где ж ты, наш Ганнибал? Ты не знаешь, что / бал будет завтра на славу! / Завтра – быть иль не быть, завтра – кровью / Будить выйдем эту державу* (И. Жук).

Нередко обыгрывается внутренняя форма имени, это создает эффект иронического осмысления «высоких» и одновременно шаблонных персонажей, что вполне соответствует традиции русских скоморохов, с которыми барды ощущали глубинную связь: *Я меч-кладенец Дураку дал на правое дело, / А он у драконов теперь самый первый холуй* (И. Жук); *Царевна-Лягушка состарилась злющею жабой*; *А Баба-Яга оказалась поистине бабой, / И нянчит внучат, усадив на свое помело* (И. Жук); *Мы с Лешим распили полбанки вчера в зоопарке* (И. Жук); *А бедная Золушка снова в золе день и ночь* (И. Жук).

Иногда мифологическое имя в соответствии с общей семантической неоднозначностью и амбивалентностью самого мифа как текста дает импульс к появлению разных сюжетов. Интересна в этом смысле семантика имени *Золушка.* С одной стороны, Золушка олицетворяет романтику, приобщенность к красоте и изысканности (в прототексте актуализируются связи со сценой бала, хрустальными туфельками, волшебным платьем): *Все про Золушек и принцев / Сочиняются слова. / Про мечту, девичий принцип/ И другие кружева. / Про банкеты и паркеты, / клавесины на балах. / Про манжеты и горжеты* (М.Анчаров). В другом случае Золушка отождествляется с покинутой женой – сюжет «бедной сиротки» [Мелетинский 1997], антиподом ей выступает Белоснежка в роли любовницы: *Я Золушку с принцем сводил, вот у них уже дочь…/ А принц в Белоснежку*

влюбился, развелся и спился, / А бедная Золушка снова в золе день и ночь (И.Жук).

Второй тип «сильных» текстов, значимых для бардовского творчества, – это, на наш взгляд, детские стихи, мы бы даже сказали, детский стихотворный фольклор, потому что конкретное авторство в данном случае совершенно несущественно, что сближает этот интертекстуальный слой с мифопоэтическим: *Как на Манькины именины / Испекли мы каравай. / А он взял и не явился – / Он тобой побаловал* (М.Анчаров), *Родилась елочка в лесу, / В лесу она росла. / А Новый год уж на носу, / Такие-то дела. / Мужик ту елочку срубил / И погрузил на воз, / Еще десяток повалил / И на базар повез. / Продал там с выгодой большой / И сахару купил,/ И со спокойною душой / Горилки наварил./ Детишки пьют, старуха пьет, / И родственники пьют./ Встречают, в общем, Новый год / И песенку поют: / «В лесу родилась елочка…» / – Эй, кум, еще налей! / «…Зимой и летом стройная…» / – Давай-ка веселей!* (А.Крупп).

На наш взгляд, интерес к детским произведениям может быть связан с изначальным стремлением бардов к созданию альтернативного, сказочно-наивного мира с вечными ценностями, мира, где *по синим цветам бродят кони и дети* (М.Анчаров), в котором существует четкое разделение черного и белого, добра и зла, друзей и врагов. Так, в песне Ю.Устинова обращение к имени Андерсена связывается с размышлениями о конечности жизни и желанием вернуть детство: *Где ты, Андерсен, вернись. / Видишь, домик на картинке, / Видишь, стоптаны ботинки, / И к концу подходит жизнь*.

Иногда цитаты из детских стихов выступают в качестве актуализатора собственной философской идеи барда, которая «вчитывается» в прототекст. Примером могут служить маркированные, но неатрибутированные цитаты из А.Барто, использованные в песнях В.Луферова и Е.Клячкина: *Красный, синий, голубой – выбирай себе любой. Это наш закон людской, а не детская считалка: если выбран голубой, синего не взять, а жалко* (В.Луферов); *«Идет бычок, качается…» / О чем ему мечтается <…>И пусть доска качается, / Но только не кончается, / И пусть бычок не падает на ней* (Е.Клячкин).

Следующий интертекстуальный слой «ядерных» текстов – известные имена и произведения русской и мировой культуры. Интертекстуальные отсылки к ним в поэзии бардов, на наш взгляд, по большей части выполняют функцию «апелляции к авторитету» – маркера приобщения к «высокому» искусству: *Неровно вздрагивал фонарь, / И, сокращая расстоянья, / тень повторяла колебанья, / И царь лесной был снова царь <…> Не разбирая почему, / себя я смело им вручаю, / Я про себя так мало знаю, / Что и сомненья ни к чему* (Е.Клячкин), *Я стихи про Кармен сочиняю* (И.Михалев).

Заметим, что барды сравнительно редко используют цитаты-высказывания, предпочитая прецедентные имена, идеально соответствующие выполнению именно этой функции: *Ах, этот Моцарт, летящий вдали, / Эта тоска по его менуэту! / Бабушки нету, и золота нету, / Нового золота не завели* (А.Сухарев); *Да здравствуют музы! / Да здравствует Пушкин! / Да скроется тьма!* (М.Анчаров); *Ведь наши захотят потомки / И Пушкина, и Шишкина* (С.Арно), *И Николай Рубцов, И Антокольский Павел, / И даже несравненный светлый Блок / Не стали исключением из правил… / Поэт – лишь инструмент, / Диктует Бог. / Не связанным «наследьем» Эпикура, / приверженцам великого слепца / Вселенская доступна партитура / От сотворенья, / К благости конца* (С.Татаринов).

Обращение к именам Пушкина и Хемингуэя, по нашему наблюдению, часто обозначает обращение к родственным душам: *Горела ввечеру свеча, / И ты в ладони головой поник. / Одни твои друзья в руках у палача, / Другие в кандалах бредут в Сибирь, в рудник <…> И А у тебя по вечерам / не гаснет долго в окнах свет, / И в обществе тригорских дам / Тебе, любимцу, равных нет <…>Лицейский друг твой, щурясь близоруко, / Старательно у пистолета нажимал курок. / Осечка раз, осечка два, осечка три – ни звука. / Какой из Кюхельбекера стрелок? <…> И совести твоей так беспощаден суд. / Не скоро выведет рука / И ляжет под пером строка: / «Во глубине сибирских руд…»* (В.Вихорев); *Все также ярок солнца свет, / Но стало, кажется, темнее, / Когда узнал я из газет, / Что нет в живых Хемингуэя <…> Нет, он не фантазер – чудак, / Он мир хотел*

счастливым видеть, / Не каждый ведь умеет так, / Как он, любить и ненавидеть (А.Крупп «Смерть Хемингуэя»).

Если же в текст включена развернутая цитата, она чаще всего функционирует как поэтическая формула – знак «большой» литературы: *Как говорил поэт, звезда еще взойдет* (И.Михалев), *Еще взойдет звезда в созвездии удача* (Ю.Визбор), *Все так же, извини, прекрасны розы* (Ю.Визбор).

Идея высокого искусства, ассоциированная с именем творца, в ряде песен противопоставляется реалиям советского времени: *Вот стенка обвалилась / в моей сырой квартире, / И клад наружу вышел, / Родился, наболел. / В нем пушкинские письма / Лежат, неровно дышат <…>...Двадцать пять процентов / От пушкинского слова / Мне так и не начислят – / Закон еще честней:/ Под гром аплодисментов/ вдруг выяснится новость,/ Что здесь я не прописан, / И сам себе – ничей <…>Духовное наследство / Не подлежит награде, / Пошли бы, – мне сказали, –/ Вы на брега Невы* (С.Арно). В песне И.Жука один из самых сильных текстов культуры – Библия (актуализированная именами апостолов) сталкивается с другим «культовым» идеологическим текстом тоталитарной эпохи – моральным кодексом строителя коммунизма (одним из прототекстов которого также является Библия): *И сколько ж книг еще писать Луке, Иуде и/ Матфею – / Коль человеку человек есть друг, товарищ и / – палач.*

Итак, интертекстуальные знаки «ядерных» текстов культуры в бардовской песне – это чаще всего собственные имена и поэтические формулы, которые не связаны ни с конкретным автором, ни с конкретным текстом. Они воспринимаются как уже созданные, многократно употреблявшиеся в различном языковом окружении и потому ощущаются как то общее, которое может (и должно) быть присвоено и переосмыслено; «это способ индивидуального мышления о мире в категориях, выработанных коллективной поэтикой» [Кузьмина 1999: 199].

Иные функции выполняют **интертекстуальные знаки текстов, прецедентных для творчества бардов**. Эта категория текстов неоднородна и может быть разделена на несколько субкатегорий. К первой из них мы относим **модные «тексты культуры»,** эта группа достаточно «разношерстна» и,

естественно, зависит от индивидуальных вкусов автора, своеобразия его личности и, конечно, от времени.

Например, песня Ю.Визбора “Товарищ женщина” построена на разного типа цитациях стихотворения В.Брюсова “Женщине” (“Ты – женщина, ты – книга между книг…”). Песня использует конструктивно-синтаксические особенности прототекста и его общую семантику преклонения перед женщиной для выражения собственных, новых смыслов новой эпохи (кстати сказать, в самом названии текста видится некая ирония по отношению к идеологическим стереотипам тоталитарного языка): *О, женщина, начало всех начал, о, песня колыбельная над миром! Какие ни рождались бы кумиры, их дальний путь венчает твой причал.* Слову «товарищ» возвращается его первоначальное значение – настоящий друг, спутник в пути. Песня заканчивается строкой *Товарищ мой, любимая моя.*

Одна из функций диалога с текстами данной категории**,** на наш взгляд, может быть обозначена как функция привлечения внимания (развлекательная). Она заключается в упоминании наиболее известных, модных имен и спорных идей культурной жизни времени расцвета бардовской песни: *С Куро-Куросавой снимусь / У Бондарчука* (С.Арно); *Не верьте Брэму насчет крокодилов. Из яиц чаще выводятся цыплята, змеи и муравьи. У крокодилов же дело происходит совсем по-другому. А Брэм был хороший человек, знающий, но не пророк* (В.Миляев “Как размножаются крокодилы”); *И между нами белую черту мы сами провели, и наши трассы путями параллельными пошли. Холодное величье параллели. Идем в плену уставного нюанса. И главное – уйти от резонанса* (В.Канер «К вопросу о некоторой несправедливости пятого постулата Эвклида»). В этой же функции, по-видимому, выступают переклички с классическими блатными текстами: *Гоп-стоп, а ну, подвиньтесь, кореша / Гоп-стоп, я начинаю – значит, ша! / Гоп-стоп, я ваше дело сторона, / Я подойду из-за угла – и всем хана* (И.Михалев).

Вторая субкатегория прецедентных текстов – **«канонические», или «культовые»** (А.А.Грицанов) **песни родоначальников жанра**, бардов-поэтов: В.Высоцкого, А. Галича, Б.Окуджавы, Ю.Кима, а также получившие наибольший резонанс в «своем», «ближнем» круге (и вследствие этого

большую имплицитную энергию) безошибочно узнаваемые произведения: «Как здорово…» Олега Митяева, «Атланты» Александра Городницкого, «Домбайский вальс» Юрия Визбора и некоторые другие. На наш взгляд, диалог с «культовыми» текстами используется двух функциях.

В диахроническом аспекте – в творчестве поэтов «новой», «молодой» волны – это функция почти религиозного поклонения. Как пишет Александр Мирзаян в своем программном для идеологии бардизма эссе «Авторская песня как база русской национальной идеи», «имена основоположников жанра авторской песни – Окуджавы, Высоцкого, Галича, Городницкого, Кима, Визбора – стали паролевыми, тестовыми на принадлежность к общности нового самосознания. <…> Эти песни совершили наше внутренне преображение. Они стали как бы нашей мирской, гражданской “литургией” атеистического общества» [Мирзаян http://www.bard.ru].

Можно сказать, что функция пароля способствует превращению отдельных интертекстуальных знаков таких прототекстов в поэтические формулы, для которых, как для формул классической литературы или мифа, важно только приобщение к бардовскому субстрату. *Щемящее чувство дороги; лыжи у печки стоят; милая моя, солнышко лесное; струна осколком эха пронзит тугую высь; лучше гор могут быть только горы…*– вряд ли «средний» слушатель-читатель сможет точно назвать автора и конкретную песню-источник, но все безошибочно опознают бардовскую традицию.

Кстати сказать, обращение к поэтическим формулам жанра может быть как осознанным, так и бессознательным. Можно лишь предполагать, насколько важны для понимания песен А.Круппа или И.Михалева немаркированные знаки творчества Юрия Визбора: *наши лыжи у печки стоят* (А.Крупп) – *лыжи у печки стоят* (Ю.Визбор); *Вот и все. Расставаться пора бы* (И.Михалев) – *Вот и закончилось все, возвращаться пора* (Ю.Визбор). Еще труднее говорить об осознанной цитации в песнях современных бардов – Ю.Алейник, О.Арефьевой и др. Ср. *о чем мечтал, бродяга?* (Ю.Алейник) – *о чем грустишь, бродяга?* (О.Митяев), *А пока давай сыграем вальс* (О.Арефьева) – *слушай, давай станцуем вальс* (Ю.Визбор), *вдали эхо*

звенит, как моя золотая струна (О.Арефьева) – *струна осколком эха пронзит тугую высь* (О.Митяев).

Здесь, по-видимому, уместно вспомнить о том, что цитата есть функция элемента текста, это то, что автор/читатель воспринимает и осознает как цитатный знак, таким образом, статус какого-либо знака как цитатного определяется в соответствии с когнитивной базой воспринимающего субъекта. Интересно, что, с учетом стертости индивидуального, личностного начала в бардовской песне [Кузьмина, Абросимова 2002], несущественно, какой из двух текстов выступает как мета-, а какой как прототекст. Можно полагать, что перед нами – поэтические формулы бардовской песни, интертекстуальные знаки бардовского сверхтекста.

Однако обращение к жанровым эталонам в бардовском творчестве возможно и с другой целью, причем в этом случае оно всегда осознанно и подчеркнуто. Это ирония (и даже самоирония), пародия на «образцы», «святыни» как проявление общего неприятия феномена толпы, слепого поклонения кумирам, характерного для официальной идеологии 60-70 гг.: *Если друг оказался вдруг/ и не сват, и не брат, а гад, / если сразу не разберешь,/ трезв он или «хорош»…Если парень ни бе, ни ме,/ если парень себе на уме,/ ты пока штурмовал облака,/ смотришь – нет рюкзака,/ ты напрасно слезы не лей, просто морду ему набей* (И.Михалев «Пародия на В.Высоцкого»), *Когда на сердце тяжесть и плохо в животе, спешите к Эрмитажу, пусть даже в темноте, где без питья и хлеба – тюремного пайка – Атланты держат небо на каменных руках. Стоят они, ребята – точеные тела, поставлены когда-то в чем мама родила* (Ю.Кукин. «Пародия на А.Городницкого»).

Характерно, что в пародиях прототекст остается узнаваем: обычно сохраняется его сюжетно-композиционный шаблон, ритмическая структура. Например, в песне И.Михалева «Как, здорово?». Пародия на О.Митяева» используются цитаты из текста-источника, данного в эпиграфе *Ты что грустишь, бродяга, а ну-ка, улыбнись:* ссылки на первые слова прототекста (*Изгиб гитары желтой* – у О.Митяева, *Из губ гитары желтой; Избит гитарой желтой* – у И.Михалева), а также ключевые фразы прототекста: *Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка,*

улыбнись! (О.Митяев) – *Ты что слюну глотаешь? А ну-ка, облизнись!* (И.Михалев); *И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет: / - Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались* (О.Митяев) - *И зал вздохнет тихонько и обреченно скажет: / - Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались; И скажет кто-то, стоя перед вратами рая: / – Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались; И кто-то в очень сером по рации доложит: / – Как здорово, что все они сегодня собрались* (И.Михалев).

Вообще говоря, эпиграфы и посвящения, как быстро опознаваемые знаки текстов, частотны в бардовских произведениях. Так, эпиграф к песне И.Михалева «Посвящение I фестивалю Авторской Песни в Саратове» – известная цитата из Б.Окуджавы: *Когда придет дележки час, / Калач ржаной не нас поманит*. При кажущейся самодостаточности окуджавской цитаты между песнями устанавливается диалог-спор: становится важным разный смысл, вкладываемый авторами в это почти афористическое выражение.

В песне Б.Окуджавы *ржаной калач* – отвлеченная метафора некого неземного блага: *Когда ж придет дележки час, / Не нас калач ржаной поманит, / И рай настанет не для нас, / Зато Офелия всех нас помянет. / Пока ж не грянула пора / Нам отправляться понемногу,/ Возьмемся за руки, друзья, / Возьмемся за руки, друзья, /Возьмемся за руки, ей-богу.* И. Михалев создает пародию на советский режим с его бесконечными очередями в «*дележки час».* Метафора Б.Окуджавы прозаизируется, овеществляется: калач как библейский символ подкупа превращается в обычный, даже дефицитный, «продукт питания». И даже сакральный для бардов призыв *Возьмемся за руки, друзья* иронически переосмысливается: *Красиво взявшись за руки, не раз / Стояли мы, но вот какая штука – / Несут калач. «А ну, отдай-ка руку! / Вы не стояли! Я не видел вас!».*

Особенностью «канонических» текстов, является их огромный энергетический потенциал, способность вступать в резонанс с множеством сознаний и текстов. Как показало время, одним из наиболее востребованных пародией прототекстов является шуточная песня Ю.Визбора «Зайка».

Интертекстуальный маркер этого текста – синтаксический прием: *Ты мой космос, дружок, ты мой космос, /Ты мой космос, – я твой астроном. Ты мой остров, дружок, ты мой остров, / Ты мой остров, я твой Робинзон. Ты мой лагерь, дружок, ты мой лагерь, /Ты мой лагерь, я твой арестант. / Ты мой зайка, дружок, ты мой зайка, Ты мой зайка, я дед твой Мазай* (Ю.Визбор).

И.Михалев в пародии на Визбора использует в качестве эпиграфа всем известную первую строчку прототекста и ряды сопоставлений: *Кем приходишься мне ты – не знаю. /…Ты мой остров, я твой Робинзон. / …Ты мой космос, я твой астроном. / …Ты мой лагерь, я твой арестант. / …Ты мой Зайка, я дед твой Мазай.* Новый текст продолжает ряды парадоксальных ассоциаций: *Я твой поезд, дружок, я твой поезд, / Ты – Каренина Анна моя. Я хозяин твой, дворник Герасим, / Ты – мое дорогое Муму. Я твой автор, дружок, я твой автор, / Я твой автор, ты – мой гонорар. / Ты мой Визбор, дружок, Ты мой Визбор. / Ты мой Визбор, я – твой Михалев.*

Далее этот шаблон подхватывается в хите «Зайка моя», исполняемом Ф.Киркоровым: *Зайка моя, я твой зайчик. / Ручка моя, я твой пальчик. / Рыбка моя, я твой глазик. /Банька моя, я твой тазик* и т. д.

Текст А.Земского «Новая песня о старом» – пародия скорее не на Визбора, а на попсовый текст Киркорова. Автор сталкивает два эпиграфа: *"С чем сравню я тебя – угадай-ка...Ты мой зайка, дружок, ты мой зайка"*(Юрий Визбор); *"Зайка моя, я твой зайчик..."*(Филипп Киркоров) – и создает собственные ряды сопоставлений: *Ты – моё здраво-ВОХР-охрЕненье, / Я, увы, – мини-стерВство твоё. Ты – от зайки евонного уши, /Я – от деда Мазая весло... Если Алла, пардон, – Пугачева, Я, пардон, – Емельян Пугачев.*

Таким образом, пародируются «сильные», самые известные, часто исполняемые тексты, которые можно назвать символами бардовской культуры. Как правило, интертекстуальными знаками становятся легко узнаваемые, запоминающиеся едины таких текстов. Любопытно также отметить, что «классическая» бардовская песня 60-х широко использует иронию и самоиронию как своего рода обязательный принцип жизненной

философии, так что, по сути дела, готовит почву для постмодернистского «иронического мышления».

Наконец, третья категория прецедентных прототекстов – **тексты друзей** – поэтов «ближнего круга», не обязательно общеизвестных, но значимых для автора. По-видимому, для таких интертекстуальных знаков также первична функция кодирования, пароля, направленная на выявление «своей» аудитории «посвященных» («Мы с тобой одной крови – ты и я…»). С ее помощью между автором и адресатом устанавливаются отношения «свой/чужой»: обмен цитатами при общении и выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать позволяет установить общность как минимум их семиотической (а возможно и культурной) памяти или даже их идеологических и политических позиций и эстетических пристрастий [Интертекстуальность//www.krugosvet.ru]. В этом поэзия бардов сходна с поэтической практикой акмеистов, постоянно «договаривающих», интерпретирующих друг друга, спорящих друг с другом и потому создающих единый Текст. Кстати, в истории бардовского движения нередки случаи, когда барды исполняли песни друг друга, что порой даже создавало путаницу и недоразумения по поводу авторства.

При всем сходстве двух последних источников цитации отметим существенную разницу: именно из песен друзей чаще заимствуются фразы, схожие по функции с поэтическими формулами, служащие для поддержания единства песен, их диалога между собой. В этом случае цитация является фактом авторского сознания или же превращается в интеллектуальную игру с читателем. Фразы же, взятые из текстов бардов-классиков, чаще опознаются как «чужое» слово, хотя индивидуальное авторство в них стерто, и труднее подвергаются ассимиляции в новом тексте.

Примечательно и то, что пародии на песни поэтов «ближнего круга» не столь распространены, как на «культовые» песни: по-видимому, подтверждается мысль Н.А.Фатеевой, что чем больше дистанция между прототекстом и метатекстом, тем сильнее проявляется игровой характер в обращении с ним [Фатеева 2000].

Подведем некоторые итоги. Бардовская песня в качестве прототекстов использует «ядерные» тексты культуры (среди которых миф, детские стихи и произведения классической литературы), «чужие» прецедентные тексты, находящиеся на гребне моды, и

«сильные» тексты других бардов. Характер использования интертекстуальных знаков и их функции в новом тексте (метатексте) определяются прежде всего маркированностью прототекстов в бинарной оппозиции «свое/чужое». То, что воспринимается как свое, стремится к превращению в поэтическую формулу – знак не конкретного, а некоего типового сверхтекста, в которой индивидуальное авторство неощутимо, а эксплицитная энергия преобладает над имплицитной. Существование «культовых», «канонических» бардовских произведений и переходящих из текста в текст поэтических формул сохраняет эксплицитную энергию, которая и формирует поэтику бардовской песни, не дает жанру размыться, раствориться в других, смежных жанровых формах.

В бардовской песне используется единая область цитации, которая «нередко определяется коллективными установками – требованиями эстетического канона, школы» [Кузьмина 1999: 117]. Вероятно, здесь можно говорить о специфической бардовской поэтической традиции, препятствующей появлению авторской индивидуальности. Таким образом, и сам феномен интертекстуальных перекличек, и круг прецедентных текстов могут быть рассмотрены как жанрообразующие факторы.

Бардовская песня появилась в практически идеальных социальных условиях для вступления в резонанс. Примат общественного над личным, громкость, обязательность официальной идеологии спровоцировали стремление людей к «вечным» темам, «тихой» романтике, свободе выбора. Примечательно, что бардовская песня с ее сказочно-наивным художественным миром, диалогом с «сильными» текстами культуры не стала злободневным жанром, явно показывающим несправедливость и утопичность советского режима и призывающим к борьбе против него. Созданная как альтернатива маршам и речевкам, легко запоминаемая и исполняемая интимная песня нашла отклик легче и быстрее, чем тексты Е.Замятина, И.Бродского, А. Солженицына, к восприятию которых общество оказалось еще не готово. Вследствие сильного резонанса – постоянного обращения к текстам этого жанра, многократного перепевания, а также создания новых песен на основе существующих – энергия бардовской песни продолжала возрастать. По-видимому, этот процесс замедлился со времени распада СССР. Однако и сегодня бардовская песня не устает нас удивлять.

Многие утверждают, что *король умер*: «вместе с легализацией катакомбной культуры и исчезновением столь плодотворного для авторской песни ощущения “сопротивления материала”, энергии

противостояния, исчез, по-видимому, и творческий импульс ее развития» [Левин 2001]. Другие полагают, что ничто не исчезает бесследно, а только меняется, обретает новые формы – «в бардовскую песню влилась новая волна молодых сил» (Александр Дулов), «она уже стала самой влиятельной силой несущей диктат языка, ценностных установок, культуры переживания, культуры чувств» (Александр Мирзаян). Нам представляется, что в последние несколько лет общество начинает уставать от открывшегося потока информации и все больше стремится к простым, легким для восприятия текстам, в которых прозрачны оппозиции добра – зла, своего – чужого. Поэтому, вероятно, бардовская песня с ее «вечными» ценностями и доступной формой, более понятная и гармоничная, чем эстрадные, блатные песни, рок-поэзия и романсы, останется востребованной. Правы мы или нет – покажет время.

Источники материала

Авторская песня. Антология /Сост. Д.Сухарев. – Екатеринбург, 2004

В пути и на привале. Сборник авторских песен. – Минск, 1989.

Песни лагеря НОУ. – Омск, 1997.

Песни у ночного костра. – М.,1996 – http://www.bard.ru

Литература

Аннинский Л. Барды. – М., 1999.

Интертекстуальность //www.krugosvet.ru

Кофанова В.А. Музыкальный текст XVII–XVIII веков как когнитивный артефакт бардовской песни XX столетия // Мировая культура XVII-XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили. Материалы Межд. научн. симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». Серия “Symposium”, выпуск 26. – СПб., 2002.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург – Омск, 1999.

Кузьмина Н.А., Абросимова Е.А. «Возьмемся за руки, друзья…» (поэтическая картина мира в авторской песне) // Филологические заметки. – Пермь, 2002.

Курилов Д.Н. Авторская песня как жанр русской поэзии советской эпохи (60-70-е годы): Дисс. …канд. филол. наук. – М.,1999.

Левин Л.И. Авторская песня // HN-Monthly. 08'2001 // http://vakh.online.com.ua/hotnews/archive/m2001-08-1.html; http://subscribe.ru /archive/ culture. Bardsong/200107/04221552

Левина Л.А. Грани звучащего слова. Эстетика и поэтика авторской песни. – М., 2002.

Мелетинский Е.М. Сказки и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М., 1997.

Мирзаян А. «Авторская песня как база русской национальной идеи». http://www.bard.ru/esse.

Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопоэтику. – Барнаул, 1993.

Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М., 2000.

©Кузьмина Н.А., 2005
©Абросимова Е.А., 2005

А.В.Снигирев
Е.В.Снигирева
Екатеринбург

«Властелин колец» в альтернативном переводе «от Гоблина»

Эпопея Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» – классический, а для многих читателей и культовый текст XX века. Данная книга во многом определила канон жанра фэнтези. И большинство авторов, работавших и работающих в этом направлении массовой литературы, так или иначе ориентируются на предложенные Толкиеном принципы создания вымышленного мира, центральный конфликт и основные мотивы текста.

На данный момент существует большое количество прочтений данной книги – как научных, так и художественных (продолжений и пародий). Для российского читателя «Властелин колец» также бытует прежде всего в интерпретации переводчиков – как в классических, например, перевод В.

Муравьева и А. Кистяковского или перевод З. Бобырь, так и нетрадиционных (например перевод В. Волковского, Д. Афиногенова и В. Воседого, когда привычное «Содружество кольца» (или «Хранители») вдруг превратилось в «Дружество»). Безусловно, были осуществлены и кинематографические версии прочтения данного текста – это и полнометражный мультфильм «Хоббит» Артура Рэнкина и Жюля Бэсса (1977 г.), и «Возвращение короля» (телевизионная версия 1979 г., Рэнкин-Бэсс), «Властелин колец» Ральфа Бакши (1978 г.) и, безусловно, трилогия Питера Джексона. Последнее – прочтение текста английского профессора через призму законченного воплощения американской массовой культуры - Голливуда. Кино-эпопея «Властелин колец» создана по всем законам современной именно американской массовой культуры и мыслилась создателями как произведение, рассчитанное на внимание огромной аудитории. Фильм должен была стать наиболее «продаваемым» зрелищем начала века. Однако аудитория восприняла фильм неоднозначно. И на то, по нашему мнению, есть по крайней мере несколько причин:

1. Основным фактором выбора современным зрителем кинофильма для просмотра является прежде всего его «зрелищность», а не интересный сюжет или глубина поднятых нравственных проблем. Поэтому для среднего потребителя массовой культуры во «Властелине колец» недостало именно обилия ошеломляющих спецэффектов и динамики, как, например, в выходившей одновременно на экраны трилогии «Матрица». Так же для данного типа зрителя в кинофильме присутствовало слишком много сложных философских и психологических моментов.

2. Собственно почитатели творчества Толкиена были разочарованы тем, насколько была упрощена идея: эпическое произведение трансформировалось в фантастический боевик с элементами древней истории. Сценаристами была существенно усилена романтическая часть сюжета (линия Арвен-Арагорн), которая в оригинальном тексте присутствует «за кадром». Картину украсили масштабные батальные сцены, а поступки героев, наоборот, лишились психологической мотивации. Особенности американской массовой культуры нашли

отражение и в общей концепции произведения. Толкиен писал о маленьком существе – хоббите, волей судьбы попавшим под молот войны и взвалившим на себя ответственность за жизнь всех существ Средиземья. На экране же предстала эпохальная битва империй и королей и победа «благодаря тому, что мы все вместе идем под этим флагом». Даже цитирование в финале третьей части базового текста Толкиена (когда правители чествуют хоббитов как героев) не исправил впечатления. Выпуск «режиссерской версии» картины, где была усилена психологическая линия и добавлены некоторые ключевые моменты, принципиально меняющие восприятие сюжета, не примирил окончательно пуристов с таким прочтением текста Толкиена.

3. Третья причина не-тотального успеха картины – большой разрыв между частями трилогии (каждая следующая часть выпускалась на экраны ровно через 1 год после предыдущей). Непосвященный зритель (то есть не знакомый с книгой) покидал кинотеатр с чувством разочарования, так как у него создавалось впечатление, что он просмотрел кинофильм с «открытым финалом» против которых выступал апологет и во многом создатель американкой массовой культуры Стивен Кинг, справедливо полагая, что среднему зрителю (читателю) необходима завершенная история, в которой обязателен «happy end».

На этой волне выход авторского перевода данного фильма «от Гоблина», осуществленного Дмитрием Пучковым, коренным образом изменил ситуацию. Фильм «Братва и кольцо» стал популярным не только среди ценителей и читателей текста Толкиена, но и других реципиентов, отличающихся от первых по многим параметрам – интеллектуальным, социальным. Адресат этой версии уже не «студент-госслужащий с высшим образованием, интеллектуал», она уже рассчитана на более широкую аудиторию.

Принципам адаптации фильма (и, опосредованно, текста) «Властелина текста» для более широкого круга зрителей и посвящена данная статья.

Для начала и для сравнения два фрагмента. Слева – литературный перевод начала фильма, справа – тот же фрагмент, но уже в версии «Гоблина»:

Обычный перевод	**Перевод «Гоблина»**
«Мир изменился… Я чувствую это в воде. Я чувствую это в земле. Ощущаю в воздухе. Многое из того, что было – ушло. И не осталось тех, кто помнит об этом. Все началось с отливки Великих колец. Три были переданы эльфам – бессмертным созданиям. Самым мудрым и справедливым из всех живущих. Семь – отданы повелителям гномов – великим добытчикам самоцветов и мастеровым горных пещер. А девять, девять колец были переданы человеческому роду, который превыше всего жаждал власти. В этих кольцах была заключена сила власти над каждым из народов, но все они оказались обмануты, потому что было сделано еще одно кольцо… В стране Мордор, в огне Роковой горы Тёмный властелин Саурон тайно создал Единое кольцо, подчинившее себе все другие. И в это кольцо он вложил всю жестокость, всю злобу, всю жажду власти над всем живущим. Одно кольцо, способное править всеми. Одна за другой свободные земли Средиземья пали под властью кольца, но были и те, кто восстал против зла.	«Мир изменился… Я чувствую это в воде. Я чувствую это в земле. Вот теперь и в воздухе что-то почувствовала. Много воды утекло, и тех, кто что-то помнил, давным-давно замочили. Все началось тогда, когда были выкованы мега-кольца. Три пробных экземпляра выдали бессмертным эльфам – чисто для проверки не передохнут ли. Потом дали семь штук коротышкам из подземных канализаций. И девять, девять колец задарили расе людей, и, как показала практика, напрасно. Власть колец была ограничена – каждое кольцо правило своей расой, а потом нашелся умник и всех напарил. На Черной горе мрачный владыка Саурон тридцать лет и три года тайно мастерил Супер-мега-кольцо. И в это кольцо он засадил всю свою жестокость, злобу свою засадил, ну там привычки нехорошие и все такое. От такая вот загогулина! Все страшно перепугались, стали просить прощения. Кое-кто, правда, сопротивлялся.

Следует отметить, что в данном фрагменте Д.Пучков не заменяет оригинальный саундтрек, как он проделывает это в дальнейшем, но о данном приеме далее.

При сравнении данных текстов обращает на себя внимание прежде всего установка переводчика на травестирование, снижение исходного текста. И наполненная мистицизмом и таинственностью фраза о провидческом предчувствии оборачивается намеком на миазмы («Я чувствую это в воде. Я чувствую это в земле. Вот теперь и в воздухе что-то почувствовала»), а «великие добытчики самоцветов и масторов горных пещер» – гномы становятся «коротышками из подземных канализаций». Такое снижение прослеживается как на уровне травестирования образов, так и «снижения» лексики, употребления просторечий и вульгаризмов: «чисто для проверки не передохнут ли», «девять колец задарили расе людей» и т.д. Кроме того, созданное на основе английского фольклора произведение обретает знакомые черты за счет упоминания характерного для русских сказок восприятия времени «тридцать лет и три года».

Далее Пучков успешно использует именно указанные приемы – работает с образной системой и лексическим полем текста, включает его в отечественный контекст. Действительно, самый очевидный и простой вариант адаптации текста (в данном случае – текста перевода) – это включение в него элементов культурного контекста той страны, для которой текст переводится. Дмитрий Пучков активно использует данный прием, причем прежде всего использует цитаты из «классических» фильмов советской эпохи, как точно воспроизводя их (вплоть до интонации), или изменяя, оставляя узнаваемыми, используя разнообразные приемы языковой игры. Можно даже составить своеобразный «рейтинг цитирования», и первые позиции в нем будут занимать заимствования из «Места встречи изменить нельзя», «Семнадцати мгновений весны», «Двенадцати стульев», «Собачьего сердца», «Джентельменов удачи» и т.д. Соответственные примеры: «Довелось нам, Сеня, поручкаться с самим Голым» (видоизмененная фраза Глеба Жеглова из «Место встречи…»); «Я старый и больной, я три года не мылся в бане, меня девчонки не любят» («Золотой теленок»); «*Инфаркт микарда.*» («Любовь и голуби»); «А не хлопнуть ли нам по рюмашке?…» («Покровские ворота») и т.д. Обращение к киноискусству объяснимо – ведь фильм «Братва и

кольцо» создавался для зрителя, а не для читателя. За счет данного приема фильм включается в парадигму российского кинематографа, начинает восприниматься как «отечественный».

Следующий, столь же частотный прием, это – обращение к двум особым пластам лексики русского языка, характерным для уголовной и молодежной субкультурам. Причем в последнее время молодежная культура по вполне объяснимым причинам (среди которых на первом месте – всеобщая криминализация страны) сближается с уголовной, что позволяет говорить о схожести лексического состава данных субкультур. Герои заговорили на знакомом и «родном» для большинства аудитории языке:

- *«У Диаблы понтов было много, а боец он никакой. Зарезал я его как свинью. Заработал много экспириенса и получил левел ап».* - эпизод битвы мага Гэндальфа с огненным демоном Барлогом. Пучков дает отсылку на компьютерную игру «Диабло» и, употребляя узнаваемое для определенной аудитории название, переходит на понятную для любителей компьютерных игр (геймеров) лексику. Так, «заработать экспириенс» - повысить свой уровень боевых и интеллектуальных качеств. «Получить левел ап» (level up – англ.) – перейти в игре на следующий уровень. В результате этой схватки одержавший победу над мощным противником серый маг Гэндальф стал белым, то есть поднялся на более высокую ступень и иерархии колдунов. Отсылка к именно «геймерской» аудитории угадывается и в таких выражениях, как: «бесконечные патроны», «ковровое бомбометание» и др.

- «*А колечко у него на кармане…»*, «А *случись что, кто будет забарывать зло?…»*, «*Саурона подрезали…», «отсидел срок и откинулся…»* и др. – манера выражаться, ранее принятая в уголовной среде, и в данный момент широки употребляемая в молодежной среде.

- *«Опять вставило? Вставляет меня по-черному.», «В траве разбираешься? Только в ганджубасе…», «Атаман наш – Борис Николаевич – пьет без просыху.»* – тематика алкоголизма и наркокурения и кодовые фразы потребителей «травки» так или иначе встречаются на протяжении всего фильма. Следует отметить, что в первых двух частях трилогии Пучков использовал шутки над алкогольной и наркозависимостью, это

вызвало положительную реакцию у аудитории. Третья, неудачная, часть трилогии включила откровенную «чернуху», юмор «ниже пояса», по поводу нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. и вызвала резко отрицательную критику зрителей. Исторически сложилось, что пьянство для России – не порок, смех на тему алкогольной зависимости и наркокурения (особенно в молодежной среде) воспринимается как шутки над собой. Порнография была воспринята как откровенная пошлость и неуважение к зрителю. То есть, реципиент был поставлен в ситуацию, когда ему буквально предписывалось смеяться в момент глумления на щекотливые темы, и тем самым понижать свой культурный и интеллектуальный уровень. Однако было бы несправедливо думать, что «Гоблин» увлечен лишь подобной тематикой. Его волнуют и другие реалии современной жизни как, например «Оранжевая революция» (*«Пан Ющенко, выводите урок на Майдан»*), взяточничество и коррупция (*«…Купим мы тебе ботанические корочки…сразу профессорские»*) и т.д.

- *«Галлина Бланка лучше Доширака: в нем химикалии нажористее.», «Объяви распродажу, отдавай за полцены. Пенсионерам скидки..»* - Пучков цитирует известную широкому зрителю рекламу, тем самым продолжая «включать» свою версию «Властелина колец» в современный отечественный контекст.

- В тексте встречается много просторечий, а также намеренное коверканье слов: *«Я тебе взамен лошадков дам. У лошадёв грузоподъемность больше, а жрут они меньше* <чем хоббиты>*”, “окушки в речке”, “очень сильное колдунство”*, за счет чего текст фильма зачастую становится похожим на запись «живой речи города».

Безусловно, что одна из важных составляющих любого фильма – это саундтрек. Дмитрий Пучков почти полностью изменил звуковую дорожку «Властелина колец», использовав музыку и песни из отечественных кинолент и эстрадные хиты последних лет. Так, например, бег «хранителей» по подземельям Мории озвучен песней группы «Тату» «Нас не догонят», а преследование назгулами Арвен – песней «Погоня» из «Неуловимых мстителей». Кроме того, используются и

зарубежные звуковые дорожки, и самым удачным, безусловно, является замена достаточно беспомощной музыкальной темы «назгулов» на песни группы «Рамштайн», что многими отмечается как одна из самых удачных находок Пучкова. Таким образом, саудтрек – не только обращение к отечественной культуре и «обрусение» фильма, но и воссоздание более точной атмосферы.

В завершение необходимо сказать, что за счет всех данных приемов Д. Пучков не только адоптирует достаточно сложный фильм для массового российского зрителя, но и создает во многом принципиально новое произведение. Показательно, что многие зрители были уверены, что «Властелин колец» в «переводе Гоблина» - это и есть оригинальное произведение, просто с более адекватном переводе (как вышедшие ранее в его же переводе «Большой куш», «Харлей Дэвидсон и Ковбой Мальборо» и т.д.).

© Снигирев А.В., 2005
©Снигирева Е.В., 2005

Т.А. Снигирева
Екатеринбург

Проблемы сакральной идентификации поздней Ахматовой

А. Ахматова писала в важнейшем, во многом поворотном для ее творческой биографии 1940 году: «Чтобы добраться до сути, надо изучать гнезда постоянно повторяющихся образов в стихах поэта – в них и таится личность автора и дух его поэзии» [Жолковский, Щеголев 1996: 261]. Исходя из убеждения в том, что «Ахматова принадлежит к числу тех поэтических личностей с резко индивидуальным, субъективным и селективным отношением к миру, у которых эта тенденция ассимилировать чужие мотивы особенно сильна» [Там же: 261-262], ставя задачу реконструкции «личной философии» поэта, Ю. Щеглов в работе «Черты поэтического мира Ахматовой» выделяет четыре сегмента в тематическом комплексе поэта: А. Судьба. Б. Душа. В. Долг и счастье. Г. Победа над судьбой. Важно предупреждение исследователя о том, что обозначенные сегменты или ведущие («каркасные») мотивы творчества Ахматовой «заведомо не могут считаться взаимонезависимыми. Связанные множеством логико-ассоциативных нитей, параллелей и переходов, они окрашивают, мотивируют и дополняют друг друга» [Там же: 264].

Смеем продолжить мысль об особой цельности комплекса Судьбы, Души, Долга и счастья, Победы над судьбой, цельности, обусловленной единым и длящимся всю жизнь поиском личной идентификацией поэта и порой потаенно или – напротив – открыто связанной с сакральным текстом/подтекстом ахматовской поэзии. Так, в произведениях разных лет Ахматова позволяет себе прямое соотнесение своей лирической героини с известными библейскими образами: Рахиль, Лотова жена, Мелхола («Библейские стихи»), Богоматерь («Реквием»). Такая «женская» идентификация вполне традиционна и, при всей ее бесспорной значимости, не в полной мере открывает тайну «личности автора и дух его поэзии». Не случайно Ахматова не признавала деления поэтов по «половому признаку» и настойчиво называла и просила (требовала) называть себя Поэтом, но не поэтессой. И если начинать разговор о сакральной идентификации Ахматовой, ее

сути и эволюции, то с неизбежностью основным сюжетом его станет не только традиционный для ахматоведения сюжет движения от «женщины к жене» (О. Мандельштам), но от «Матери к Творцу». Знаковым в данном случае становится возникший еще в раннем творчестве поэта и усиливающий свою значимость в поэтической онтологии поэта библейский мотив, мотив «моления о чаше».

Безусловно, поздняя Ахматова всегда в ситуации своей героини: «А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел» [Ахматова 1989: 160]. Но - одновременно - поэтический и жизненный итог может быть определен ее же формулой, свидетельствующей о том, что «чаша выпита до дна», пройдена и прожита своя истинная судьба: «Но если бы оттуда посмотрела / Я на свою теперешнюю жизнь, / Узнала бы я зависть наконец...» [Ахматова 1989: 218].

Смысловой комплекс, связанный с Гефсиманией, эмоционально точно описан Ренаном, как единственный момент смущения и возмущения Христа: «В эти дни великая печаль наполнила душу Иисуса, обыкновенно, такую ясную и радостную. Все рассказы о нем сходятся в том, что перед арестом он испытал минуту смущения, тоскливой тревоги (…). Душа его исполнена была смертной скорбью; страшной тоскою томилась она» [Ренан 1906: 270]. «Гефсиманский сад» - это пространство борьбы божеского и человеческого, бессмертия и смерти, долга и счастья, предназначения и судьбы, это пространство выбора: «На мгновение проснулась в нем человеческая природа. Быть может, он усомнился в своем деле. Страх и сомнение овладели им и вызвали состояние слабости, которое хуже самой смерти. Человек, пожертвовавший великой идее своим покоем и законными благами жизни, не может не оглянуться печально на самого себя, когда перед ним в первый раз встает смерть и стремится убедить его в том, что всякие надежды тщетны» [Ренан 1906: 270-271]. «И тот горчайший Гефсиманский вздох» (А. Ахматова) – это вздох трагического и безупречного решения, возникшего в результате страданий и борений великой души: «… его божественная сущность скоро одержала в нем верх. Он мог еще избежать смерти, но не хотел. Его увлекла любовь к своему делу. Он решил испить чашу до конца. С этих пор Иисус снова стал цельным, без колебаний. Забыты все ухищрения полемиста, легковерия чудотворца и заклинателя бесов. Остался только несравненный герой страстей, основатель прав свободы совести, высокий образец совершенства, одна мысль о

которой приносит ему силу и утешение всякой страждущей душе» [Ренан 1906: 271]. В работе Н.В. Недоброво, о которой Ахматова неизменно говорила как о точном предугадывании всей ее творческой судьбы, одной из основных стала мысль о «сильнейших выражениях религиозного чувства как основе формирующегося поэтического Космоса Ахматовой: «Огромное страдание этой не так легко уязвимой души объясняется размерами ее требований, тем, что она хочет радоваться ли, страдать ли только по великим поводам. Другие люди ходят в миру, ликуют, падают, ушибаются друг о друга, но все это происходит здесь, в середине мирового круга; а вот Ахматова принадлежит к тем, которые дошли как-то до его края – и что бы им повернуться и пойти обратно в мир? Но нет, они бьются, мучительно и безнадежно, у замкнутой границы, и кричат, и плачут» [Недоброво 1989: 253].

Тема сознательно избранного/предугаданного «не того», заведомо «страдальческого пути» - один из первых сигналов будущего «моления о чаше». Проблема выбора пронизывает как раннюю любовную, так и раннюю гражданскую лирику поэта. От стихотворения 1913 года «Высокие своды костела» о юноше-самоубийце, решившегося уйти из жизни из-за неразделенной любви («Зачем ты принял обеты / Страдальческого пути?»), до профетической «Молитвы» 1915 года. В ранний (1910-е годы) и в какой-то мере в зрелый (1920-30-е годы) периоды творчества мотив «моление о чаше» носил скрытный характер и реализовал себя опосредованно, главным образом путем варьирования темы выбора судьбы и настойчивым, ставшим лейтмотивным образом чаши и производного от нее ряда образов с семантикой сосуда, питья и вина, в том числе и «чаши с цикутой», отравленного вина, а также общей чаши судьбы. Мотив чаши судьбы, соединенный с мотивом горького вина жизни, завершает поэтический триптих «Разрыв» (1934-1944) стихотворением со знаковым названием «Последний тост»:

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью, -
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

(Ахматова 1989)

Смысловой комплекс «отравленной чаши жизни» сохранился до конца творчества поэта и, в конце концов, стал парадоксально связан с «ядом творчества»: «А тот, кого Учителем считаю, / Как тень прошел и тени не оставил, / Весь яд впитал, / И славы ждал и славы не дождался…» [Ахматова 1998, 3: 38]. И даже со своеобразным договором с дьяволом, начатым еще в двадцатые годы: «Дьявол не выдал. Мне все удалось. / Вот и могущества явные знаки. / Вынь из груди мое сердце и брось / Самой голодной собаке». И подтверждение роковой и, видимо, неизбежной связи поэта с темной силой мира уже в шестидесятые годы:

И юностью манит, и славу сулит,
Так снова со мной сатана говорит…
…
И черным крылом закрывая лицо,
Заветное мне закрывает кольцо,
Но стонет и молит: «Ты мне суждена,
О, выпей со мною хоть каплю вина».
К чему эти крылья и это вино, -
Я знаю тебя хорошо и давно,
И ты – это просто горячечный бред
Шестой и не бывшей из наших бесед.

(Ахматова, 1989)

Безусловно, данное развития мотива не стало и не могло стать основным, прежде всего как вариант нравственно и эстетически тупиковый: «Больше уже ни на что не гожусь, / Ни одного я не вымолвлю слова. / Нет настоящего – прошлым горжусь / И задохнулась от срама такого» [Ахматова 1989: 263], но даже точечное его проявление необходимо зафиксировать как еще один знак сознательной дерзости поэта XX века, о которой применительно к Ахматовой всегда необходимо помнить.

Ахматова в предвоенное десятилетие начинает решительно смещать философско-нравственную систему координат. Ее не столь активно, как в двадцатые годы (кроме, конечно, «Реквиема» тридцатых) волнует борьба Добра со Злом, борьба, провоцирующая на действенное, непосредственное участие в жизни социума, реализующаяся в его открытой оценке: «… и

безвинная корчилась Русь под кровавыми сапогами и под шинами черных марусь» [Ахматова 1989: 157]. Позднее творчество поэта осуществляется скорее не в системе «Добро – Зло», а в системе «Справедливость – Милосердие», что ведет к существенному изменению общей интенции: не смятение, но мудрость: «Конец ли дня, конец ли мира, / Иль тайна тайн во мне опять». «Мощная евангельская мудрость» приходит после перенесенных и – главное – преодоленных ударов судьбы: после гибели ближайших людей, после ареста и ссылки сына и, может быть, после его страшной фразы по прочтению «Реквиема»: «Тебе было бы лучше, если бы меня убили».

Здесь уместно вспомнить полюбившуюся Бродскому мысль европейской интеллектуалки Сьюзан Зонтаг о том, что есть только два способа, два типа отношения к личной трагедии, пришедшей в жизнь человека. Первый. Попытка сопротивления, борьбы, преодоления. Второй. «Подложиться» под трагическую ситуацию, катастрофические события. Если ты выдержись это, то встанешь уже другим человеком. Поэты XX века избирали и первый, и второй пути. Борьба чаще всего заканчивалась гибелью, «стоически-пассивное» преодоление, свойственное Ахматовой, - поэзией, созданной уже поэтом, пережившим «второе рождение»: «Ржавеет золото, и истлевает сталь, / Крошится мрамор. К смерти все готово. / Всего прочнее на земле печаль - / И долговечней – царственное слово» [Ахматова 1989: 273]. И магистральным сюжетом, разворачивающим ахматовское понимание Гефсимании стал не сюжет «отравленная чаша жизни» и не зачеркивающий библейский смысловой комплекс сюжет «договора с дьяволом», готовности испить из «чаши зла». «Борение в Гефсимании» - тот трагический фрагмент Книги, который дает возможность поэту XX века соотносить судьбу поэта в России, судьбу целого поколения, проблему выбора своего пути, пророческое знание его тернистости и страдания, жертвенности с высоким решением Творца взойти на крест ради спасения человеческой духовности.

В работе «Ахматова и Блок» В.Н. Топоров обращает внимание на приверженность А.Ахматовой к своеобразным «цитатам-отсылкам», при помощи которых «вводится

отношение (выделено здесь и далее автором - Т.С.) цитируемого и цитирующего, чужого и своего голоса и сдвига между членами этого отношения, на чем, собственно, и строится у Ахматовой «разыгрывание» (в мандельштамовском смысле, см. «Разговор о Данте») темы. Таким образом, строится некий двуединый текст, глубочайше диалогизированный и драматизированный, в котором все взвешено, ситуативно, до конца не определено и ориентировано на включение новых смыслов и интерпретаций, на то, чтобы быть знаком-указателем особо тесной связи между текстовой и внетекстовой действительностью» [Топоров 2003: 275]. Очевидная установка на «сдвиг», вариативность построения «монодийного диалога» характерна для тех связей, которые устанавливает Ахматова между своим и Библейским текстом.

В трех произведениях поздней Ахматовой – «Реквием», «Поэма без героя» и «Венок мертвым» встречается открытое (цитатное) обращение к фрагменту «Борение в Гефсимании». Уже во второй редакции «Поэмы без героя» - 1913 год, или Поэма без героя. Триптих. 1940 – 1945» возникает и сохраняется навсегда строфа, посвященная молодому поэту, выбравшему раннюю гибель из-за неразделенной любви: «Сплю. – Мне снится молодость наша, / Та, ЕГО миновавшая чаша, / Я ее тебе наяву, / Если хочешь, отдам на память, / Словно в глине чистое пламя / Иль подснежник в могильном рву» (Ахматова 1998: 94).

В Третьей редакции «Поэма без героя. Триптих. 1956» актуализирована тема поколения, о чем позже в «Прозе о поэме» Ахматова замечала: «Начинаю думать, что «Другая», откуда я подбираю крохи в моем «Триптихе» – это огромная, мрачная, как туча – симфония о судьбе поколения и лучших его представителей, т.е. обо всем, что нас постигло. А постигло нас разное: Стравинский, Шаляпин, Павлова – слава, Нижинский – безумие, Маяков /ский/, Есен /ин/, Цвет /аева/ - самоубийство, Мейерхольд, Гумилев, Пильняк – казнь, Зощенко и Мандельштам – смерть от голода на почве безумия и т.д. (Блок, Хлебников)» (Ахматова, 1998: 240). И чуть выше весьма характерная ремарка: «На фоне всех этих концов смерть драгуна просто *блаженное успенье*» (выделено Ахматовой – Т.С.)

(Ахматова 1998: 239).Та же мысль в поэме, в силу ее особой важности выделена курсивом:

Сколько гибелей шло к поэту.
Глупый мальчик: он выбрал эту, -
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним открывается вид.

(Ахматова, 1998. Т.3.)

Избранная героем ранняя гибель обернулась его судьбой («гороскоп твой давно готов»), но не судьбой его поколения, которое вместе с автором «Поэмы без героя» испили свою чашу до дна, благодаря чему обрели высшую свободу и возможность произнести то, что подразумевается, но не проговаривается в Библии: «Я к смерти готов».

Более того, «затекст» (термин Ю. Казарина) поэмы - проза, письма, стихи - позволяет воспринимать само творение, не отпускавшее поэта около четверти века, как чашу судьбы, которую надо испить и избыть. Не случайно в «Прозе о поэме» возникают образы напитка/сосуда, предназначенного судьбой: «На месяцы, на годы она закрывалась герметически, я забывала ее, я не любила ее, я внутренне боролась с ней» (Ахматова 1998: 216); «Другое ее свойство: это волшебный напиток, лиясь в сосуд, вдруг густеет и превращается в мою биографию, как бы увиденн (ую) кем-то во сне или в ряде зеркал» (Ахматова 1998: 223). Как не случаен мотив сообщающихся сосудов или двойного спасения, возникающий в стихотворении 1943 года «Надпись на поэме»:

И я не для того тебя спасала
Из месива кровавого тогда.
Не буду я делить с тобой удачу,
Я не ликую над тобой, а плачу,
И ты прекрасно знаешь почему.
И ночь идет, и сил осталось мало,
Спаси ж меня, как я тебя спасала,
И не пускай в клокочущую мглу.

(Ахматова, 1989).

Не случайно и постоянное возращение Ахматовой к важнейшей для нее мысли о взаимозаменяемости Творца и его творения, поскольку именно Слово художника и является пропуском в бессмертие, мысль, возможно, с особой силой явленная в строках стихотворения, посвященного памяти О. Мандельштама из цикла «Венок мертвым» (1957):

Я над ними склонюсь как над чашей,
В них заветных заметок не счесть –
Окровавленной юности нашей
Эта черная нежная весть.
Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.
…
Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой»

(Ахматова, 1989).

Хорошо известно, что именно долг (долг перед своим народом) продиктовал Ахматовой «Реквием»: «А вы это можете описать? И я сказала: - Могу». Не подлежит сомнению литературоведческая мысль о трех основных линиях, лежащих в основе поэмы: историко-конкретная, фольклорная и библейская, существование которых впрямую связано и с усилением ее трагического пафоса, и со сложной структурой ее лирического «я», проявленной в сращенности «социально-типического (мать узников Крестов, жертвы Большого Террора), национально-легендарного (плакальщица, творящая похоронный ритуал) и сакрального (Матерь Божия во время Пьесты)» [Лейдерман 2005: 429].

Весь «Реквием» буквально «прошит» цитатами, аллюзиями, жестами, связанными с сакральным текстом и христианскими ритуалами: «Поднималась как к обедне ранней», «За тобой, как на выносе шла», «У божницы свеча оплыла», «На губах твоих холод иконки, / Смертный пот на челе … Не забыть!», «Муж в могиле, сын в тюрьме, / Помолитесь обо мне», «И звон

кадильный, и слезы / Куда-то в никуда», «О твоем кресте высоком и о смерти говорят», «И я молюсь не о себе одной, / А обо всех, кто там стоял со мною», «Опять поминальный приблизился час», «Пусть так же они поминают меня / В канун моего погребального дня». Мотив “моление о чаше” являет себя путем введения возникающего в Гефсиманском фрагменте образа: «Смертный пот на челе» (Ахматова) ≈ «и был пот Его, как капли крови, падающие за землю» (От Луки. 22; 44). «Гефсиманское борение» продолжено обращением к библейскому сюжету, развязка которого прямо вынесена в сильную позицию текста, в само название главы – «Распятие», в свою очередь являющейся развязкой поэмы. В ней в контексте других библейских цитат воспроизводится неточная цитата последних слов Христа: «Отцу сказал: “Почто Меня оставил?» (Ахматова) ≈ «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?» (От Матфея. 27;46); «Боже мой! Боже мой! для чего Ты меня оставил?» (От Марка. 15; 34); «Иисус, возгласив громким голосом, сказал: «Отче! в руки Твои предан дух Мой. И сие сказав, испустил дух» (От Луки. 23; 46).

При безусловной значимости для Ахматовой христианского мироощущения, властном существовании в ее творчестве библейских образов, мотивов, сюжетов и ситуаций, «мощный интеллектуализм» (Д. Самойлов), рожденный самим типом личности и усиленный катастрофизмом эпохи, заставлял Ахматову не только продолжать, но и отталкиваться от этической гармонии Библии, создавая свою новую гармонию. Повторим, в этом смысле Ахматова осознанно дерзкий поэт. Не случайно она в шестидесятые годы предостерегает своих учеников об опасности обращения всуе к Библии: «Зато, когда после «Исаака и Авраама», всеми высоко оцененных, он (И. Бродский – Т.С.) вскоре начал еще одну вещь на библейский сюжет, она высказалась резко в том смысле, что Библия не сборник тем для сочинения стихов и хотя каждый поэт может натолкнуться в ней на что-то свое, собственное, но тогда это должно быть исключительно личным, и что вообще нечего эксплуатировать однажды добытый сюжет» [Найман 1999: 369]. Предупреждение не означает запрета, но исключает суетность.

В «Распятии» авторский «монидийный диалог» (термин В.Н. Торопова) начинается уже с неточности цитирования сакрального текста в эпиграфе, взятого из ирмоса 1Х песни канона службы в Великую субботу: «Не рыдай Мене, Мати, *зрящи* во гробе». Ахматова актуализирует семантику смертности в пространстве ослепшей к людскому горю страны: «Не рыдай Меня, Мати, во *гробе* зрящи…». Далее. Контрастное по своей интенции (горькое недоумение и щемящая жалость) рядоположение в «Реквиеме» цитат из разных сакральных источников - «Отцу сказал: «Почто Меня оставил!» / А Матери: «О, не рыдай Мене» - является знаком сильнейшей переакцентировки трагического пафоса, которым у Ахматовой отмечен не столько Иисус: для него трагический выбор в прошлом, он представлен в ауре величия: «Хор ангелов великий час восславил...». Знаком абсолютной трагедии наделена Мать. Ахматова называла «Реквием» «панихидой по самой себе». И это еще подтверждает осознанно открытую идентификацию лирической героини с Божьей Матерью. Характерно, что только в одном Евангелии Мать Божия присутствует при Распятии: «При кресте Иисуса стояли Матерь его, и сестра Матери Его Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери своей: Жена! се, сын твой» (От Иоанна. 19; 25, 26). Но потаенное, не сразу считываемое совмещение Гефсимании и Распятия не только оправдывает произвол автора, подчинившей сакральный текст воле художника, его новой и жесткой расстановке сил, оно позволяет уже применительно к «Реквиему» говорить о «двойной» поэтической идентификации. Если лирическая героиня соотносима с Матерью Божией, то авторская личность - с Творцом. У Христа и Поэта был выбор, было «моление о чаше», была победа над Судьбой. Так, в борении Ахматовой-Матери и Ахматовой-Поэта (как мать она не имела права писать «Реквием», как поэт не могла не писать его) побеждает Поэт и его Слово. Ни у Богоматери, ни у России не было права выбора, не было собственного решения «взойти на костер», тем глубже и безысходнее трагедия: «А туда, где молча Мать стояла, / Так никто взглянуть и не посмел» (Ахматова 1989: 160).

В литературе как мемуарного, так и литературоведческого характера вопрос «Ахматова и христианство» постоянно находится в центре внимания и, при всей его внешней очевидности, решается весьма различно. Для И. Бродского в религиозности Ахматовой видится не столько приверженность традиции, сколько устойчивая система нравственных ценностей. Он с неизменным постоянством пишет о ней не столько как учителе в поэзии (недаром неоднократно вспоминается ахматовская фраза, к нему обращенная: «Вам мои стихи не могут нравиться»), но как о человеке, научившем его христианскому отношению к миру и людям: «В те времена я был абсолютный дикарь, дикарь во всех отношениях – в культурном, духовном, я думаю, что если мне и привились некоторые элементы христианской психологии, то произошло это благодаря ей, ее разговорам, скажем, на темы религиозного существования. Просто то, что эта женщина простила врагам своим, было самым лучшим уроком для человека молодого, вроде вашего покорного слуги, уроком того, что является сущностью христианства» [Бродский 2000: 120].

Развивая мысль И. Бродского, В.Н Топоров впрямую соотносит безукоризненность биографических жестов Ахматовой (прежде всего решение остаться в России) с ее христианством: «Верность жизни для религиозного сознания предполагает верность Судьбе, конкретнее – верность своему месту (здесь и далее разрядка автора – Т.С.), не потому что оно досталось тебе в силу случайностей наследственной цепи и ты стоял на этом месте раньше, но потому, что оно свое, а «свое» оно потому, что здесь и только здесь твоя жизнь может «невозмущенно», органически соединиться со своей Судьбой, реализовать ее со всей ответственностью, выполнив тем самым свой высший долг (…), тот драматический выбор, который свидетельствует о напряженнейшей духовной коллизии максимальной интенсивности (последний выбор перед лицом смерти, сделанный на том же неизменном пространстве-месте своей жизни), подлинной высшей свободе в условиях предельной несвободы» [Топоров 2003: 283]. Н.В. Недоброво первый, заговоривший о «биении о мировые границы» как важнейшей, сущностной черте лирики Ахматовой, убежден в

том, вне понимания «сильнейшего религиозного чувства», лежащего в основе ее мира, прочтение ахматовской поэзии будет «неосновательно и произвольно»: «… она сама указывает на религиозный характер своего страдальческого пути, кончая одно стихотворение такими страстями: «В этой жизни я не много видела; / Только пела и ждала. / Знаю: брата я не ненавидела / И сестры не предала. // Отчего же Бог меня наказывал / Каждый день и каждый час? / Или это ангел мне указывал / Путь неведомый для нас?» Религиозный путь так определен в Евангелии от Луки (гл. 17, ст.33): «Иже аще взыщет душу свою спасти, погубит ю: и иже аще погубит ю, живит ю». Еще в «Вечере» Ахматова говорила: «Не печально, / Что души моей нет на свете». А стихи, кончающиеся упоминанием ангелом пути, начинаются так: «Пожалей о нищей, о *потерянной*, / О моей живой душе…». Для такой души есть прибежище в Таинстве Покаяния. Можно ли сомневаться в безусловной подлинности религиозного опята, создавшего стихотворение «Исповедь»?» [Недоброво 1989: 253-254].

Однако в литературе об Ахматовой ныне обозначается тенденция к редуцированию авторской воли по отношению к сакральному тексту, которая с неизменностью ведет, мягко говоря, к определенным недоразумениям. Так, автор «Заметок о Анне Ахматовой», великолепно знающий ее творчество, с некоторой ожесточенностью пишет о недопустимых для религиозного человека трактовках библейских сюжетов, образов, мотивов: «И когда Ахматова обращается к Богу: «Ты, росой окропляющий травы, / Вестью душу мою оживи, / Не для страсти, не для забавы, / Для великой земной любви», - то если начало четверостишия очевидно повторяет молитву Иоанна Златоуста на 11-й час дня: «Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоея», то конец столь же очевидно противопоставляется его молитве на 10-й час ночи: «Господи, сподоби мя любити Тя от всей души моея и помышления…». В контексте стихотворения эта «великая земная любовь» сродни карамазовскому толкованию евангельских слов о грешнице, которая «возлюбила много»: «… она возлюбила много (- кричит Федор Павлович, -), а возлюбившую много и Христос простил…» - «Христос не за такую любовь простил…» -

вырвалось у кроткого отца Иосифа» [Найман, 1999: 75]. В своих претензиях к «вольностям» интерпретации Библии и религиозных ритуалов Ан. Найман (особенно его раздражает ранняя любовная лирики, в том числе известные строки о «молитвенном коврике» или не менее известные: «Благослови же небеса - / Ты первый раз одна с любимым») становится печально солидарен с идеологом советской эпохи, сказавшего об Ахматовой: «полумонашенка, полублудница».

Пожалуй, только И. Бродский и В. Топоров подошли вплотную (конечно, не только без осуждения, но и с известным восхищением перед смелостью, возможно, безрассудной, как это и принято у больших поэтов) к еще одной «еретической тайне» Ахматовой. В фундаментальной работе «Об историзме Анны Ахматовой» В. Топоров обращает внимание на множественность и разнообразие «царских» сигнатур-инсигний Ахматовой: «царственный облик, осанка Ахматовой», «царственное положение Ахматовой в поэзии», «царскосельское прошлое, царскосельское наследие», «царская тема ранних стихотворений», жизнь в дворцах – Мраморном, Шереметьевском, - сублимировавшаяся в миф «царской жизни» и «царская забота» после революции, и счет «царям» от имени поэтов и общее сознание царского статуса поэта, носителя «царственного Слова». Исследователь называет ряд образов, поддерживающих создаваемый поэтом и – одновременно – современниками Ахматовой статус ее царственной принадлежности: «знаменитые царицы древности – Дидона, Федра, Клеопатра – избирались ею своими зеркалами», образы царевичей как суженных лирической героини, но это и темы венца, символа царской власти и смертных мучений, и трона-плахи [Топоров 2003: 357-358]. К этому ряду примыкают очень редкие, а потому, может быть, особо значимые прямые сопоставления своей судьбы и предназначения с судьбой и предназначением Царя Божьего, открытого соединения Его страдальческого пути и пути Поэта:

Кого когда-то называли люди,
Царем в насмешку, Богом в самом деле,
Кто был убит – и чье орудье пытки
Согрето теплотой моей груди…

…
Вкусили смерть свидетели Христовы,
И сплетницы-старухи, и солдаты,
И прокуратор Рима – все прошли,
Там, где когда-то возвышалась арка,
Где море билось, где чернел утес, -
Их выпили в вине, вздохнули с пылью жаркой
И с запахом бессмертных роз.
Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор – к смерти все готово.
Всего прочнее на земле печаль
И долговечней – царственное слово.

(Ахматова, 1989)

И вновь прямое сопоставление уже своей судьбы и судьбы Спасителя:

Как вышедший из западных ворот
Родного города и землю обошедший,
К восточным воротам смущенно подойдет
И думает: «Где дух, меня так мудро ведший?!
– Так я…

(Ахматова, 1989)

Размышляя о сложной «местоименной игре» в творчестве Анны Ахматовой, И. Бродский, не без внутреннего трепета, столь в принципе ему несвойственного, замечает: «И чем она усерднее пряталась, тем неуклоннее ее голос таял в Чьем-то Другом (сколь важны здесь заглавные буквы – Т.С.), бросавшем в дрожь при попытке увидеть, как в «Северных элегиях», кто скрыт за местоимением «я». [Бродский 1989: 67]. Скорее всего речь идет о Второй элегии, основным лирическим сюжетом которой становится приход Поэта в мир, прозрение своей Судьбы и готовность ее принять. Ощущение трагического мессианского по сути пути усиливается традиционной для русской поэзии оппозицией «я» - «они» = «поэт» - «чернь»:

И выходили люди и кричали:
«Она пришла, она пришла сама!»
И чем сильней они меня хвалили,
Чем мной сильнее люди восхищались,

Тем мне страшнее было в мире жить,
И тем сильней хотелось пробудиться,
И знала я, что заплачу сторицей
В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме,
Везде, где просыпаться надлежит
Таким, как я, - но длилась пытка счастьем.

(Ахматова 1989)

Ахматова, несмотря на очевидную связь с христианской культурой, остается поэтом новой эпохи. Опираясь на свой жизненный и творческий опыт, она переосмысляет Библию: любовь, история, судьба, христиански понятое предназначение человека становятся в мире Ахматовой страданием, роком, трагедией. Очевидно, что собственно конфессиональный подход к явлению и сути искусства не всегда или всегда себя не оправдывает. Каждый большой художник, вне зависимости от глубины и серьезности веры всегда становится еретиком, ибо, беря на себя миссию Творца, он создает свой мир, мир человеческий, прекрасный и яростный, явленный с нечеловеческой (божественной) точностью и красотой: «и творчество, и чудотворство!» (Б. Пастернак). Библейское «моление о чаше» – теодиция – оправдание промысла Божьего. Ахматовское «моление о чаше» – лингводицея – оправдание предназначения Поэта, бессмертия его «царственного (=божественного) слова»: «Дорога непроезжая черна. / Так вот она, последняя! И ярость / Стихает. Все равно что мир оглох... / Могучая евангельская старость / И тот горчайший Гефсиманский вздох» (Ахматова 1989: 208).

Литература

Ахматова А. Я – голос ваш... . – М., 1989.

Ахматова А. Собр. соч. В 6 т. Т.3. – М. 1998.

Бродский И. «Скорбная муза» // Юность, 1989. № 6.

Бродский И. Большая книга интервью. – М. 2000.

Жолковский А.К., Щеголев Ю.К. Работы по поэтике выразительности. Инварианты – Тема – Прием – Текст. – М., 1996.

Лейдерман Н.Л. Постреализм: Хаос и «воля к смыслу» // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Кн. 1. Новые художественные стратегии. – Екатеринбург, 2005.

Найман Ан. Рассказы о Анне Ахматовой. – М. 1999.

Недоброво Н.В. Анна Ахматова // Найман А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой. Из книги «Конец первой половины XX века». – М., 1989.

Ренан Э. Жизнь Иисуса. – М., 1906.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб. 2003.

©Снигирева Т.А., 2005

С. С. Шляхова,
Пермь

«Сказать звук…»: фоносемантические маргиналии в поэзии М.Цветаевой.

Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот.
И повинись, поэт,
Что ничего, кроме этих ахов,
Охов, у Музы нет.
М.Цветаева

В творчестве М. Цветаевой «философско-мировоззренческий максимализм находит адекватное выражение в максимализме языковом» [Зубова 1989: 4]. Поэзия М.Цветаевой стоит в русской литературе особняком, «весьма и весьма на отшибе» (И.Бродский). Подобная «периферийность», «маргинальность» свойственна и ее языковому стилю.

Максимализм языкового стиля М.Цветаевой проявляется в том, что языковая периферия оказывается принципиально значимой для поэта. Для поэзии М.Цветаевой характерны единицы типа ***толк, бум, бах, ку-ку*** и пр., которые в статье номинируются как *фоносемантические маргиналии* (ФМ), что подчеркивает маргинальный статус и звукоизобразительную природу данных единиц, их примарную мотивированность.

Почему для М.Цветаевой столь притягательно то, что стоит на периферии языка, что максимально выходит за рамки «нормального»? Думается, что ответ можно найти в ее дневниковых записях, относящихся уже к сороковым годам: *«Моя трудность (для писания стихов и, может быть, для понимания) в невозможности моей задачи, например, словами (то есть смыслами) создать стон: а-а-а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в словах осталось одно: а-а-а. Зачем такие задачи?».* Ср. также ее понимание цели поэзии: «*в тетрадь, чтобы не задохнуться*».

Признание поэта заставляет идти вслед за звуком и стоном, что означает - погрузиться в сферу фоносемантики, поскольку одним из признаков звукоизобразительного слова является его аномальность [Воронин 1982].

Переход в сферу ФМ часто связан с разрушением кодифицированного языка, логической речи, актуализацией аномального дискурса.

Так, ФМ имеют непосредственное отношение к пограничным феноменам человеческого бытия (состояние измененного сознания), пограничным фигурам (например, фигура медиатора между этим и потусторонним миром), пограничным состояниям маргиналов (состояния транса, одержимости, радения и др.), на что указывает частотность ФМ в подобных текстах [Шляхова 2005].

Ср. также в эссе «Искусство при свете совести» (1932): «*состояние творчества есть состояние наваждения. Пока не начал – obsession, пока не кончил – possession. Что-то, кто-то в тебя вселяется, твоя рука исполнитель, не тебя, а того. Кто он? То, что через тебя хочет быть…*» [Цветаева 1988: 397].

Функционирование ФМ также связано со специфическими духовными и интеллектуальными практиками в религиозно-мистическом (кликушество, пророчество, мистическое сектантство), фольклорном и литературном пространстве (заумь).

Ср. также: «*Недаром каждый из нас по окончании: «Как это у меня чудно вышло!». Никогда: «Как это я чудно сделал!». Не «чудно вышло», а чудом – вышло, всегда чудом вышло, всегда благодать, даже если посылает не бог. В человека вселился демон. Судить демона (стихию)? Судить огонь, который сжигает дом? Меня?*» [Цветаева 1982: 106].

Наши исследования функционирования ФМ показывают [Шляхова 1998, 2004], что подобные единицы характерны для жанров, которые отличаются высоким эмоциональным напряжением текста, где степень стресса определяет степень частотности ФМ. На сверхэмоциональное начало цветаевского стиха указывают все исследователи и критики ее творчества, да и сама М.Цветаева признавалась: «*Безмерность моих слов - только слабая тень безмерности моих чувств*».

Ср. также: «*рыдание*» и «*работа на голосовом пределе*» (И.Бродский); «*Марина часто начинает стихотворение с верхнего «до»* (А.Ахматова).

Эмоции обычно представляют собою целый спектр субъективно недифференцируемых нюансов, которые трудно поддаются передаче с помощью кодифицированных средств [Жельвис 1997: 38].

В состоянии эмоционального напряжения в высказываниях увеличивается число элементов, которые не несут никакой смысловой нагрузки, поскольку происходит затруднение в выборе слов, отсюда множество паралингвистических «чуждых» звуков, аномалий, инвектив, которые менее всего связаны с содержанием, но несут на себе всю эмоциональную нагрузку речи.

Специфика семантики ФМ заключается в том, что они всегда имеют сверхэмоциональное начало, что закономерно, ибо личностная эмоция стремится преодолеть знаковость языка: «когда в припадке нежности или злобы мы хотим приласкать или оскорбить человека, то нам мало для этого изношенных, обглоданных слов, и тогда мы комкаем и ломаем слова, чтобы они задели ухо, чтобы их видели, а не узнали» [Шкловский 1990: 40]. Ср.

А- и - рай !	*(Куды и вся удаль*	***Му-жайся*** *же, сердце!*
А -и -вей !	*Давалась, -* ***невемо****!*	***Му-жайся*** *и чай!*
О - би - рай*!*	*...На тебя не дунул,*	***Не-бесный*** *разверзся*
Не - ро - бей*!*	*На тебя не* ***вену****л*	*Свод!...*
«Переулочки»	«Молодец»	«Ариадна»

Любая эмоция, переживание включает в себя «здесь-и-теперь» удовлетворение [Василюк 1984: 50]. Именно ФМ оказываются способны передавать семантику «здесь-и-теперь» наиболее адекватно. Синкретичность ФМ позволяет М.Цветаевой в минимальной языковой форме обозначить «сюжет» и эмоцию «здесь-и-теперь» ситуации; передать «ежесекундное изменение жизни» (Ж.Жаккар), ибо «остановленное окаменевает» (Р.М.Рильке); способствовать компрессии времени и преодолению разрыва «хронотопа» между читателем и автором.

Ср. ***Ой!*** *- Молния! Грех - таки... Лбом об землю -* ***чок****!*
Ой*! - Жжет! Стыд - таки.. Да на ветку -*
Не - молния! ***Кхе-кхе-кхе...*** ***Скок -***
Конь - ржет! ***Кхи-кхи-кхи...*** *Тут к ней барин!* ***Хвать!***

«Переулочки» «Крысолов» «Молодец»

Повышенной частотностью ФМ обладают тексты, которые тесно связаны с обрядом и его кодами (заговоры, загадки); для которых характерна высокая степень устойчивости жанра и тесная связь с древними формами речи, которые прежде всего обнаруживают связь с религиозной и магической функцией (песни ведьм, заговоры, былички, глоссолалии сектантов, косноязычие юродивых и кликуш, детский фольклор и фольклор для детей).

Все эти жанры предполагают наличие некоторой языковой «чертовщины», «заумных», «тарабарских» слов, которые и являются той «языковой окаменелостью» (И.А.Бодуэн де Куртенэ), лингвистическая непрерывность которых маркирует древность и постоянство функционального дрейфа данного текста, его переход от сакрального к десакрализованному.

Показательным примером этого является борьба никониан со старообрядческой манерой церковного пения, которое характеризовалось глоссолалическими припевками (так называемые «аненайками») [Успенский 1994]. При этом подобные «аненайки» существовали и существуют в детских искусственных языках, где всегда происходит десакрализация текстов, так называемые «утки» - слоги, которые вставлялись после каждого слога «нормального» слова.

Подобное осмысление сказки М.Цветаевой «Молодец» находим у В.Ходасевича: «*Народная песня в значительной мере является причитанием, радостным или горестным: в ней есть элемент скороговорки и каламбура - чистейшей игры звуками; в ней всегда слышны отголоски заговора, заклинания - веры в магическую силу слова; она всегда отчасти истерична - близка к переходу в плач или в смех; она отчасти заумна. Вот эту «заумную» стихию, которая до сих пор при литературных обработках народной поэзии почти совершенно подавлялась или отбрасывалась, Цветаева впервые возвращает на подобающее ей место*» [Ходасевич 1991: 521].

Характеризуя народную песню, В.Ходасевич определяет и существенные черты цветаевского стиля: «чистейшая игра звуками», «причитания», «отголоски заговора, заклинания», «отчасти заумна и истерична». И совершенно безусловна вера

М.Цветаевой в магическую силу слова, где назвать - значит создать, что не раз привлекало внимание исследователей [Ревзина 1991; Жогина 1999]. Ср. также значимость библейской, античной, христианской, славянской мифологии и фольклора в поэзии Цветаевой, а также ее экстатичность, катарсичность.

М.Цветаева своими текстами творит магию, стремясь влиять на обстоятельства. Она использует «периферийные» языковые средства, создающие иллюзию «заумности», ибо ФМ являются типичными для экстатических форм речи (религиозного и магического фольклора), где существуют на равных правах с собственно «заумью», заимствованиями и инвективами [Шляхова 1998].

Ср. отражение заговорной структуры, где очевидно знание поэтом обрядовых кодов заговора:

Развела себе в стакане
Горстку жженых волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.

Левая - она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука -
Праведная, правая!

Повышенная частотность ФМ характерна также для устной формы существования текста (преимущественно в бытовом, неофициальном пространстве) и детской речи. Тот же В.Ходасевич весьма раздраженно отзывался о цветаевском сборнике «Волшебный фонарь»: *«Но есть что-то неприятно-слащавое в ее описаниях детского мира, в ее умилении перед всем, что попадается под руку. От этого книга ее - точно детская комната: вся загромождена игрушками, вырезанными картинками, тетрадями. Кажется, будто люди в ее стихах делятся на «бяк» и «паинек», на «казаков» и «разбойников»* [Ходасевич 1991: 486]. Ср. также разговорность, диалогичность формы цветаевского стиха; моделирование семейного и «детского» общения в ранних сборниках и очерке «Мой Пушкин». Ср. также цветаевское признание «*Я говорю, как маленькие дети*» («Плащ») и «детскую» аргументацию: «*Мне тебя уже не надо - Оттого что - Оттого что - Мне тебя уже не надо*».

М.Цветаева неожиданно останавливается во времени (вернее, возвращает его на зад), моделируя в ограниченном пространстве новый, временно действующий мир, принимая правила игры («понарошку», «на пока»),

свойственные этому детскому миру. Однако это, на наш взгляд, отнюдь не является показателем инфантилизма цветаевского поэтического мира, который столь раздражал В.Ходасевича, поскольку корни этого лежат не столько в «детстве» поэта, сколько в «детстве» языка и человечества.

Весьма показательной является мысль Цв.Тодорова, который обозначил распространенное мнение о природе символа: «...поскольку трудно полностью игнорировать существование символов, мы заявляем, что мы - нормальные взрослые люди современного Запада - свободны от недостатков символического мышления и что такое мышление существует лишь у *других* - у животных, детей, женщин, сумасшедших, поэтов (безобидной разновидности сумасшедших), дикарей, которые, равно как и наши предки, мыслят только символически.<...> Однако (и в этом заключается наш тезис) описания «дикого» знака (знака других) суть дикие описания (нашего) символа» [Тодоров 1999: 262].

Представляется, что это поэтическое моделирование архетипической (детской? дикой? женской? животной? сумасшедшей?) картины мира, где ФМ являются основным строительным материалом столь зыбкой, призрачной, подсознательной и неподотчетной структуры. Об архетипичности когнитивных рядов, позволяющих играть со словами и смыслами, актуализируя неосознаваемые смыслы, говорилось неоднократно. Ср. также признание поэта в письме в Ю. П. Иваску от 4 апреля 1933 года: «Я все знала – отродясь. NB! *Я никогда не была в русле культуры.* Ищете меня *дальше и раньше*» [Цветаева 1992: 80].

«Неофициальность», «карнавальность» поэтической картины мира М.Цветаевой, где разрушаются законы «правильного» поведения, кодифицированного языка, эффективной коммуникации, где «аномальность» с периферии перемещается в центр мироздания, возвращаясь к забытым истокам мифа, обряда, языка, речи, слова. Для идиолекта М.Цветаевой характерны поиски утраченного семантического потенциала слова через его звучание, этимологию, «первородные» значения.

Специфической особенностью ФМ является то, что при некоторых типах афазии на фоне утраты нормальной лексики сохраняются инвективы (В.И.Жельвис в частности говорит о патологическом сквернословии), междометия, ономатопеи,

звукосимволические аномалии [Жельвис 1997; Воронин 1982], что говорит об их древней природе, о том, что она находятся в самой глубине вербальной памяти. Это уже не является собственно речью, ибо словоупотребление неконтролируемо, значение утрачивается при сохранении оболочки слова, его звучания. Это же подтверждается исследованием таких экстатических форм речи, как иноговорения, камлания сектантов, шаманов, кликуш, юродивых и т.п. [Шкловский 1990; Тодоров 1999: 329-340; Коновалов 1908; Вербицкий 1893; Потапов 1991].

Можно говорить, что ФМ - это «детство», «колыбель», «младенчество» языка, что косвенно подтверждается данными детской речи и наиболее распространенными теориями происхождения языка (звукоподражательной, междометной, ономатопоэтической, жестовой, теорией трудовых выкриков) [Николаева 1996; Тодоров 1999]. Эти единицы наиболее характерны также для устных (исторически более древних) форм речи и фольклорных жанров. Древняя природа форм-аномалий неизбежно приводит нас к признанию тесной взаимосвязи говорения (речи) и других невербальных средств коммуникации (жеста, обряда, игры), которые являются знаковыми системами более древнего, чем язык, происхождения [Топоров 1994; Тодоров 1999; Горелов 1980].

«Если также учитывать, что в начале было не слово-отдельность («словарное слово»), а сверхсложный синкретический комплекс, <...> то оказывается, что этот комплекс есть одновременно и ономатопея, и междометие, и жест, что он столь же абстрактен, сколь и изобразителен и аффективен. <...> Он логичен и иррационален. Точен и неточен. Обманчив и правдив. Он не использует парафразы, тропы и символы. Он является ими» [Сорокин 1999: А-2]. Именно этот генетический потенциал ФМ использует М.Цветаева в своей поэтической речи.

Из 197 употреблений ФМ в текстах М.Цветаевой получаем следующее соотношение: 159 (80,7 %) - артикуляторных ФМ (*кхе, фырк, ой, тьфу* и др.); 11 (5,6 %) - акустических ФМ (*бац, дзинь, порх, чок* и др.); 27 (13,7 %) - лексических аттрактантов и репеллентов (*ау, брысь, тсс, цыц* и др.).

Количественные данные показывают, что в идиостиле М.Цветаевой актуализируются внутренние (скрытые, имплицитные) процессы жизни физического тела (артикуляторные ФМ). Ее не интересуют внешние звучания (акустические ФМ) и обращенность к другому (лексические аттрактанты и репелленты). Можно говорит о том, что поэт существует во внутреннем мире, а внешний мир, диалог к ним, ответность в этом диалоге не имеют для нее особого значения.

Очевидна актуализация артикуляторных ФМ (более 80 %), где выделяются группы непроизводных междометий и номинации собственно органических звучащих движений человеческого тела. По М.Цветаевой, поэт - «утысячеренный человек», в том числе утысячеренный и со стороны «физики тела», которая является значимой во многих поэтических и философских системах (О.Мандельштам, Вл.Соловьев, В.Розанов, Д. Мережковский, Б.Поплавский, Г.Марсель, М.Пруст, П.Валери и др.).

Проблеме значимости человеческого тела, психофизиологического в художественном творчестве посвящены не одна статья и монография [Выготский 1987; Бахтин 1990; Успенский 1994, 2; Фрейд 1991, 2; Топоров 1995; Мусаева 1999; Линецкий 1995]. Биофизическая органика в известной мере определяет, «преформирует» существенный пласт духовного творчества, и результаты этого творчества, тексты, хранят в себе отражения этих «органических» движений. Бессмысленно задавать вопрос о том, что первично - душа или тело, по крайней мере, в контексте идеи духовного и телесного единства, предопределяющего отсутствие «интервала» между душой и телом [Топоров 1995: 430].

Особенно заметно отражение «органических» движений и отсутствие «интервала» между душой и телом в поэзии М.Цветаевой. ФМ являются здесь знаком личного и языкового типа поведения поэта, которые позволяют преодолеть «репрессивно-подавляющую, контролирующую функцию» (Л.С. Выгот-ский) языкового знака, чья роль заключается в репрессии «физики тела», инстинктов как «реального», натурального уровня психики социальным дискурсом [Выготский 1982, 1; Лакан 1995; Фрейд 1991, 1].

Ср. - ***Ух!***
- Кто же это там ухнул вдруг?
- Просто вылетел из тела - дух!
«Царь-девица»

***Ах**, далеко до неба!*
Губы - близки во мгле...
- Бог, не суди! - Ты не был
Женщиной на земле!

«В гибельном фолианте...»

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
***Ох,** этот рев зверский!*
*Дерзкая - **ох!** - кровь.*
«Стихи о Москве»

***О** друг! Не обессудь!*
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей...
«Бессонница»

Существенную роль в поэтической системе М.Цветаевой играют междометия. Как литературный манифест возникает в 1924 году стихотворение «Молвь», где вся сложность жизни и высота поэзии укладывается в несколько междометий: *«Ах с Эмпиреев, и ох вдоль пахот. И повинись, поэт, Что ничего, кроме этих ахов, Охов, у Музы нет».* По М.Цветаевой, эти «неодолимые возгласы плоти» и являются сутью жизни и поэзии, «проводниками в душу, а не в пустоту».

В целом артикуляторные звучания в русском языке находят незначительное отражение (часто представлены единичными примерами ФМ) [Шляхова 2004]. Этимологический анализ показывает, что все артикуляторные ФМ относятся к индоевропейскому лексическому фонду, что позволяет говорить о древней природе данных единиц. Характерно, что с течением времени не происходит пополнение данной лексической группы, что отражает неизменность физиологического бытия человека. Однако данное положение не означает семантической «консервации» артикуляторных ФМ, которые развивают огромное количество значений на уровне перехода в звукосимволическое пространство. Более того, артикуляторные ФМ обозначают не только физиологически значимые стороны бытия человека, но и те сущности, которые включены в наиболее сложные семиотические контексты (например, семантика смеха, слез, чихания). Сфера артикуляторных ФМ – своеобразный «тигль человекообразования» (М.Мамардашвили), где происходит переход от примитивного физиологического бытия к духовному осмыслению мира. Только эти ФМ отражают в языке физиологическое бытие человека в своем отприродном (полуживотном) смысле; только на уровне ФМ существует маргинальная зона, переход через которую, в сущности, знаменует собою переход от

полуживотного бытия к человеческому. При этом обыденное бытие семиотизируется в такой степени, что выходит на гносеологический и онтологический уровень.

Показательным в этом отношении является исследование К.А.Богданова, где фольклорные импликации чихания рассматриваются в качестве объекта коммуникативной рефлексии. Уже в библейском и гомеровских текстах упоминания о чиханье - при всем их различии - представляются схожими в главном: и в том и в другом случае упоминается обыкновенное явление, предваряющее экстраординарное событие. Чихание воспринимается как результат божественного промысла и божественного творения. Но коль скоро сам этот промысел остается для человека неисповедимым, чиханье - как явление, известное человеку по его собственному опыту, - знаменует то, что человеческим опытом не объясняется и не определяется. В ряду приводимых автором примеров вера в чиханье, в общем и целом, расценивается как вера в божественное провидение или в случай. Вера во встречу, сны или птичий грай также инициируется семантикой и прогностической функцией случайности, но аналогия эта частична: случайность, с которой имеет дело чихающий, связана с самим человеком, обнаруживающим в акте чиханья парадоксальную природу своей метафизической зависимости [Богданов 2004]. ФМ являются той лингвистической зоной, которая наиболее рельефно отражает физиологическое, потустороннее, сакральное бытие человека, «в глубине которых обнаруживается нетривиальное содержание, не схватываемое рациональным мышлением, проявляются древние архетипы и символы, просвечивают фундаментальные основания бытия, отражается сакральное начало» [Гурин 2001].

Таким образом, посредством ФМ М.Цветаева устанавливает «природный», истинный, «первородный» порядок связи смыслов, который хранится языком, но утрачивается обыденным сознанием. ФМ для М.Цветаевой - это «до-словный, до-книжный хаос, из которого все рождается и в который все уходит» (В.Шкловский). Исследование функционирования фоносемантических маргиналий в идиолекте М.Цветаевой позволяет увидеть не только особенности индивидуальной

стилистики и языковой картины мира, но и уловить закономерности существования этих единиц в системе языка.

Литература

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. http://ivgi.rsuh.ru /folklore/ publications. htm

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.

Вербицкий В. Алтайские инородцы. М., 1893.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982.

Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. Т.1. М., 1982.

Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1987.

Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

Гурин С.П. Маргинальная антропология // http.//psy-games. narod.ru /margin / DIR.HTM.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.

Жогина К.Б. Творчество М.И.Цветаевой в эпистеме философии имени начала XX века // Человек в контексте культуры. Москва-Ставрополь, 1999.

Зубова Л. В. Поэзия М. Цветаевой: Лингвистический аспект. Л., 1989.

Коновалов Д. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908.

Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.

Линецкий В. Комплекс кастрации и теория литературы // Риторика. 1995, № 2.

Мусаева Э. С-Э. Флоренский и Пастернак. Видимый и невидимый мир // Человек в контексте культуры. Сб. ст. Вып.2. Москва-Ставрополь, 1999.

Николаева Т.М. Теории происхождения языка и его эволюции - новое направление в современном языкознании// ВЯ, 1996, № 2.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. М., 1991.

Ревзина О.Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М.Цветаевой // Стилистика и поэтика. 1988-1990. М., 1991.

Сорокин Ю.А. О чем и как размышляет Цветан Тодоров? // Цветан Тодоров. Теории символа. М., 1999.

Тодоров Цв. Язык и его двойники //Тодоров Цв. Теории символа. М., 1999.

Топоров В.И. Из наблюдений над загадкой// Исследования в области балто-славянской культуры. Загадка как текст. М., 1994.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Успенский Б.А. Язык и культура. Избр. труды. ТТ. 1-2. М., 1994.

Фрейд З. «Я» и «Оно». Тр. разных лет. ТТ.1-2. Тбилиси, 1991.

Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991.

Цветаева М. И. Искусство при свете совести // Литературное обозрение. 1982, 3 10.

Цветаева М. И. О поэзии и прозе // Звезда, 1992, № 10.

Цветаева М. И. Собр. соч.: В 2-х тт. Т. 2. М., 1988.

Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990.

Шляхова С.С. «Дребезги языка»: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004.

Шляхова С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. Пермь, 2005.

Е.В.Шустрова
Екатеринбург

Истоки языковой игры в афро-американской устной традиции

Изучение различных способов языкового представления мира относится к числу наиболее актуальных вопросов современной лингвистики. Одной из форм реализации той или иной психолингвистической модели и ее национальных особенностей является языковая игра. Объектом нашего интереса стали истоки и разновидности языковой игры в афро-американском устном творчестве. Первое, что привлекает внимание при знакомстве с афро-американской культурой, это смешение африканских и европейских черт, двойственный характер музыки, рисунка, семантики, организации текста…. Афро-американские фольклорные и литературные источники полны аллюзий как на европейские образы так и на африканское наследие.

Этот дуализм прекрасно передан в романе У. Э. Б. Дюбуа «Души Черных»: «Ты всегда ощущаешь свою двойственность: Американец и Негр, две души, две мысли, два непримиримых борца, два сражающихся образа в одном черном теле, одной только волей не позволяющем им разлететься прочь.

История американского негра – история этой борьбы, этого желания обрести свое самосознание, создать из двух половинок лучшее, настоящее Я. И в этом слиянии он не хочет утратить ни черное ни белое» [Du Bois 1989: 16 – 17].

Одним из ярких африканских элементов в афро-американской устной традиции является культ Слова. Верховное божество в большинстве древне-африканских религий носит характер философского понятия, идеи в чистом виде, *плодотворного Слова.* По одной из африканских легенд, первые восемь бессмертных двуполых людей, давшие жизнь всему остальному человечеству, являются «совершенными эманациями великого Номмо, воплощающего собой плодотворную воду дождей и мудрое слово» [Оля 1976: 69]. Слово становится способным влиять на судьбы людей и устная традиция в передаче знания становится ведущей. Слово – источник жизни, несущий тайный смысл, и, однажды произнесенное, оно приводит к тем или иным событиям. Сказанное слово накладывает определенные обязательства, отсюда и происходит выражение *Yo word is yo bond*, на основе которого, появилось устойчивое сочетание, часто используемое в культуре хип-хопа, *word is born.* Вера в исключительную значимость слова породила другие подобные выражения типа *word, word up, word to the mother*, также характерные для афро-американского английского и хип-хопа в частности, употребляемые исключительно в позитивном смысле.

Большим уважением пользуется бережное отношение к устному слову и устной народной традиции, а также умелое использование языковых возможностей афро-американского варианта английского языка. Все вышесказанное не означает, однако, что афро-американцы пренебрежительно относятся к письменной форме языка. Просто, как и другие носители языка с преобладающей устной традицией, например, потомки индейских племен, они полагают, что возможности письменной речи в сравнении с устной резко ограниченны в своих возможностях и неспособны передать весь сокровенный смысл человеческой мысли. В качестве иллюстрации позволим себе привести африканскую легенду о письме и устной традиции.

Олорун был главным богом и первенцем Повелителя Воздуха. Через 40 лет у Повелителя Воздуха родился второй сын, Эла, от которого произошли все прорицатели. Все *белые* люди собирались у Эла по *утру* и учились читать и писать, *вечером* же приходили *черные* дети Солнца. Их он учил стихам Ифы и искусству предсказания. Сам Ифа научил их магии чтения и письма на волшебных подносах (т.е. с помощью символических предметов, обычно орехов [Е.Ш.], в то время, как белые дети Луны писали на таблицах [Gates 1988: 13].

По другой легенде, когда Бог создавал людей, первым появился Африканец. Поскольку он был первенцем, ему был предоставлен выбор: или искусство письма или все золото мира. По жадности африканец выбрал золото и за жадность же и поплатился: никогда не владеть ему даром письма [Farrow 1926: 36 – 37].

Вера в магическую силу слова, унаследованная из легенд Африки, приводит к осознанному овладению искусством *signifyin'* – особой разновидностью языковой игры, которая является неотъемлемой чертой афро-американского устного творчества.

Говоря об истоках этой национальной языковой игры, нам следует обратиться к традиционной африканской системе богов-посредников. В этой связи следует упомянуть один весьма интересный образ. Этот персонаж не только сохраняется до сих пор в культурах Нигерии и Бенина, но и благополучно пережил бурный переезд в Бразилию, Кубу, на Гаити, Карибские острова и в США. В Нигерии он носит имя Езу-Элегбара, в Бенине – Легба, Эксу в Бразилии, Ечу-Элегуа на Кубе, Папа Легба на Гаити, а колдуны США, знающие магию Худу, призывают его под именем Папа Ла Баса. Мы будем называть его Езу или Езу-Элегбара.

В каждой версии Езу относится к богам-посредникам, он передает повеления богов человеку и просьбы людей – богам. Он охраняет перекрестки, мастерски владеет стилем, стоит на пороге того, что разделяет богов и человека. Он – связующее звено между правдой и ее пониманием, божественным и мирским, текстом и его интерпретацией. Он связывает воедино грамматику богов с риторикой людей. В мифологии йоруба Езу хром – одна нога у него длиннее другой. Это ни что иное, как символ его функции посредника: одной ногой он стоит в пантеоне богов, а другой в нашем мире.

В работах, посвященных Езу [Bascom 1969; Idowu 1962; Herskovits 1967; Pelton 1980; Thompson 1971] ему приписываются такие качества, как индивидуальность и неопределимость, предательство и верность, склонность к сатире, пародии, иронии, сексуальность, двойственность физического плана и душевных качеств. У него два рта, поэтому и речь его двусмысленна. Он выполняет роль литературного критика, растолковывая людям речи оракула Ифы [Оля 1976: 33 – 34], который несет слово божье. В Западной традиции ближе всего к нему стоит Гермес, так же несший людям Знание.

В ряде мифов образ Езу сливается с образом обезьяны. Так, Л. Кабрера пишет: «Езу-Элегбара появляется в сопровождении Обезьяны и они истолковывают волю богов с помощью орехов пальмы, растущей в садах Оругана (бога Солнца)» [Цит. по Gates 1988: 15]. Кроме того, Езу-Элегбара отличается очень маленьким ростом, черным цветом и длинным хвостом, его большие глаза горят как угли и пристально вглядываются в мир. По одной из легенд он, без ведома высшего бога, породил всех обезьян [Herskovits 1967: 151 – 152; 193 – 194]. Гейтс обращает внимание так же на графическую схожесть слов *guije* (синомим Езу) и *jigue*, используемое в поэзии со значением «обезьяна» [Gates 1988: 17].

В Северную Америку Езу прибыл уже в образе обезьяны, утонувшей в поисках Знания и вечно плывущей по воде. Афро-американская диаспора дает этому образу еще одно название – *Signifying Monkey*. На значении глагола *signify* мы еще остановимся. Пока же разберемся с именем *Signifying Monkey*. Изначально, исходя из той роли, которую она выполняет в фольклоре, это Обезьяна-Оракул. Позднее, она выступает в роли злой насмешницы и обманщицы. Ее непременной жертвой становится лев, которого она стравливает со слоном [Botkin 1944: 652 – 675; Dance 1978: 247 – 262]. *Signifying Monkey* существует не просто как персонаж, а скорее как троп, передающий множество дополнительных смыслов – иногда это скрытое сравнение, иногда этот образ больше напоминает метафору или аллегорию. Подобно двуротому Езу, породившему ее, Обезьяна пользуется языковыми перевертышами, вкладывая новый смысл в привычные выражения. Как и повелитель перекрестков Езу, она появляется

на перекрестке двух языков и, смеясь, перемешивает значения слов, давая миру новое Знание.

Мы уже упоминали, что в основе афро-американской языковой игры лежит искусство *signifyin'*. Попытаемся разобраться, что же это такое. В словаре афро-американского сленга К. Мейджор дает следующее определение: «то же самое, что «грязная дюжина» (*dirty dozens*), оскорбление, выраженное в 12 или менее высказываниях». «Грязную дюжину» он определяет как «искусно продуманную игру, в которую традиционно играют маленькие афро-американцы. В ходе игры участники оскорбляют родственников друг друга, чаще всего матерей. Проигравшим считается тот, кто теряет контроль, обижается и кричит «Your Mama!» [Major 1994: 416, 138]. Таким образом, для Мейджора *signify* значит участвовать в высшей степени мотивированном речевом акте, имеющем целью ритуальное оскорбление.

Г. Э. Робертс комбинирует подход К. Мейджора с позицией Р. Д. Абрахамса, для которого важнее идея скрытого смысла [Abrahams 1962; 1970]. Робертс определяет *signifyin'* как «речевое поведение, передающее ряд скрытых смыслов, намеков на превосходство говорящего; его целью является высмеивание положения, внешности и родственников адресата». Он так же выделяет несколько разновидностей *signifyin'*: «jonning, playing the dozens, screaming on, sounding». В статьях *jonning* и *sounding* мы находим помету «см. signifying», *screaming on* определяется как «отчитывать, заедаться, доставать, оскорблять публично». *Playing the dozens* описывается как «выкрикивание оскорбительных и неприличных замечаний о матери, родителях, других членах семьи другого» [Roberts 1996: 387]. Таким образом, главной для Робертса остается агрессия и конфликт.

М. Меззроу, известный джазовый музыкант, в глоссарии своей автобиографии пишет о *signifying*, как «искусстве намека, хвастовства, жеста». Для него *signifying* – языковая игра, причем сюда же включается и язык жестов и мимики, имеющая целью передачу скрытого смысла посредством самых безобидных выражений. Неважно *что* сказано, но важно *как* сказано. Если вы не умеете читать язык жестов, мимики и интонаций, то

рискуете попасть впросак подобно Льву, обманутому Обезьяной [Mezzrow 1946: 378, 230].

М. Эндрюс и П. Оуэнс отмечают два важных момента: во-первых, говорящий сочиняет небылицу; во-вторых, подобно тому, как в легендах о *Signifying Monkey* необходимо присутствие Обезьяны, Льва и Слона, так и в процессе *signifying* нужен треугольник. Зачинщик выдумывает что-нибудь двусмысленное и сообщает другому, что это проделки третьей стороны, стравливая их между собой. *Signifying* считается особо удачным, если потом, зачинщику удается доказать, что все, что он говорил – правда, смотря как истолковывать [Andrews, Owens 1973: 95] Это возвращает нас к понятию «третьего уха», предложенного Робертсом [Roberts 1996: 172]. Дж. Диллард, поддерживая рассуждения У. Лабова и У. Стьюарта, описывает *signifying* как «известный речевой прием окраин города, используемый для передачи смысла (часто граничащего с неприличностью или издевкой) посредством ряда намеков» [Dillard 1977: 134]. Дж. Хаскинс и Х. Ф. Батс понимают под этим словом «унижение и оскорбление», отмечается, правда, что слово многозначно и «выражает более гуманную форму насмешки нежели «грязная дюжина» [Haskins, Butts 1973: 86]. Г. Вентворт и С. Б. Флекснер пишут, что *to signify* значит «делать вид, что осведомлен, прикидываться «крутым», особенно, когда подобное притворство приводит к злоупотреблению серьезными вещами» [Wentworth, Flexner 1975: 477]. Р. Браун, который сам в совершенстве владел искусством *signifying*, отмечает, что совсем не обязательно, чтобы игра приводила к оскорблению. Напротив, вы можете расхваливать свои достоинства или достоинства друга. Это может быть один из способов просто выразить свои чувства. Это то, что «белые называют вербальными навыками. Мы просто учимся нанизывать слова» [Brown 1969: 25 – 26].

Вернемся к теории Р. Д. Абрахамса и его великолепному исследованию понятия *signifying*. Основными положениями его определений можно считать следующие:

1. *Signifying* очень многозначно;
2. Это понятие «черной» культуры и «черный» риторический прием;
3. Одно из значений «умение говорить с помощью косвенных намеков»;

4. Может значить «придираться, недоброжелательно критиковать, льстить, приукрашивать рассказ, сочинять небылицы»;

5. Может значить «умение ходить вокруг да около, не затрагивая напрямую основной идеи»;

6. Может значить «высмеивание человека или ситуации»;

7. Может значить «говорить с помощью невербальных средств»;

8. Это язык двусмыслиц, «передача прямого значения посредством косвенных»;

9. При межрасовом общении служит маскирующей формой поведения [Abrahams 1962; 1970].

Мы считаем, что понятие *signifying* можно рассматривать с одной стороны, как определенное традицией речевое поведение, имеющее целью передачу скрытого смысла. С другой стороны, это троп, постоянно используемый как в афро-американском фольклоре так и литературе, который может, в зависимости от реализации в конкретном контексте, приближаться к традиционным метафоре, метонимии, синекдохе, гиперболе, литоте, аллегории, скрытому сравнению, реминисценции. Такой тип языковой игры придает афро-американскому фольклору и литературному тексту особую специфику, требующую от аудитории и читателя внимательного вслушивания в ритм текста и осознанного поиска языковых перевертышей.

Что касается непосредственно устного творчества, то культ Слова и традиция *signifying* находят свое отражение в следующих жанрах:

1. Сказках, притчах, легендах;
2. Рэпе, хип-хопе;
3. Проповедях, богослужениях.

Что касается первой группы, то наиболее известными являются уже упомянутые легенды о *Signifying Monkey*, а также различные сказки о животных, привидениях, духах, межрасовых отношениях [См, например, сборники фольклора Botkin 1944; Dance 1978 и др.].

Популярные сегодня направления рэпа и хип-хопа развиваются в афро-американской диаспоре с незапамятных времен (по меньшей мере с 16 в.) и базируются на неформальном общении, которое в афро-американской диаспоре устойчиво сохраняет традиционные черты языковой игры *signifying*. В частности, это проявляется в традиции кодирования

информации, когда лексические единицы несут двойное значение и обычным словам нормативного английского придается особый смысл, понятный только посвященным, что позволяет расширить семантическое поле лексических единиц. Подтверждением этому может служить так называемый *cool talk*, используемый афро-американцами в больших городах.

Язык и структура афро-американских проповедей являют собой пример смешения белого и черного. Так, с одной стороны, этот жанр дает многочисленные образцы традиционных христианских аллегорий, с другой стороны, для языка афро-американской проповеди характерно гораздо более широкое использование обиходной лексики, разговорных оборотов, простых структур, чем это принято в католическом или протестантском обращении в общине. Кроме того, для афро-американских богослужений характерно вхождение в экстаз, сопровождающееся песнопением, напоминающим блюз, и ритмичными танцевальными движениями. Можно опять провести параллель между экзальтированным состоянием черных христиан и глоссолалией африканских племен. Считается, что контакт с богом не был достигнут, если человек не впал в состояние одержимости. Такой тип молитвы и проповеди дал миру афро-американские *spirituals*, неповторимые духовные гимны, ставшие основой для всей афро-американской музыки. Без нее не было бы ни блюза, ни джаза, ни Луиса Армстронга, ни Эллы Фитцджеральд, ни Поля Робсона, ни многих других. Неслучайно, многие эстрадные афро-американские исполнители до сих пор пишут музыку и для эстрады и для церкви. Концепция Традиционной негритянской церкви о нерасторжимом единстве священных и светских слов привела к тому, что в современной эстрадной лирике, в частности, в стиле рэпа, без труда можно найти большое количество заимствований, пришедших из религиозных гимнов и отражающих особое мировоззрение, также сложившееся под влиянием самобытной религиозной традиции.

Подводя итог, отметим, что для языковой игры в афро-американской устной традиции характерно смешение «черных» и «белых» черт, которые берут свое начало в истории афро-

американской диаспоры, связанной как с культурой США, так и с наследием Черного Континента.

Литература

Оля Б. Боги тропической Африки. – М., Наука, 1976.

Abrahams R. D. The Changing Concept of the Negro Hero // The Golden Log / ed. by Boatright C., Hudson W. M., Maxwell A. – Dallas : Southern Methodist University Press, 1962.

Abrahams R. D. Deep Down in the Jungle : Negro Narrative Folklore from the Streets of Philadelphia. – Chicago : Aldine Publishing, 1970.

American Folklore / Ed. by Coffin T. – N. Y. : Voice of America Forum Series, 1980.

Andrews M., Owens P. T. Black Language. – West Los Angeles : Seymour-Smith, 1973.

Bascom W. Ifa Divination : Communication Between Gods and Men in West Africa. – Bloomington : Indiana University Press, 1969.

Botkin B. A. Lay My Burden Down : A Folk History of Slavery. – Chicago : Aldine Publishing, 1944.

Brown R. H. Die, Nigger, Die! – N. Y : Dial Press, 1969.

Dance D. C. Shuckin' and Jivin' : Folklore from Contemporary Black Americans – Bloomington : Indiana University Press, 1978.

Dillard J. L. Lexicon of Black English. – N. Y. : Continuum, 1977.

Du Bois W. E. B. The Souls of Black Folk. – Bantam Books, N. Y. – Toronto – London – Sydney – Auckland, 1989 (orig. printed in 1903).

Farrow S. S. Faith, Fancies and Fetish, or Yoruba Paganism. – London : Society for Promoting Christian Knowledge, 1926.

Foster H. L. Ribbin', Jivin', and Playin' the Dozens : The Unrecognized Dilemma of Inner City Schools. – Cambridge : Ballinger, 1974.

Gates H. L., jr. The Signifying Monkey. The Theory of African-American Literary Criticism. – N. Y., Oxford : Oxford University Press, 1988.

Haskins J., Butts H. F. The Psychology of Black Language. – N. Y. : Barnes & Noble, 1973.

Herskovits M. J. Dahomey, An Ancient West African Kingdom. 2 v. – Evanston : Northwestern University Press, 1967.

Idowu E. B. Olodumare : God in Yoruba Belief. – London : Longman, 1962.

Kochman T. Rappin' and Stylin' Out : Communication in Urban Black America. – Urbana : University of Illinois Press, 1972.

Major C. Juba to Jive. A Dictionary of African American Slang. – N. Y. : Penguin Books, 1994.

Mezzrow M., Wolfe B. Really the Blues. – N. Y. : Random House, 1946.

Pelton R. D. The Trickster in West Africa : A Study of Myth Irony and Sacred Delight. – Los Angeles : University of Carolina Press, 1980.

Roberts H. E. The Third Ear : The Black Glossary. – N. Y., 1996.

Smitherman G. Talkin and Testifyin. The Language of Black America. – Detroit : Wayne State University Press, 2001.

Thompson R. F. Black Gods and Kings : Yoruba Art in UCLA. – Bloomington : Indiana University Press, 1971.

Wentworth H., Flexner S. B. Dictionary of American Slang. – N. Y. : Thomas Y. Crowell, 1975.

© Шустрова Е.В., 2005

Раздел III. Языковое сознание: социокультурный и личностный аспекты

М.В. Заболотнова
Челябинск

К вопросу о гендерных различиях в языке

Гендер, или социокультурный пол человека, – это совокупность социальных ожиданий и норм, ценностей и реакций. Он формируется отдельными чертами личности. В патриархальной гетеросексуальной культуре гендер тесно привязан к биологическим и анатомическим признакам человека и приобретает характер нормативности.

Важную роль в развитии и поддержании гендерной системы играет сознание людей. Конструирование гендерного сознания индивидов происходит посредством распространения и поддержания социальных и культурных стереотипов, норм и предписаний, за нарушение которых общество наказывает людей.

Часто формы языка, употребляемые мужчинами и женщинами, легко различимы. Например, японцы и японки употребляют различные слова для выражения одних и тех же понятий.

Маскулинная форма	Феминная форма	Значение
hara	onaka	желудок
mizu	ohiya	вода
bentoo	obentoo	еда в дорогу
kane	okane	деньги
hasi	ohasi	палочки для еды
umai	oisii	вкусный
kuu	taberu	есть
kutabaru/sinu	nakanaru	умирать

Не случаен тот факт, что все традиционно феминные существительные имеют префикс вежливости *о-*. Это один из тех случаев, которые характеризуют японскую женскую речь как более вежливую, чем мужская японская речь. Впрочем, в речи современных молодых японок проявляется тенденция к игнорированию традиционно специфически женских форм.

Наиболее эффективными при проведении гендерных исследований в языке представляются статистический анализ (отношение коэффициента внутригрупповой корреляции к коэффициенту внегрупповой корреляции) и анализ экспертных оценок.

Правомерно говорить об определенных особенностях речевого стиля мужчин и женщин, который проявляется на двух уровнях, называемых *симптомами первого и второго порядка.* К симптомам первого порядка относятся признаки, обнаруживаемые более четко. Они могут быть замечены непосредственно в период речевого общения: перебивания, длительность речевого периода, категоричность высказывания и связанные с ней предпочтения в выборе типа речевого акта, управление тематикой диалога и т.д. К симптомам второго порядка относятся особенности речи, для выявления которых требуется специальная статистическая процедура: частотность употребления определенных частей речи, частиц, синтаксических конструкций.

В связи с тем, что данные, получаемые в различных исследованиях, весьма противоречивы, можно говорить о совершенствовании исследовательских методик, и о наложении ряда параметров, что и является причиной различного речевого поведения мужчин и женщин. К таким параметрам относятся: возраст, уровень образования, социальный статус, ситуация общения и другие. Следует также обратить внимание на тот факт, что, если авторы, исследующие мужскую и женскую речь, пользуются словами *мужчины* и *женщины,* то приписываемые лицам того или иного пола речевые особенности воспринимаются как природно обусловленные.

Представляются интересными гендерно ориентированные исследования фразеологических единиц русского языка. Большая часть фразеологизмов не различается по полу, она

отражает не номинацию лиц, а номинацию действий *(попасть под руку).* Значительная их часть основана на телесной метафоре (по Лакоффу) – *встать с левой ноги, попасть под руку, сложить голову* и т.п. То есть их внутренняя форма приложима ко всем лицам, независимо от пола. Все люди могут *петь дифирамбы, чесать язык, не выйти рылом.* Часть фразеологизмов относится только к мужчинам: *шут гороховый, рыцарь без страха и упрека, разбойник с большой дороги, мышиный жеребчик.* К этой же группе относятся единицы, приложимые к референтам-мужчинам или женщинам, но имеющие конкретные прообразы: *мафусаиловы года, каинова печать* (библейские), *Демьянова уха, Мамай прошел, Маланьина свадьба* (литературные и исторические); единицы, имеющие только женских референтов: *отдать руку и сердце, подруга жизни, талия в рюмочку.* В эту группу входят также фразеологизмы, которые отсылают к особенностям жизни женщин *разрешиться от бремени, на сносях,* но могут быть, тем не менее, применимы и к мужчинам: *Ты защитился? – Нет, но уже на сносях.* С другой стороны, фразеологизмы, которые по внутренней форме могут быть соотнесены с мужской деятельностью, не исключают и женского референта: *бряцать оружием, бросить перчатку, с открытым забралом.* Существует группа фразеологизмов, где есть парные соответствия: *соломенная вдова – соломенный вдовец, в костюме Адама - в костюме Евы* или *В костюме Адама и Евы.* Выделяется также группа, где внутренняя форма отсылает к женскому референту, но само выражение применимо ко всем лицам: *базарная баба, кисейная барышня, бабушкины сказки,* но: *христова невеста.* В последней группе можно наблюдать в основном отрицательно коннотированные именования женщин, что позволяет говорить о гендерной асимметрии.

Вопрос о преимущественно отрицательной коннотации в номинациях с женскими референтами представляется несколько спорным. Одиночные примеры в этом отношении не показательны. Следует рассматривать большие массивы данных, причем рассматривать не изолированно, а в сопоставлении с мужскими номинациями. Наряду с выражениями *чертова перечница, синий чулок, кисейная*

барышня, старая дева, трепать юбки, базарная баба присутствуют также *подруга/спутница жизни* и ряд нейтральных выражений. Мужские именования также содержат как положительно, так и отрицательно коннотированные единицы: *разбойник с большой дороги, пень березовый, Иван, родства не помнящий, олух царя небесного, шут гороховый, жеребячья порода – сильный пол, малый не промах, мастер золотые руки.*

Количество отрицательно коннотированных единиц больше и в мужской, и в женской группе. Этот факт следует соотносить не с полом референта, а с общей закономерностью фразеологии: отрицательно коннотированных единиц в целом больше по всему фразеологическому полю. Во фразеологической оппозиции "положительное"/"отрицательное" маркирован последний член оппозиции, то есть наличие чего-либо положительного рассматривается как норма и потому упоминается значительно реже.

Кроме того, как уже говорилось, целый ряд единиц одинаково применим как к мужчинам, так и к женщинам: *дубина стоеросовая, шишка на ровном месте, родная кровь.*

К признакам андроцентричности можно отнести употребление отрицательно коннотированных единиц с «женской внутренней формой» для называния мужчин (*базарная баба*) и использование положительно коннотированных единиц с «мужской внутренней формой» (*свой парень*) – по отношению к женщинам. Однако таких употреблений немного.

Гендерная асимметрия проявляется в метафоризации типично мужской деятельности: *бряцать оружием, держать порох сухим.*

При рассмотрении мужского и женского речевого поведения, необходимо отметить, что любая говорящая личность испытывает влияние ряда факторов. Так, Л.В.Кириллина приходит к следующим выводам (подчеркнув, что они являются результатом отдельных, первоначальных наблюдений, требующих дальнейшей разработки): женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, "меняют" роли при акте коммуникации. Мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую

"психологическую глухоту", увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные [Кириллина 1997: 15-20]. В качестве аргументов женщины чаще приводят примеры конкретных случаев из личного опыта или ближайшего окружения. Нередко отмечается так называемая полифония разговора, с одной стороны, и более частое перебивание женщин мужчинами – с другой. При этом перебивания мужчин мужчинами в большей степени мешают коммуникации.

В мужской речи отмечаются также терминологичность, стремление к точности номинаций, более сильное влияние фактора "профессия", большая, по сравнению с женской, тенденция к использованию экспрессивных, особенно стилистически сниженных средств, намеренное огрубление речи. Ненормативную лексику используют в однополых группах и мужчины, и женщины. Однако произносить ее в смешанных группах не принято.

К типичным чертам женской речи авторы относят гиперболизированную экспрессивность (*жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов)* и более частое использование междометий типа *ой!*

Ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин). С другой стороны, это утверждение порою признается однобоким и требующим дополнительных подтверждений опытным путем. В пользу неоднозначности утверждения об ассоциативных полях приводится научная сфера деятельности, где, как показывает опыт, ассоциации женщин близки к ассоциациям мужчин.

Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально-оценочной лексики, а в мужской оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. В речи женщин обнаруживается тенденция к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выраженно используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы.

Нередки случаи, когда те или иные явления, обнаруженные в речи мужчин и женщин, связаны с особенностями их психического склада, характера, профессии, роли в социуме, но не с различием по полу. Были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения [Германова 1996: 105-118]:

- женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам;
- для женщин более типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, например, утверждений в форме вопросов, иллокуции неуверенности при отсутствии самой неуверенности;
- в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;

В целом речевое поведение женщин характеризуется как более "гуманное". Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе пресуппозиции и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и вообще менее компетентны.

Таким образом, важность исследования особенностей языка, его выразительных средств для концепта пола и связанных с ним семантических областей чрезвычайно важна. Вопросы взаимосвязи языка и пола его носителей (как и вообще значимость пола как фактора в процессе социализации личности) обсуждаются давно. При этом бурное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки – в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также поиску новой эпистемы в самой лингвистике.

Принципиально новое внесли в теорию познания те тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм: постструктурализм, деконструктивизм, пост-марксизм и некоторые течения феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходства, но

при этом у них есть общие черты, которые и могут быть определены как постмодернистские [Ильин 1996: 273].

Во-первых, все названные течения отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и закономерности. Их объединяет недоверие к абсолютным или универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам, отход от картезианской логики.

Во-вторых, они ставят под сомнение идею рационального, единого субъекта, которая была основой западной мысли с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать субъект как социально и лингвистически фрагментированный.

В-третьих, будучи приверженными плюрализму, фрагментарности и неопределенности, представители этих течений отвергают положение о социальной целостности, как и понятие причинности.

Все направления постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, видя в том, что мы воспринимаем как реальность, социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. «Мир, – утверждают они, – познаваем только через языковые формы, следовательно, наши представления о нем не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка. Эти представления могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями». Иначе говоря, язык отделен от контактов с внешними обозначениями.

Таким образом доказывается зависимость сознания индивида от стереотипов языка. Предполагается, что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые определяют отношение человека к действительности, его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительно важное значение, а лингвистика становится одной из центральных наук. Если сознание индивида уподоблено тексту, человек как субъект «растворяется в текстах-сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции» [Ильин 1996: 225].

Благодаря воздействию феминизма существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Пол и возраст – те сущностные категории, на которых базируется

экзистенциальный статус личности. Так, согласно идее Ж. Дерриды, система ценностей и взгляд на мир формируются с позиции «европейских белых мужчин». Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектности женщины. Распространению этой идеи способствовала и известная книга С. де Бовуар «Второй пол», а также «Воля к знанию» М. Фуко, задуманная как первый том «Истории сексуальности» и показавшая, как социальное доминирует над биологическим даже в такой «природно обусловленной» сфере, как отношения полов. Вслед за де Бовуар Фуко показал, что уже в древности сексуальная мораль – это мораль мужчин: «мораль продуманная, написанная и преподаваемая мужчинами и к мужчинам обращенная» [Фуко 1996: 294]. Феминисты выдвинули тезис о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархатные, т.е. мужские, ценности.

В зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, изучающее, с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы феминности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой – особенности речевого поведения мужчин и женщин.

Гендерной лингвистике предшествовала феминистская и по сей день продолжающая существовать критика языка, или феминистская лингвистика (ФЛ). Выявленные ФЛ закономерности доказывают наличие в языковой системе «антиженской» асимметрии. Такой вывод интерпретируется с позиций гипотезы лингвистической относительности: язык не только продукт развития общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Исходя из этого, феминистская критика языка настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне продуктивными факторами, например в политическом дискурсе.

Одна из основных особенностей ФЛ состоит в том, что она очень быстро вышла за рамки «чистой» лингвистики.

Выраженная радикальность этого течения в языкознании и желание изменить нормы языка, а по возможности, саму языковую систему, вызвали острую междисциплинарную дискуссию. Возникновение гендерных исследований, а также весьма самостоятельного нового направления – изучения маскулинности – во многом обусловлено именно этой полемикой.

Теперь обратимся к ситуации, которая сложилась в России. По мнению П. Серио, «в лингвистике играет роль то, где развивается та или иная концепция: как история самих концепций, так и системы их противопоставлений другим концепциям не одни и те же повсюду, они зависят от страны или, точнее, от той или иной культурной традиции» [цит. по: Кубрякова 1995: 168]. Этот тезис имеет самое существенное значение для понимания того, как идет становление гендерных исследований в нашей стране. Наше языкознание само находится в процессе осмысления своих задач и перспектив. Оно характеризуется утратой четких критериев и границ. При всем разнообразии ситуаций в современной российской лингвистике выделяются четыре принципиальные общие установки:

- «экспансионизм (размывание границ, расширение пределов, выход в смежные области);
- антропоцентризм (обращенность к проблеме «человек в языке»);
- неофункциональность (рассмотрение языка как деятельности, т.е. изучение его употребления);
- экспланаторность (объяснительность)» [Кубрякова 1995: 204].

Очевидно, что эти факторы соответствуют общемировым тенденциям. Тем не менее, западные лингвисты, особенно представители ФЛ, нередко критикуют русистов за недостаточное внимание к гендерным вопросам или патриархатный подход к их тематизации.

Ряд вопросов, например соотношение категории грамматического рода и экстралингвистической категории «пол», рассматривался в российской лингвистике в рамках других дисциплин, в частности, морфологии, грамматики,

лексикологии, еще до того, как на Западе сформировалась феминистская концепция языка. Многое из того, что требовали феминисты, – изменение в официальном письме форм обращения, реферирование не только к мужчинам, но и к женщинам, и т.п. – по умолчанию присутствовало в русском узусе: тетрадь ученика (-цы), родился (-лась) и т.д. Важно при этом отметить, что феминистский дискурс в российской лингвистике отсутствовал. Подчеркнем, что этот факт не означает отсутствия внимания к феноменам языка, непосредственно или опосредованно связанных с полом. Возможно, корректнее было бы говорить не об отсутствии интереса к проблематике, а об отсутствии соответствующей дискурсивной практики. Выделение пола в качестве специального предмета обсуждения действительно менее свойственно русской научной традиции, нежели западной. Как убедительно показал Фуко, проблематизация пола имеет в западной культуре глубокие корни и предстает как историческая совокупность различных знаний, институций и соответствующих практик, которые устанавливают обязательные для всех правила, границы и пределы. Таким образом, в основе изучения всех проявлений пола лежит исторически своеобразная форма опыта в отношении как конкретной личности, так и научного дискурса. Да и сами понятия «мужественность» и «женственность» при всей их общечеловеческой универсальности имеют определенную национально-культурную специфику. Обнаружение и описание этой специфики - одна из актуальных задач гендерной лингвистики.

Хотя современной лингвистике свойственна экспланаторность, а не дескрипция, начинать надо именно со сбора и описания фактов, так как такая база практически полностью отсутствует. Необходимо и обобщение результатов работ зарубежных исследователей. На сегодняшний день в российской лингвистике есть ряд кратких обзоров, но еще не создан ни один монографический системный обзор. За рубежом разработан ряд продуктивных методик, которые могут быть апробированы на материале русского языка и послужить развитию собственной методической базы. Но, чтобы это

произошло, надо создавать широкие обзорные труды, знакомящие российских лингвистов с результатами и методами зарубежных исследований.

Совершенно необходимо исследование не только речевого поведения мужчин и женщин, но и самой системы русского языка на предмет возможностей, которыми она на каждом из своих уровней располагает для выражения феминности и маскулинности.

Продолжением научных изысканий в области языка могли бы стать сопоставительные исследования на материале двух или нескольких языков с целью выявить, сколь сильны в них гендерные асимметрии. Так, нами планируется исследование на материале русского и японского языков.

Необходимо исследование письменного и устного речевого поведения мужчин и женщин с позиций интеракционизма и теории речевых актов, т.е. целей высказывания, стратегии и тактик речевого поведения. При разработке этого направления изучаются не только различия в вербальном поведении лиц разного пола, но и особенности лиц одного и того же пола (множественность пола). Нужны также исследования гендерной доминантности в общении, т.е. предоставления слова, возможности довести высказывание до конца, частоты перебивания говорящими друг друга и т.д. Такие исследования чрезвычайно важны еще и потому, что в них можно прогнозировать расхождение с уже полученными результатами.

Дело в том, что воспринимаемые до недавнего времени как универсальные принцип кооперации Грайса и принцип вежливости Гофмана и Лича, в соответствии с которыми описывается коммуникация в западной культуре, реализуются у нас несколько иначе. Именно этот факт, возможно, оказывает влияние на гендерные аспекты коммуникации.

Зарубежные исследования показали, что в качестве теоретической базы лингвистической гендерологии оправдывают себя концепции гендеризма (Э.Гофман) и власти (М.Фуко), а также концепция культурной обусловленности полоролевой дифференциации общества (М.Мид). Изучение различных культур показало ошибочность объяснения поведения мужчин и женщин только биологическим полом.

Поведенческие черты, которые проявляют мужчины или женщины в одной культуре, могут считаться неженственными и немужественными в другой.

По мнению Л.В. Кириллиной [Кириллина 1998: 16], во всех культурах соблюдаются различия между полами, и, как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т.е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов. Неравноправный статус полов, в той или иной степени присутствующий в любой постпатриархатной культуре, позволяет и в лингвистическом исследовании опираться на концепцию власти.

Властные отношения и вытекающие из них оценки и определения понятий фиксируются в языке и являются симптомами, анализ которых позволяет установить степень андроцентричности языка. Там, где исследуется коммуникативная интеракция, необходимо применение методик, разработанных социолингвистикой, т.е. методик, основанных на опросе, анкетировании и т.п. большого количества людей. Целый ряд параметров человеческой личности сплавлен так прочно, что трудно на примере малого числа информантов сделать вывод об общих для всех носителей языка закономерностях. В этой связи очень перспективным представляется создание специальных проектов, предполагающих работу группы исследователей и широкий охват материала. Интересные результаты может дать сотрудничество специалистов разного профиля, например лингвистов и юристов.

Кроме того, не только язык опосредует отношение индивида к миру и создает предел познавательной деятельности человека, как это считают постмодернисты, но также и человек воздействует на изменения языка, творчески его развивая. С этой точки зрения перспективно для гендерных исследований изучение кумулятивной функции языка, т.е. фиксации в нем определенных гендерных стереотипов, а также исследование их динамики, отражающей изменения в традиционной полоролевой дифференциации общества. Изучение словообразовательной и

номинативной системы языка позволит установить в ней наличие гендерных асимметрий и – шире – культурных стереотипов феминности и маскулинности.

Литература

Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета: диалог в русской культуре // Сб. научных трудов МГЛУ. – М., 1996.

Кирилина Л.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX-XXI веков. Материалы межд. научн. конф., 23-24 апреля. – Иваново, 1998.

Кириллина Л.В. Категория «gender» в языкознании // Женщина в российском обществе. – М., 1997.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.

©Заболотнова М.В., 2005

В.М.Иванилов
Екатеринбург

Комплексная модель описания ассоциативного поля сновиденческого символа

Снотолкование как особая форма «постижения» сновиденческой реальности сквозь призму человеческого сознания (в том числе и языкового) изучается в ряде исследовательских парадигм: философской, психологической, культурологической, лингвистической и т.д. При всем различии существующих подходов в структурном отношении ***снотолкование*** определяется как двухчастная «клишированная» формула, в составе которой выделяется «знак сна» и его интерпретация (объяснение).

В лингвистических исследованиях «знак сна», представленный в снотолковании, обозначается как «образ» (С.Небжеговска, Е.И.Якушкина и др.) или как «символ»

(Н.И.Толстой, С.М.Толстая и др.). На наш взгляд, подобная «терминологическая» вариативность не является принципиальной, поскольку образность – одно из важнейших свойств символа (А.Ф.Лосев, Н.В.Иванов, В.А.Маслова и др.).

Важно подчеркнуть, что интерпретация сновидений – один из видов прагматически ориентированной деятельности обыденного человеческого сознания, поэтому небезынтересным считаем рассмотрение специфики ассоциативного потенциала толкуемого слова-символа, реализуемого в различных вариантах соотнесения «реальности сна» и «реальности яви». Само понятие ***ассоциативного потенциала слова*** (далее – АПС) в лингвистической науке не имеет однозначного понимания. В нашем исследовании, вслед за Т.А.Гридиной, под АПС понимается «ассоциативная валентность знака, допускающая системное (внеконтекстуальное) и речевое варьирование его плана выражения и плана содержания и различную интерпретацию. Ассоциативная валентность знака предстает в виде всей совокупности его ассоциативных связей» [Гридина 1996: 35]. В этом определении представляется важным, что любой компонент содержания лексического значения (далее – ЛЗ) слова как ядерно-периферийной структуры может становиться основой для различных видов *ассоциирования* (существенен и тот факт, что план выражения ЛЗ может обусловливать характер его *ассоциативного* развертывания).

Целью данной статьи является описание реализованного в структуре снотолкования ассоциативного потенциала слова-символа.

Материалом для анализа стали ***слова-зоонимы***, представленные как в современных, так и в «древних» сонниках (то есть учитывалась письменная традиция снотолкования) [см. Список источников]. Выбор слов данной тематической группы обусловливался следующим: зоонимические номинации обладают широким спектром ассоциативных смыслов в сознании носителей языка, что выражается в переносных значениях слов и в мифологических представлениях социума. Ср.: животные – один из самых распространенных объектов мифологизации и символизации в «народной зоологии» (А.В.Гура). Кроме того, слова-зоонимы являются

универсальным «кодом» для обозначения различных представлений, связанных как с человеком, так и с явлениями и предметами окружающего мира [подробнее см.: Славянская мифология 1995: 217].

Специфика интерпретации сновиденческого символа задается не только жанром снотолкования, но и ассоциативным потенциалом «объясняемого» «знака сна». Большинство интерпретаций в сонниках выстраивается в опоре на традиционную культурную *символику* толкуемых слов, но отражение таких смыслов может быть как типовым, так и ситуативным.

Под *типовым отражением* нами понимается прямая актуализация символических смыслов, которыми обладает слово в культуре и языке. Под *ситуативным* отражением – опосредованная актуализация культурного фона слова, то есть частная конкретизация типовой символики применительно к конкретной ситуации (акцентирование *актуального* (но факультативного) для интерпретации признака и/или действия). Подобная вариативность «объяснений» задается жанром снотолкования и основывается на ассоциативном потенциале слова-символа, обусловливающем различные направления интерпретации. Например, типовое отражение: *видеть лебедя – к верности любимого человека* [БТС 2000, ч.3], ситуативное: *уплывающий лебедь – знак разлуки с любимым* [НСС 2003], *видеть во сне озеро с лебедями – неприятности из-за легкомысленного поведения или неверности возлюбленного* [НСС 2003]. Ср.: лебедь как символ верности (лебединая верность).

С учетом всего сказанного предлагаем ***комплексную модель описания ассоциативного поля сновиденческого слова-символа***.

По сути, «слова», интерпретируемые в сонниках, представлены в прямой и в символической проекциях. Языковая единица, с одной стороны, выполняет номинативную функцию (называет увиденные во сне предметы, явления и т.д. окружающего человека реального мира), с другой стороны, выступает в качестве символа, объединяющего различные планы реальности («реальность» сна и «реальность» яви) в структуре снотолкования. В связи с этим весьма продуктивным

считаем обращение к ***лексическому значению*** слова, определяющему символическую природу снотолкования.

Для того чтобы проследить, как план содержания слова спроецирован на интерпретацию сновидений, ЛЗ нами рассматривается с точки зрения характера его семантической структуры, сложность организации которой заключается в том, что ее компоненты образуют ядерно-периферийные зоны в поле соотносимого с тем или иным знаком содержания [Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, Л.Г.Бабенко, А.В.Бондарко, Т.А.Гридина, Т.В.Матвеев, И.А.Стернин и др.]. Ядро значения составляют предметно-понятийные семы, к ближней периферии относятся оценочно-экспрессивно-эмоциональные семы (коннотативный фон), к дальней периферии – лексический фон[2] слова, включающий разного рода ассоциации.

Обращение к ***предметно-понятийному*** компоненту ЛЗ слова, отраженному в толковых нормативных словарях, обусловливается тем, что в ядре значения закреплена когнитивная пропозиция (некое отфильтрованное знание носителей языка об обозначаемом), которая может быть актуализирована в снотолкованиях. В исследовании используются данные Словаря русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П.Евгеньевой [далее – МАС 1999] и Словаря русского языка С.И.Ожегова / Под ред. Н.Ю.Шведовой [СОШ 1990].

Обращение к *коннотативному компоненту*, зафиксированному как в переносном значении слова, так и в типовых контекстах (как реализации АПС), обусловливается тем, что в нем отражается оценочное мировосприятие сквозь векторы народной ментальности (В.Н.Телия). Коннотативный компонент ЛЗ слова может прямо воспроизводиться в интерпретациях «знака сна» (например, *лиса – хитрый льстец или обманщик* [Полный 1892]) либо опосредованно задавать общую оценочную прагматику толкования. Так, слово-символ,

---

[2] Вслед за Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым, под ***лексическим фоном*** (далее – ЛФ) нами понимаются “непонятийные семантические доли, которые входят в семему (план содержания слова. – Примеч. наше. – И.В.), но не участвуют в опосредованной языковой классифицирующей деятельности человека” [Верещагин, Костомаров 1980: 26].

обладающий положительно-окрашенным эмоционально-оценочным фоном, преимущественно интерпретируется как благоприятный знак (к добру и т.п.), а имеющий отрицательно-окрашенный фон – как неблагоприятный (к худу и т.п.). Например, *жаворонок – символ получения хороших известий* [НСС 2003], *слышать пение жаворонка – к приятным вестям* [БТС 2000, ч.3]. Ср.: *галка* (птица семейства вороновых, с черным оперением) – *к неприятным вестям* [Полный 1892].

В связи с вышесказанным к анализу привлекаются фразеологические контексты и сравнительные обороты, представленные как в толковых нормативных словарях, так и в Толковом словаре живого великорусского языка: в 4-х т. В.И.Даля [Даль 1999], во Фразеологическом словаре А.И.Молоткова [Молотков 1999]. Также используются данные Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи В.В.Химика [Химик 2004].

Специфика языкового материала, представленного в сонниках, диктует необходимость привлечения материалов словарей-символов, в которых отражаются разного рода когнитивные пропозиции, символические «созначения» языковых единиц («культурно» осознанные «реализации» АПС)[3].

Обращение к ***дальней периферии*** *значения* обусловливается тем, что ЛФ, представляя собой варианты актуализации АПС, расширяет зону узуальных коннотаций. В психологическом плане[4] любой компонент значения может получать ядерный или периферийный статус в зависимости от того, как содержание

---

[3] В исследовании используются следующие словари символов: Славянская мифология. Энциклопедический словарь [СМ 1995]; Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И.Толстого [СД 1995]; Копалинский В. Словарь символов [СС 2002]; Энциклопедический словарь символов / Авт.-сост. Н.А.Истомина [ЭСС 2003]; Турскова Т.А. Новый справочник символов и знаков [НССЗ 2003]; Символы. Знаки. Эмблемы / Сост. В.М.Рошаль [СЗЭ 2005]; Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных [РКП 2004].

[4] Психологическая реальность значения (термин В.Ф.Петренко) – отражение содержания слова в сознании конкретных носителей языка.

слова пропускается через призму личностного опыта, «присваивается» конкретным носителем языка (Т.А.Гридина, Ю.Н.Караулов, В.Ф.Петренко). Данная закономерность является немаловажной применительно к объяснению «знаков сна»: периферийные компоненты значения слова-символа могут либо актуализироваться в ситуативном контексте снотолкования, либо становиться основой для формирования собственно «сновиденческой» символики интерпретируемого слова. Например, *бык – к опасности* [Один 1896, Сонник 1908, Мисс Хассэ 1912], *петух – к крику, переполоху* [БТС 2000, ч.1], *гадюка – злость* [Один 1896], [Сны 1904] и др.

Для выявления ассоциативных стереотипов[5] восприятия слова на основе показаний языкового сознания нами используется *Русский* ассоциативный словарь [РАС 2002].

Итак, рассмотрение лексического значения как ядерно-периферийной структуры с точки зрения вариативности реализации АПС, позволяет анализировать снотолкование не только с учетом его языковой природы, но и жанрового своеобразия. В частности, в соннике в качестве символов могут выступать не только культурно маркированные слова, но и номинации (субстантивные, глагольные, атрибутивные), не имеющие символического значения в культуре и в языке. Основу интерпретации таких слов как раз определяет (задает) исключительно их ассоциативный потенциал**.** Ср.: *гриф* (хищная птица) – *опасный враг* [НСС 2003], *зяблик – к спокойной жизни, которая вполне удовлетворит ва*с (ср. прозябать) [НСС 2003], *болонка* (маленькая комнатная собачка с длинной шелковистой шерстью) – *к легкомысленной подруге* (как «видовая» реализация ассоциации: собака – друг) [БТС 2000, ч.1], *горностай* (хищный зверек) – *к опасности для ваших родных* (ср. ассоциативный перенос на основе внутренней формы слова: «стая» как семья) [БТС 2000, ч.1]

---

[5] Вслед за Т.А.Гридиной, под *ассоциативным стереотипом* нами понимается “совокупность формально-содержательных признаков слова, вызывающих его относительно постоянное и адекватное восприятие и употребление (совокупность стандартных, устойчивых, воспроизводимых ассоциативных реакций на слово), отражающих его значимость в системе и характер узуального употребления” [Гридина 1996: 64].

В качестве итога рассмотрения лексического значения слова считаем целесообразным выделение ***ассоциативной доминанты*** *восприятия слова* в сознании носителей языка, значимой для описания ***сновиденческой символики*** толкуемого слова. С учетом ассоциативной доминанты возможно выделение ядерных и периферийных интерпретаций одного и того же слова-символа, как в структуре конкретного толкования, так и различных сонниках.

Таким образом, предлагаемая нами ***модель*** описания ассоциативного поля сновиденческого символа включает в себя следующие компоненты:

1. Анализ ЛЗ слова с учетом его предметно-понятийных компонентов, а также общезначимого оценочного коннотата, представленного в ЛЗ, во фразеологических контекстах и сравнительных оборотах (или выводимого из них)
2. Описание культурной (традиционной) символики слова.
3. Анализ лексического (ассоциативного) фона слова, расширяющего зону узуальной коннотации.
4. Выделение ассоциативных доминант восприятия слова.
5. Описание «сновиденческой» символики толкуемого слова с учетом характера и вариантов реализации ассоциативного потенциала толкуемого слова.

Опишем с использованием предлагаемой нами модели анализа толкования слов-символов *голубь* и *баран,* представленные как в современных, так и в «древних» сонниках [см. Список источников].

ГОЛУБЬ (ГОЛУБКА, ГОЛУБИ)

В различных сборниках снотолкований в качестве символов выступают следующие вербальные корреляты *голубь – голубка* (соотносительная пара по роду), *голубь – голуби* (соотносительная пара по числу). Поскольку в сновиденческой картине мира данные стимулы объединены общими направлениями интерпретации, рассмотрим представленный спектр толкований в анализируемых источниках при описании символа *голубь*.

1. Анализ ЛЗ слова.

Голубь – ‘1. Птица с разнообразной окраской оперения (обычно с серовато-голубой или белой) и большим зобом. 2.

(*Обычно в обращении). Разг.* Ласковое название мужчины' [МАС Т.1]. **Голубка** – '1. Самка голубя. 2. (*Обычно в обращении). Разг.* Ласковое название женщины' [МАС Т.1].

Бытовая пропозиция: голубь и голубка – самец и самка дикой / домашней птицы.

Оценочная пропозиция: 1. Голубь, являясь птицей белого цвета, наделяется положительными коннотациями: святая, чистая, «мирная» птица. Ср.: '*Голубь мира* – изображение белого голубя как символ мира' [МАС Т.1]. 2. На основе представления о голубях как птицах, живущих «парами», в узусе зоонимические номинации наделяются коннотациями нежности, ласки, привязанности и т.д. при их метафорическом употреблении. Так, слово *голубь* используется как форма ласкового обращения к близкому человеку, ласково-снисходительного – к собеседнику [РКП 2004]. Ср.: '*ворковать (как голубки)* – ласково, нежно, тихо говорить с кем-либо (как правило, о влюбленных)'; *голубить* – 'ласкать, нежить, лелеять' [МАС Т.1], '*приголубить* – приласкать' [РКП 2004]. Ср. также разг.: *Живут как голуби* – о людях, живущих душа в душу [ННМД 2005].

2. Описание **культурной символики** слова.

Голубь выступает традиционным символом:

- *мира*[6],
- *любви*[7],
- *получения известий*[8].

---

[6] "Повсеместное почитание голубя как символа мира возникло, по всей видимости, благодаря упоминаниям о нем в Библии. <…> Миротворческий символ – голубь мира (международная эмблема мира) – распространился в XX веке благодаря известной картине художника Пабло Пикассо" [Рошаль 2005].

[7] "Воркующие голубки – символ влюбленных" [РКП 2004]. Голубь и голубка "широко распространены в качестве поэтических образов жениха и невесты в свадебных песнях" [Славянские древности Т.1: 516].

[8] Основу данного символического значения составляет представление о голубе как птице, привязанной к месту гнездования, и поэтому всегда возвращающейся обратно, что позволяет человеку использовать голубей для передачи почты (ср.: почтовый голубь). Большое значение имеет и библейская символика птицы: голубь – "небольшая белая птица, которая принесла Ною во время Потопа оливковую ветвь <…>. Здесь, как и в других мифах, голубь выступает в роли вестника" [Рошаль 2005].

3. Анализ **лексического (ассоциативного) фона слова**, расширяющего зону узуальной коннотации (отраженного в РАС).

‘ГОЛУБЬ: *мира* 108; сизый 77; птица 61; сизокрылый 38; белый 36; *мир* 26; небо 12; серый 10; в небе, *почтовый* 6; голубой, крыша 5; голубка, летит, полет 4; *любовь*, *птица мира* 3; *воркует*, ворона, грязный, домашний, *дружбы*, *красивый*, крылья, летать, *милый*, Пикассо, плакат, улетел, *чистота* 2; бедный, белое-серое, белый в вышине, большой, весна, взлетел, в лоб, *воркование*, *ворковать*, воробей, ворон, высота, глаз, гнездо, голубица, голубое, голубь, горлица, грязь, дикарь, дикий, дух, жареный, жаркое, зеленая ветка, земной, зерно, знаток, Иуда, кино, крыло, летает, лететь, летящий, луб, май, мечта, мещанство, мой, мой попугай, *молодой*, мохнатый, *муж*, мусорка, на крыше, нервный, обыкновенный, окно, олух, орел, павлин, перья, песня, *писем*, полетел, *почта*, *почтарь*, *прекрасный*, противная птица, птичка, пшено, сарай, *свобода*, с голубкой, серебряный, сизарь, сильный, *символ мира*, синий, снежно-белый, соревнования, стол, стоящий, суп, тоже летает, трава, тупой, ты мой, хвост, школа 1; 517+110+3+80’ [РАС 2002 Т.1: 139].

При сопоставлении культурных смыслов и данных ассоциативного словаря, выявляется тот факт, что в сознании носителей языка «восприятие» *голубя как птицы мира* является доминирующим. Ассоциативная реакция *мира* является самой частотной (108). Ассоциации, репрезентирующие этот смысл, представлены во всей структуре ассоциативного поля (в ближней и дальней периферии): *мир* 26, *птица мира* 3, *символ мира* 1, *Пикассо* 1 (фамилия художника, автора картины «Голубь мира»).

Еще одним из значений, актуальных для носителей языка, является символика «получения *известий*», по всей вероятности основанная на отражении пресуппозиции *почтовый голубь* – почтовый 6. Ср. также: *писем* 1, *почта* 1, *почтарь* 1.

Значимой также оказывается и символика «*любви и дружбы*», представленная на периферии ассоциативного поля. Ср.: *любовь* 3, *воркует* 2, *дружбы* 2, *воркование* 1, *ворковать* 1, *муж* 1.

По данным второго тома РАС (От реакции к стимулу) реакция *голубь* была получена на следующие стимулы:

ГОЛУБЬ* ← сизокрылый 67; сизый 50; *почтовый* 7; порхающий 5; *мирный*, перистый, пижон 4; голубой 3; голубиная 2; бумажный, голубь, гордый, дырка, живой, животное, зеленый, знаменами, игла,

красавец, летать, летящий, *мир*, молодой, над головой, налетел, небесный, небо, неделя, несусветный, орел, перо, поймать, *почта*, птица, птичка, свободный, серый, синица, случайно, спесивый, стреляный, теперь, чужой, яйцо 1; 44+181 [РАС Т.2: 160].

В данном ассоциативном поле отражено восприятие голубя как птицы, символизирующей мир и получение вестей.

4. Выделение **ассоциативных доминант** восприятия слова.

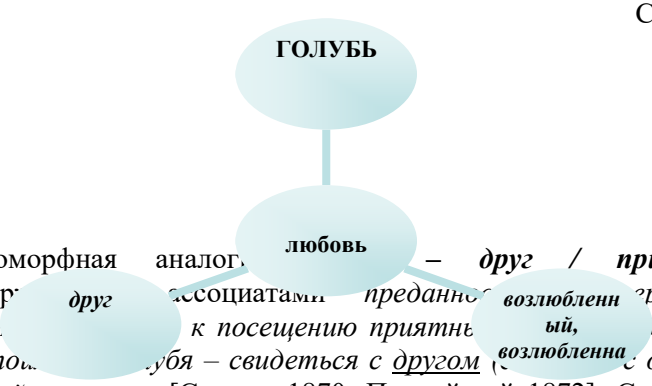
Из вышеизложенного можно вывести доминантные для восприятия слова ассоциации: *миролюбивый*, *мирный*, *нежный*, *ласковый*, *любящий*, *приносящий добрые / благоприятные вести*.

5. Описание **«сновиденческой» символики толкуемого** в сонниках **слова** с учетом характера и вариантов реализации его ассоциативного потенциала.

К ядерным интерпретациям относятся толкования, в которых отражается языковая и/или культурная символика слова-стимула *голубь*. Ядерными, на наш взгляд, являются следующие «объяснения».

Во-первых, в интерпретациях, организованных по типу зооморфной аналогии, слово *голубь* выступает символическим обозначением *друга* и *возлюбленной* / *жены* (ср. обращение *голубь/ голубка* к близкому и/или родному человеку).

Схема 1.



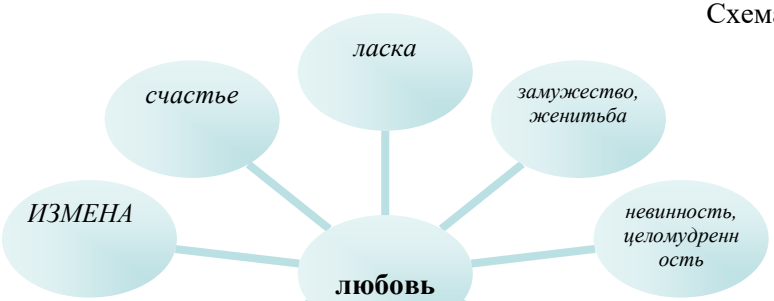
Зооморфная аналог[illegible] – ***друг / приятель*** поддер[illegible] ассоциатами *преданно*[illegible]*рность*. Напри[illegible] *к посещению приятн*[illegible]С 2000, ч.2], *по*[illegible]*убя – свидеться с другом* ([illegible] *с другом) или найти нового* [Сонник 1870, Полнейший 1872]. Ср. также ситуативно мотивированные толкования: *бить голубей – посягать на благополучие друзей* [Полный 1892], *убивать голубя или убитым его видеть – утратить верного друга* [НУС 1998], *к разлуке или смерти близкого друга* [НСС 2003], *знак смерти приятеля* [Новейший 1881], *быть причиною смерти приятеля*

[Полнейший 1872]. Такие «объяснения» выстраиваются на основе ассоциативной связи *убийство – смерть* (потеря).

Зооморфная аналогия ***голубь / голубка – женщина / возлюбленная / жена*** поддерживается ставшим уже традиционным и вошедшим в ЛЗ слова *голубка* ласковым обращением к женщине (см. выше), а также любовно-брачной символикой голубей. Ситуативно мотивированными оказываются интерпретации, созданные на основе противопоставления «дикий – домашний»: *дикие голуби – женщины легкого поведения* [Полнейший 1872], *презренные женщины* [Новейший 1881], *домашние голуби – жены* [Полнейший 1872, Новейший 1881], *честные женщины* [Новейший 1881]. Ср.: “В античности <…> слово «голубка» было эротическим ласкательным именем любимой, так же как и прозвищем продажных девушек” [Истомина 2003].

В системе снотолкований наиболее частотными оказываются «объяснения», выстраиваемые на основе актуализации символического значения «*любовь*». Ситуативный характер представленности ключевого стимула обусловливает различные варианты его интерпретации (см. Схема 2).

Схема 2.



Сопоставим ассоциативную валентность символического значения РАЗЛУКА «вариантами» ее ситуативной взаимности. Так, преданность привязанность символизируют *целующиеся* голуби [Толстой 2003]; *жена* – *семейное счастье – голуб*[illegible] [Сонник 1901], видеть *себя* голубем и[illegible] [По[illegible], *воркующие* *голуби* [НСС 2003] и т.д. *поймать* голубя или голубку [Сонник 1870, Новейший 1881]; *ласку – целующиеся* голуби [НУС 1998, НСС 2003] и т.д.

В сонниках также представлены ситуации, мотивирующие различные направления проекции типовой символики. Так, если адресат снотолкования во сне *выпускает* голубя из рук, то такой сон в самом общем смысле предвещает *разлуку* [Сны 1904], в более частном – разлуку с близким человеком / с милой женщиной / с женой [Снотолкователь 1859, Полнейший 1872, Сонник 1870, Новейший 1881] (актуальным в выражении данного смыла является традиционное употребление зоонима *голубь* по отношению к дорогому и близкому человеку).

Особый интерес в плане рассмотрения интерпретаций, построенных на «эксплуатации» типовой символики, является обращение к ***толкованиям от противного***. Так, в одном из современных сонников зооним *голубь* выступает знаком *измены неверного супруга* / *супруги* [БТС 2000, ч.1].

Во-вторых, типовое отражение культурной символики представлено в обобщенном толковании зоонима *голубь – мир, любовь* [Один 1896, Сонник 1908].

В-третьих, в сновиденческой картине мира (так же, как и в традиционной) стимул *голубь* означает *получение вестей*. «Благоприятный» фон толкуемого слова обусловливает характер предвещаемых «известий». Например, *голуби на крыше – вскоре вы услышите добрые вести* [НУС 1998], *хорошее известие* [НСС 2003] и т.д. Связь символики «голубя» с обозначением близкого человека мотивирует следующие интерпретации: *голубь (для матери) – получение известий от любимого ребенка* [НСС 2003], *летающие над вашим домом, сидящие у окна или на крыше голуби – получение известий от близких людей* [НСС 2003] и т.д.

Периферию интерпретаций в сонниках составляют следующие «объяснения». Так, ряд интерпретаций зоонима *голубь* представляет собой толкования, построенные на основе ассоциативного фона слова-стимула. Эти интерпретации объединены благоприятным характером прогноза: *голубь – покой* [НСС 2003]; *голуби – прибыль* [Снотолкователь 1859, Сны 1904], *голубь – богатство и успех в делах* [НСС 2003]; *голубь – счастье, веселье, успехи в делах* [НСС 2003], *голубь – удовольствие* [НСС 2003], *голуби – удачная жизнь* [Один 1896,

Сны 1904], *кормить голубей – сделаешь доброе дело* [НУС 1998] и т.д.

Неблагоприятный характер прогноза при толковании стимула *голубь* в сонниках обусловливается его ситуативной представленностью. Исходя из того, что голубь в народной культуре является птицей мира, «чистой», «святой», Божьей птицей и противопоставляется хищным, черным, зловещим птицам [Славянская мифология 1995, Славянские древности 1995, РКП 2004], такие ситуации как *смерть голубей, употребление их в пищу и ловля* несут «негативный» суггестивный эффект. Например, *мертвые голуби* – к *несчастью* [БТС 2000, ч.3], *ловить* – к *ссоре* [Полный 1892], к *потерям* [НСС 2003], *есть* – к *скуке* [Новый 1882], *к болезни* [Толкование 1911], *к тревоге в семье* [НУС 1998].

Таким образом, основой интерпретации стимулов *голубь, голубка, голуби* в сонниках является как их традиционная символика, так и ее ассоциативное развертывание и актуализация компонентов АПС. В связи с этим сопоставим характер ассоциативного поля, представленного в РАС, и поля, организуемого системой толкований.

В снотолкованиях отражены выделяемые нами ассоциативные доминанты восприятия зоонима *голубь* в узусе: *миролюбивый, мирный, нежный, ласковый, любящий, приносящий добрые / благоприятные вести*. Однако в плане толкования сновидений в отличие от данных словаря является доминирующим не значение «голубя» как птицы мира, а ситуативное развертывание любовно-брачной символики зоонима на основе фоновых реакций, репрезентирующих ассоциативное поле слова *любовь* (см. Схема 2). Такая закономерность, возможно, обусловливается характером прагматики снотолкования, ориентирующим предсказания на «частную» жизнь человека.

БАРАН (БАРАНЫ)

В рассматриваемых сонниках слова-стимулы *баран – бараны* (соотносительная пара по числу) имеют общую символическую интерпретацию, поэтому проанализируем данные зоонимы на базе описания слова-стимула *баран*.

1. **Анализ ЛЗ** слова.

Баран – ‘1. Самец овцы. 2. Жвачное парнокопытное млекопитающее с изогнутыми рогами, обитающее в основном на высокогорных открытых пространствах’ [МАС Т.1].

Бытовая пропозиция: преимущественно домашнее животное, самец.

Оценочная пропозиция: источником коннотаций, связанных в русской ментальности с образом барана, является народная афористика. Ср.: ‘*Как баран на новые ворота* (*уставиться*, *смотреть* и т. п.) (*прост. пренебр.*) – стать в тупик, столкнувшись с чем-л. новым, неожиданным’ [МАС Т.1], ‘в полном недоумении, не понимая’ [РКП 2004], груб. разг.-сниж. ‘Тупо, растерянно, ничего не понимая (смотреть, уставиться)’ [Химик 2004]. ‘*Не баран начихал* (*в знач. сказ.; прост.*) – не пустяк (пустяки), а нечто значительное, важное, с чем следует считаться, о чем надо подумать’ [МАС Т.1], шутл. разг.-сниж. ‘1. Не так уж мало. 2. О том, что представляется очень значительным, что нельзя недооценивать’ [Химик 2004]. ‘*Стадо баранов* (*прост. пренебр.*) – о неорганизованной толпе, о людях, которые слепо, без рассуждений идут за кем-л.’ [МАС Т.1]. ‘*Согнуть (скрутить) в бараний рог* – полностью подчинить своей воле, заставить быть послушным и безропотным, поставить в зависимое положение’ [РКП 2004].

Во фразеологических контекстах отражается связь зоонима *баран* с народными представлениями о *глупости*, *упрямстве*, *значительности*, *неорганизованности*, *безропотном подчинении* и т.д. Доминирующими характеристиками для восприятия образа *барана* являются признаки: *глупый* и *упрямый*, что отражается в переносном значении зоонима в разговорной речи. Ср.: **Баран** – бран. разг.-сниж. ‘О глупом, тупом, упрямом, консервативном человеке’ [Химик 2004: 37].

2. Описание **культурной символики** слова.

Зооним *баран* наделяется символикой *глупости* и *упрямства*, связанной с особенностями поведения животного. Ср.: “Бытует представление о баране как о животном крайне глупом, покорном, безропотно подчиняющемся судьбе. Но при этом он отличается особым («тупым») упрямством” [РКП 2004].

3. Анализ **лексического (ассоциативного) фона слова**, расширяющего зону узуальной коннотации (отраженного в РАС).

‘БАРАН: *тупой* 31; козел 29; *ворота* 26; *глупый* 24; *упрямый* 22; кудрявый, овца 19; *дурак*, животное, осел 15; *на новые ворота* 14; рога 13; большой, рогатый 10; белый 9; жирный 8; шашлык 7; *бестолковый*, горный, горы 6; черный, шерсть 5; барабан, *безмозглый* 4; жевал траву, кабан, коза, кучерявый, *на ворота, новые ворота*, пасется, с рогами, стадо, стоит, стриженый, толстый 3; баран, бить, ворон, *глупость*, и *ворота*, круторогий, луг, молодой, овечка, полный, преподаватель, рог, сам такой, старый, *тупоголовый*, *тупость*, худой, шерстяной 2; баранина, баранов, бараном, бархан, безрогий, блеял, бодается, бьет, в деревне, вес, в загоне, взрослый, видеть, вкусно, внешне, *ворона*, в поле, встал, Гена, глаза, *глуп*, *глупец*, *глупо*, гора, грубое слово, грязный, длинноволосый, дуб, *дубина*, *дубовый*, есть, есть баран, животный, жующий траву, закрученные лихо рога, заморский, заработок, зверь, зеленый, золотой, золоторунный, Иван, *идиот*, и есть баран, и коза, инструмент, и овцы, и петух, и чурбан, Кавказ, как, *как ... на новые ворота, как на новые ворота*, караван, каракуль, конь, корова, красный, кредо, *крепколобый*, круглое, круглый, крупный, крутолобый, лошадь, лысый, Махачкала, ме-е-е, мелкий, млекопитающее, мутон, мясо, *набитый*, навсегда, на лугу, на рисунке, начальник, на шашлык, небо, необузданный, нерусский, ничего, овен, он, опять, орет, отара, отпущения, о человеке, пасся, пастбище, пастух, пацан, плов, полки, Пол Маккартни, приз, ревет, рога закрученные, руно, сам, сам ты, самый, сдох, село, семья, сосед, союз, стол, стричь, такой, *твердолобый*, Тёмка, трубить, *тупица*, *тупой взгляд*, тупорогий; ты, вот ты кто; *у ворот*, ударник, умный, *у новых ворот*, *уперся как*, упитанный, уран, урод; *уставился, как баран*; ушел в горы, хорошие, чабан, чайник, человек, *человек глупый*, чихнул, чужой, чурбан, шаг, шапка, шуба, это ты, ярочка 1; 542+195+7+141’ [РАС Т.1: 45].

Ассоциации, представленные в РАС, свидетельствуют о том, что восприятие зоонима *баран* как символического обозначения *глупости* является ведущим для носителей языка. Ср.: самая частотная реакция – *тупой* 31. Ср. также реакции, входящие в ближнюю периферию (*глупый* 24, *дурак* 15) и дальнюю периферию (*бестолковый* 6, *безмозглый* 4, *глупость* 2, *тупоголовый* 2, *тупость* 2, *глуп* 1, *глупец* 1, *глупо* 1, *дубина* 1, *дубовый* 1, *идиот* 1, *набитый* 1, *человек глупый* 1, *тупица* 1, *тупой взгляд* 1) ассоциативного поля.

Особый интерес в этом плане представляет реализация фраземы – ‘уставиться как баран на новые ворота’, репрезентирующей вышеотмеченное символическое значение

(ср.: недоумевая, не понимая и т.п.): *ворота* 26, *на новые ворота* 14 , *на ворота* 3 , *новые ворота* 3, и *ворота* 2, *как ... на новые ворота* 1, *как на новые ворота* 1, *у ворот* 1, *у новых ворот* 1, *уставился, как баран* 1.

Данные словаря демонстрируют значимость коннотата *упрямый* для носителей языка при восприятии зоонима баран. Ср.: *упрямый* 22. Ср. также: *твердолобый* 1, *уперся как* 1. Доминантным является и признак *кудрявый* (19), ассоциативно связанный со словом баран.

По данным второго тома РАС (От реакции к стимулу) реакция *баран* была получена на следующие стимулы:

> БАРАН* ← овца 39; *упрямый* 23; *безмозглый* 18; горный 7; *пустоголовый* 5; *кудрявый*, настырный, рогатый, *упрямство* 4; *глупый*, жареный, *кучерявый*, напористый 3; баран, ворота, *дебил*, кабан, козел, настойчивый, паршивый, пегий, совет, стадо, тощий, ***упорный*** 2; абсолютный, барабан, *бестолковый*, благородный, *болван*, бык, вяленый, есть, жирный, жлоб, инвалидный, инициативный, Калашников, колесо, копченый, крупный, крыса, лектор, ленивый, Медведев, молодой, монополия, мясо, надменный, *напролом*, обозвать, однокашник, олух, *осел*, паук, переть, последующий, рога, советский, солдат, спесивый, стреляный, стройный, сытный, терапевт, *тупица*, *тупой*, *тупость*, умник, черный, чувак, шелковый, шерстяной 1; 73+192 [РАС Т.2: 21].

Символические «стимулы», входящие в состав данного ассоциативного поля, также можно обобщить на основе их распределения по трем ведущим коннотативным признакам: *упрямый* (упрямый 23, упрямство 4), *глупый* (безмозглый 18, пустоголовый 5, глупый 3, бестолковый 1, болван 1, дебил 2, тупица 1, тупой 1, тупость 1), *кудрявый* (кудрявый 4, кучерявый 3).

Особый интерес представляет актуализация ассоциата *упорный* (2). Ср. *упорство* как одна из позитивно коннотатированных граней упрямства, связанного с настойчивостью в достижении чего-л.

4. Выделение **ассоциативных доминант** восприятия слова.

Доминантными ассоциациями для восприятия зоонима *баран* являются признаки *глупый*, *упрямый, кудрявый, неорганизованный*, *безропотно подчиняющийся кому-*, *чему-л. и упорный*.

5. Описание **«сновиденческой» символики толкуемого** в сонниках **слова** с учетом характера и вариантов реализации его ассоциативного потенциала.

Ядро интерпретаций в сонниках составляют следующие «объяснения».

Символика «*глупости*» отражена в толкованиях, организованных по типу зооморфной метафоры. Так, в сновиденческой картине мира стимул *баран* означает *глупого* человека (часто *друга*, т.е. *близкого* человека – не исключено, что данная проекция символического значения зоонима выстраивается на основе реализации пресуппозиции: баран – *домашнее* животное, поэтому *близкое* к человеку). Например, *глупый друг* [Один 1896, Сонник 1908], [Мисс Хассэ 1912], *глупость друга, который тебе навредит* [НУС 1998], *друг, который либо не блещет умом, либо вы чрезмерно доверились человеку, который не заслуживает этого* [НСС 2003]. Последнее из приведенных значений «знака сна» обращает на себя внимание двунаправленностью прогноза, представленного в нем: стимул *баран* символизирует как встречу с глупым человеком, так и потенциальную «глупость» со стороны адресата снотолкования. Ср. также: *вам не следует полагаться на мнение других в важных вопросах* (не «сглупите» – примеч. наше. – И.В.) [НСС 2003].

Ситуативное развертывание получает и символика «*упрямства*». С одной стороны, представления о баране как *упрямом* (никому не уступающем в своей «глупости») животном обусловливают актуализацию ассоциатов *брань* и *ссора, раздоры,* а также *оскорбления и обиды* ([Новый 1882, НСС 2003]) и т.д. (см. Схему 3.) Ср. у В.И.Даля: ‘*Две бараньи головы в котел не лезут*, говор. о неуживчивости и ссоре двух глупых людей’ [Даль 1999 Т.1].

Схема 3.

Символика «упрямства» преимущественно поддерживается ситуативной актуализацией зоонима: *брань* и *ссоры* означают главным образом *бодающиеся бараны*. Например, *бодающиеся бараны – брань* [Новый 1882, Сонник 1886, Сонник 1887, НУС 1998]; *раздоры и ссоры дома или на работе* [НСС 2003].

С другой стороны, символика «упрямства» получает благоприятное ситуативное развитие. Ср.: *упрямый* как *упорный* и *последовательный*, что мотивирует актуализацию ассоциата *успех* (признание, удача в достижении чего-н.). Например, *смирный баран – успех* [НУС 1998]. Ср. также: *баран – оскорбительный успех* [Сонник 1886], *бараны – знак чести* [Снотолкователь 1859], *бараны – укрепление в силах* [Новейший 1881]. Ср. также *баранину есть – успех* [Сонник 1886].,

Периферию интерпретаций в сонниках составляют следующие «объяснения».

В снотолкованиях, представляющих собой актуализацию зооморфной аналогии (организованных по типу зооморфной аналогии), при ситуативной конкретизации зооним *баран* выступает символическим обозначением *друга / недоброжелателя.*

Зооморфная аналогия *баран – друг* – частная актуализация ассоциации «домашнее животное – друг» (см. выше). Основой такой проекции является учет ситуации сна (*мирно пасущийся баран, подходить к барану без опасений*) и ассоциативного развертывания сновиденческой символики зоонима. Например, *видеть во сне мирно пасущегося барана, подходить к нему без опасений – у вас будут достаточно влиятельные друзья, которые помогут достичь успехов, занять высокое положение* [НУС 1998]. Возможно, что признак *влиятельный* поддерживается значением фразеологического оборота *согнуть (скрутить) в бараний рог* (т.е. полностью подчинить своей воле, заставить быть послушным и безропотным, поставить в зависимое положение) [РКП 2004].

Если же при указании на ситуацию сна отмечается агрессия животного, тогда зооним *баран* выступает в качестве символического указания на *недоброжелателя* (врага). Ср.: *Угрожающе надвигающийся на вас баран – к опасности со стороны недоброжелателей* [БТС 2000, ч.3]. Ср. также: *баран боднул – опасайся гнева важного человека* [НСС 2003].

Также в виде реализации оппозиции «друг – недоброжелатель (враг)» в сонниках представлена типизированная ситуация «употребления животного в пищу». Например, есть барана (баранину) во сне, с одной стороны, предвещает *потерю друга* [Сонник 1908], *потерю лучшего друга* [Сонник 1901], с другой стороны, *одоление неприятеля, недоброжелателя* [Снотолкователь 1859].

Символическое значение «прибыль, богатство», по всей вероятности, поддерживается традиционными представлениями о том, что «богатство» человека определяется количеством имеющихся у него в хозяйстве домашних животных. Ср.: ситуативную мотивированность данного значения через глаголы (покупать, стричь, есть и т.д.). Так, *покупать барана во сне – к благополучию* [Новый 1890], *покупать баранов – прибыль* [Полный 1892], *стричь баранов – получка неожиданных денег* [Полный 1892], *есть баранину – к довольству* [БТС 2000, ч.1], *в хлеве – к почету и богатству* [НСС 2003] и т.д. Ср. также о взятке: ‘Подсунуть барашка в бумажке’ [Даль Т.1]. В сонниках предлагаются и ситуации, предвещающие убыток. Ср.: *Ловить и не поймать баранов во сне – к неудаче в денежном предприятии* [Полный 1892].

Символические значения «любовь, счастливая семейная жизнь» по всей вероятности выстраиваются на ассоциативном развертывании семы «самец», представленной в ЛЗ слова *баран.* Например, *стадо баранов – означает любовь и исполнение желания* [Полнейший 1872], *блеяние баранов – счастье в семейной жизни и уважение окружающих* [НСС 2003]. Ср. также зооним *баран* символизирует “мужскую силу и сексуальную потенцию” [Рошаль 2005].

При сопоставлении интерпретаций, представленных в исследуемых сонниках с ассоциативным полем слова *баран*, отраженным в РАС, выявляется тот факт, что в плане

толкования сновидений помимо типовой символики «глупости» и «упрямства» актуальными становятся смыслы, не представленные даже на периферии *ассоциативного* поля. Ср.: «богатство», «счастливая семейная жизнь» и т.д. Думается, что данное «явление» задается *[или: обусловливается]* не только ассоциативным потенциалом интерпретируемого зоонима *баран*, но и самой прагматикой жанра снотолкования, направляющей «предсказание» как событийную проекцию, ориентированную на различные варианты обобщенных (типовых) «ситуаций» жизни человека (адресата снотолкования).

Итак, «сновиденческая» символика может быть ориентирована, с одной стороны, на традиционное (типовое) знание о предмете, явлении и т.д.; с другой стороны, может представлять собой как развитие вторичных смыслов на основе типовых пресуппозиций[9], так и формирование новых ассоциативных значений на базе актуализации ассоциативного потенциала толкуемого слова.

Учет ассоциативной природы сновиденческих интерпретаций позволяет рассматривать в виде ассоциативного поля и конкретное толкование (как частную реализацию пары стимул – реакция) и весь спектр значений «объясняемого» в соннике слова. Исходя из этого, толкование любого слова-стимула может быть представлено в виде ассоциативного поля, имеющего ядро и периферию. К ядру относятся интерпретации, построенные на отражении и «эксплуатации», «развертывании» языковой и культурной символики, а к периферии – толкования, базирующиеся на актуализации разного рода ассоциативных смыслов (лексического фона слова).

Вследствие этого предлагаемая нами комплексная модель описания зоонимического символа включает в себя разные аспекты дешифровки символики конкретного зооморфного образа, лежащего в основе снотолкования на основе его лексического значения, культурной символики и ассоциативного потенциала. Таким образом, предлагаемая нами модель анализа, демонстрирует специфику организации снотолкования как сложной ассоциативно-образной структуры, а также является иллюстрацией того, как в процессе

---

[9] То есть подвергаться дальнейшей ассоциативной обработке в системе ценностных ориентиров социума («транслированию», «эксплуатации», «детализации», «ситуативному развертыванию» типового знания).

интерпретации сновидений формируются новые символические смыслы толкуемых в сонниках слов.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.

Гридина Т.А. Языковая игра: Стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). – Минск, 2002.

Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б.Христофорова. Отв. ред. С.Ю.Неклюдов (серия «Традиция, текст, фольклор»). – М., 2002.

Толстой Н.И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М., 2003.

Список сокращений и словарей

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1999.

Истомина – *Энциклопедический* словарь символов / Авт.-сост. Н.А. Истомина. – М., 2003.

МАС – *Словарь* русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999.

РАС – *Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. Т.I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М., 2002.

РАС – *Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. Т.II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М., 2002.

РКП 2004 – *Русское* культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С.Брилева, Н.П.Вольская, Д.Б.Гудков, И.В.Захаренко, В.В.Красных. – М., 2004.

Рошаль – *Символы.* Знаки. Эмблемы / Сост. В.М.Рошаль. – М., 2005.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И.Толстого. – М., 1995. – Т. 1-2.

СОШ – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., 1990.

Химик – *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб, 2004.

Список источников

БТС 2000 – *Степанова Н.И.* Большой толкователь снов. – М., 2000.

Мисс Хассэ 1912 – *Мисс Хассэ*. Сон и сновидение. Научно объясненное толкование снов. – Варшава, 1912.

Новейший 1881 – *Новейшій* сонникъ. – М., 1881.

Новый 1882 – *Новый* толковый сонник, собрание различных снов по опытам столетних моих родственников. Изд. 3-е. – М., 1882.

Новый 1890 – *Новый* толковый сонникъ. Снотолкователь. Самое верное и точное разъясненіе сновъ и необходимыя условія для ихъ исполненія. Таблица, точно определяющая день осуществленія сна. – Киевъ, 1890.

НСС 2003 – *Смурова О.Б.* Новый семейный сонник. – М., 2003.

НУС 1998 – *Новый* универсальный сонник / Л. Зданович. – М., 1998.

Один 1896 – *Одинъ* милліонъ 500, 000 сновъ. Толкованіе сновъ, выбранныхъ изъ сочиненій знаменитыхъ египетскихъ и индійскихъ мудрецовъ и астрономовъ, какъ-то Аполлонія, Альбумазара, Сонціуса, Тихо-Браде, Мартына Задеки, Платона, Птоломея и известной французской сногадательницы госпожи Ленорманъ. М., 1896 // Толкователь снов. Репринт. воспроизведение изд. 1896 г. / [Вступ. ст. Т.Л. Федоровой]. – М., 1989.

Полнейший 1872 – *Полнейшій* сонникъ и истолкователь различныхъ приметъ. – СПб., 1872.

Полный 1892 – *Полный* сонникъ. – М., 1892.

Снотолкователь 1859 – *Снотолкователь* древнихъ и новыхъ астрологовъ, составленный по алфавиту. – М., 1859.

Сны 1904 – *Сны* и их толкование. – СПб., 1904.

Сонник 1870 – *Сонник* или толкование сновидений. – М., 1870.

Сонник 1886 – *Сонникъ*. (Оракулъ). Предсказанія сновъ. Сост. по указаніямъ лучшихъ авторовъ и ученыхъ древней и новой философіи и герметике. – М., 1886.

Сонник 1887 – *Сонникъ*. Самый полный и общедоступный. Собранъ изъ сочиненій древнихъ маговъ, средневековыхъ астрологовъ и позднейшихъ снотолкователей, а именно: Птоломія, Альбомазура, Адія, Тихобраго, Іоганна, Каліостра, Сведенборга, Брюса, Кенигебергера, Мартына Задеки и Ленорманъ. – М., 1887.

Сонник 1901 – *Толкованіе* сновиденій известнаго старца Мартына Задеки. – М., 1901.

Сонник 1908 – *Сонник* или толкователь снов. – М., 1908.

Толкование 1911 – *Толкованіе* сновиденій ста-шестилетняго старца Мартына Задеки. – М., 1911.

© Иванилов В.М., 2005

Т.В. Попова, Е.Г. Степанова
Екатеринбург

Морфодеривационная структура слова как единица русского языкового сознания

Феномен сознания изучался разными учеными: психологами, нейрофизиологами, философами (Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, С.С. Корсаковым, А.Р. Лурией, Б.В. Зейгарник, Л.С. Цветковой, Е.Д. Хомской, В.А. Скоробогатовым, Б.А. Еруновым, Л.В. Мурейко и др.). Все они трактовали сознание как субъективную реальность, зависящую от объективной и отражающую её. Возникновение сознания как специфически человеческого способа отражения действительности неразрывно связано с языком: язык – необходимое условие его возникновения и одновременно одна из форм его существования.

Современная психолингвистика выделяет особый феномен – языковое сознание, определяя последнее как ту «ипостась» сознания, которая связана с речевой [и метаязыковой – *авт.*] деятельностью личности [Красных 2001: 62]. Поэтому любой языковой материал может обрабатываться, с одной стороны, в ходе речевой деятельности обычного говорящего, с другой – в ходе метаязыковой деятельности лингвиста. В первом случае формируется «система функциональных ориентиров и опор» [Залевская 1999: 32], необходимых для успешности процессов производства и понимания речи отдельным человеком, во втором посредством логико-аналитической деятельности создаётся описательная модель языковой системы[10]. Поэтому

[10] Расхождение продуктов такой переработки очевидно из наблюдений над речевым онтогенезом, когда ребёнок, практически владеющий языком, испытывает трудности при изучении родного языка как

понятия «индивидуальная речевая система», или речевая организация индивида, и «языковая система» нетождественны, теоретически несоизмеримы, вследствие чего результаты переработки языкового материала в указанных направлениях совпадают далеко не всегда. А.А. Залевская в данной связи категорически исключает правомерность «прямого механистического перенесения продуктов метаязыковой деятельности лингвиста на описание закономерностей функционирования речевого механизма индивида» [Залевская 1999: 33].

Можно предположить, что представления о морфемной и словообразовательной структурах слова в языковом сознании лингвиста, создающего фрагмент научной модели языковой системы, и в языковом сознании «среднего» носителя языка – феномены близкие, но не совпадающие полностью, что и доказывают некоторые эксперименты и наблюдения. Например, с точки зрения языковой системы в модификационных производных семантической доминантой является корень, в мутационных – аффикс, передающий категориально-лексический компонент значения деривата. Но, по данным современных лингвистов, при восприятии любого слова в центре внимания говорящих находится корень. Ассоциативные эксперименты обнаружили, что при любом типе стимула реакций на корень даётся в несколько раз больше, чем реакций на аффикс. Так, на стимул *учительница* (дериват с суффиксом женскости ***-ниц-***) в эксперименте А.А. Леонтьева получено 50 реакций с корнем ***уч-*** (*ученик* 25, *учитель* 15, *ученики* 10) и 4 реакции с суффиксом ***-ниц-*** (*наставница* 3, *мучительница* 1) [Словарь ассоциативных норм русского языка 1977: 182–183][11].

Эти наблюдения позволяют предположить, что для анализа словообразовательной составляющей языкового сознания человека целесообразно ввести понятие морфодеривационной структуры русского слова (МДС), которое коррелирует с системно-языковыми понятиями морфемной и словообразовательной структур слова, но не тождественно им. Впервые этот термин употребил Н.Д. Голев для комплексной характеристики

учебного предмета.

[11] См. также работы Т.В. Поповой 2004-2005 гг.

языковых единиц: он полагал, что морфемика и словообразование – языковые подсистемы, теснейшим образом связанные между собой. Это же отмечает и Е.А. Земская: словообразование – это сфера, которая, «используя морфемный инвентарь языка, выполняет заказ общества на создание необходимых социуму наименований» [Земская 1995: 154].

Представляется, что термин «***морфодеривационная структура слова***» целесообразно использовать для психолингвистической характеристики процесса порождения русского слова. Попытаемся показать отличие МДС от морфемной и словообразовательной структур слова в ходе анализа неузуальных русских существительных со значением деятеля, полученных в результате словообразовательного эксперимента, проведенного Е.Г. Степановой. Наименования лиц составляют значительную часть словаря любого литературного языка: человек всегда был объектом пристального внимания говорящих. По подсчётам Л.А.Шкатовой, не менее 10% словаря русского языка составляют существительные со значением лица [Шкатова 1986: 37]. Это же подтверждает и Е.А. Земская: «Герой современного словообразования – человек. Значительную часть новообразований составляют имена лиц нарицательные» [Земская 2000: 101].

Исследование МДС, т.е. отражения морфемной и словообразовательной структур русского субстантива в языковом сознании носителей языка, возможно только косвенными методами с использованием лингвистических экспериментов, прежде всего ономасиологических, интерпретациионных, ассоциативных.

Для эксперимента были отобраны 14 стимулов – словообразовательных перифраз «тот, кто…», узуальными ответами на которые являются русские субстантивы со значением лица-деятеля (производителя действия или носителя признака): *очкарик*, *кудряш*, *пловец*, *землекоп*, *барабанщик*, *пастух*, *грибник*, *вертолётчик*, *доярка*, *рыбак* (*рыболов*), *тракторист*, *курильщик*, *моряк*, *лыжник*.

Каждый испытуемый в ходе эксперимента получал задание придумать новые слова со значениями, сформулированными в виде словообразовательных перифраз «тот, кто…» (с опорой на «Словарь русского языка» С.И. Ожегова): 1) тот, кто носит

очки; 2) тот, у кого кудрявые волосы; 3) тот, кто плавает; 4) тот, кто копает землю; 5) тот, кто играет на барабане; 6) тот, кто пасёт скот; 7) тот, кто собирает грибы; 8) тот, кто управляет вертолётом; 9) та, кто доит коров; 10) тот, кто ловит рыбу; 11) тот, кто управляет трактором; 12) тот, кто курит; 13) тот, кто плавает по морю на корабле; 14) тот, кто катается на лыжах.

Словотворчество испытуемых не было ограничено структурными или стилистическими факторами – производное слово могло быть любым: простым и сложным, нейтральным и стилистически окрашенным и т.п.

По результатам эксперимента были составлены деривационные поля субстантивов со значением деятеля, представляющие собой массивы реакций, данных на стимульные словообразовательные перифразы. Мы используем понятие «***деривационное поле***» вслед за В.М. Никитевичем: «В отличие от словообразовательного поля деривационное поле включает в себя не только производные слова – результат словообразования, но и другие способы номинативной деривации» (Никитевич, 1985, с.113). В нашем случае массив реакций был неоднородным: он включал в себя и однословные (*бинокулярщик*), и сверхсловные (*плоховидящий человек*), и непроизводные (*слепой*), и производные (*зрачкун*), и узуальные (*модный*), и неузуальные (*очколиф*) номинации с преобладанием неузуальных дериватов и композитов – поэтому употребление термина «***деривационное поле***» представляется оправданным.

Примером деривационных полей, например на стимул «тот, кто ловит рыбу», могут быть следующие массивы реакций взрослых и детей.

Дети: *Ловильчик 1, ловильщик 2, ловчик 1, рыб 4, рыба 4, рыбакук 1, рыбалак 1, рыбалк 1, рыбалка 1, рыбальник 1, рыбальчик 1, рыбальщик 1, рыбачка 2, рыбачкин 1, рыбачник 3, рыбачок 2, рыбец 4, рыбик 2, рыбина 1, рыбинка 2, рыбист 1, рыбк 2, рыбниг 1, рыбник 11, рыбница 1, рыбной 1, рыбовик 1, рыбовник 5, рыбовчик 1, рыбовщик 1, рыбок 5, рыбол 1, рыбольщик 1, рыбочик 1, рыбочник 1, рыбук 1, рыбульщик 1, рыбуля 1, рыбчик 2, рыбщик 2, рыбыщник 1, рыбящик 1, рыскун 1*. Всего 80 реакций.

Взрослые: *Антирыб 1, выддевальщик 1, вырыба'тель 1, выудильщик 1, гарпунел 1, жабричка 1, заудочник 1, крючок 1, ловец 7, ловила 1, ловилка 1, ловилщик 1, ловильник 1, ловильщик 2, ловильщик (рыбы)* 1, ловитель 3, ловитель (рыб)* 2, ловляк 1, ловник 1, ловунчик 1, ловчак 1, морильщик (червей)* 1, окуневич 1, порыболов 1, порыбун 1, рыбалий 1, рыбалкан 1, рыбалкин 1, рыбаль 1, рыбальник 3, рыбальщик 12, рыбанла 1, рыбарь 3, рыбатель 2, рыбатчик 1, рыбач 1, рыбачник 3, рыбачный 1, рыбачок 1, рыбачущий 1, рыбашник 1, рыбец 1, рыбист 2, рыбищник 1, рыбкин 1, рыблень 1, рыбнак 1, рыбник 43, рыбнюк 1, рыбовик 1, рыбовник 3, рыбовчик 1, рыбочник 2, рыбук 1, рыбулькин 1, рыбун 7, рыбунок 1, рыбушник 1, рыбчак 1, рыбчик 1, рыбщик 6, сетец 1, удак 1, удельщик 1, удец 2, удилка 1, удильчик 1, удильщик 15, удочкин 2, удочник 15, уловщик 1, ухашечник 1, хитрильщик (рыбы)* 1, цепляльщик (рыбы)* 1, червячник* 1[12]. Всего 200 реакций.

В деривационном поле детей можно выделить 2 основных модели номинации: «название лица по объекту действия» и «название лица по действию». Эти модели включают, как минимум, на 2 элемента: объект действия (*рыба*) или действие (*ловить*) и суффикс со значением лица:

1) *–рыб-* + ***Ø*** *4,* ***Ø****(а) 4,* ***-акук 1, -алак 1, -алк 1, -алк(а) 1, -альник 1, -альчик 1, -альщик 1, -ачка 2, -ачкин 1, -ачник 3, -ачок 2, -ец 4, -ик 2, -ина 1, -инка 2, -ист 1, -к 2, -ниг 1, -ник 11, -ниц(а) 1, -ной 1, -овик 1, -овник 5, -овчик 1, -овщик 1, -ок 5, -ол 1, -ольщик 1, -очик 1, -очник 1, -ук 1, -ульщик 1,- уля 1, -чик 2, -щик 2, -ыщник 1, -ящик 1;***

2) *лови-(ть)* **+ -льчик 1, -льщик 2;**

Лов- **+- чик 1.**

В деривационном поле взрослых выделяются более разнообразные модели:

1) название лица по действию:

а) *лови-(ть)* **+ -л(а) 1, -лк(а) 1, -лщик 1, -льник 1, -льщик 3, -тель 5,**

---

[12] Цифра после реакции указывает на количество полученных реакций данного типа.

Лов-(ить)+ ***-ец 7, -ляк 1, -ник 1, -унчик 1, -чак 1, по-+рыб+о+…+ Ø 1,***

Уд-(ить)+ ***-ак 1, -ельщик 1, -ец 2,***

Уди- ***+ лк(а) 1, -льчик 1, -ильщик 15, вы-+…+-льщик 1,***

Мори-(ть) ***.+ -льщик 1,***

хитри-(ть) ***+ -льщик 1,***

цепля-(ть) ***+ -льщик 1;***

выддева-* *+ -тель***

б) *рыбалк(а)* ***-ан*** *1,* ***-ин*** *1;*

2) название лица по объекту действия:

А) *–рыб-* + ***анти-+ +Ø 1, вы-+...+-атель 1, по-+… +-о-+-лов 1, по-+ …+-ун 1, -алий 1, -аль 1, -альник 3, -альщик 12, -анла 1, -арь 3, -атель 2, -атчик 1, -ач 1, - ачник 3, -ачный 1, -ачок 1, ачущий 1, - ашник 1, -ец 1, -ист 2, -ищник 1, -кин 1, -лень 1, -нак 1, -ник 43, -нюк 1, -овик 1, -овник 3, -овчик 1, -очник 2, -ук 1, -улькин 1, -ун 7, -унок 1, -ушник 1, -чак 1, -чик 1, -щик 6;***

Б) *окунь +****евич*** *1,*

В) *жабр-(ы) +* ***-ичк****(а) 1;*

3) название лица по орудию действия:

Гарпун + ***-ел*** *1,*

Крюк + ***-ок*** *1,*

Сеть + ***-ец*** *1,*

удочк-(а) + ***-за- +… + -ник 1, -очкин 1,***

4) название лица по результату действия: *ух-(а) +* ***-ашечник*** *1.*

Анализ компонентов, составляющих деривационные поля, показал, что при корневой морфодериватеме ***-лов-/ -лови-*** дети используют 3 морфа одной морфодериватемы: ***-щик, –льщик, -льчик*** (см. выше), при морфодериватеме ***рыб-*** 43 морфа, объединяющиеся в 19 суффиксальных морфодериватем:

1) ***–ик/-ник:*** *-альник 1, -ачник 3, -ик 2, -ник 11, -овик 1, -овник 5, -овчик 1, -очник 1, -ыщник 1, -ящик 1 = 27 слов;*

2) ***–чик/-щик:*** *-альчик 1, -альщик 1, -льчик 1, -льщик 2, -овчик 1, -овщик 1, -ольщик 1, -очик 1, -ульщик 1, -чик 3,- щик 2, -ящик 1= 15 слов;*

3) ***Ø*** *4,* ***Ø****(а) 4 = 8 слов;*

4) ***–ок:*** *-ок 5, -ачок 2 = 7 слов;*

5) ***–к(а):*** *-алк(а) 1, -ачк(а) 2, -инк(а) 2 = 5 слов;*

6) ***-ец*** *4,*

7) ***Разные (13):*** *-акук 1, -алак 1, -алк 1, -ачкин 1, -ина 1, -ист 1, -к 2, -ниг ,1 –ниц(а) 1, -ной 1, -ол 1,-ук 1,- ул(я) 1 = 14 слов.*

У взрослых корневые морфодериватемы более разнообразны (ср. 17 против 3 «детских»): корневая морфодериватема –***лов- / -лови-*** сочетается с 12 морфами, объединяющимися в 9 морфодериватем (***-л(а), -лк(а), -щик, -ник, -тель, -ец, -ляк, -унчик, -чак, по-+рыб+о+…+ Ø***), морфодериватема ***рыб-*** – с 40 морфами, объединяющимися в 28 суффиксальных морфодериватем:

Лови-: + -л(а) 1, -лк(а) 1, -лщик 1, -льник 1, -льщик 3, -тель 5,

Лов-(ить)+ ***-ец 7, -ляк 1, -ник 1, -унчик 1, -чак 1, по-+рыб+о+…+ Ø 1;***

Рыб-:

1) –ик/-ник:, *-альник 3, -ачник 3, -ашник 1, -ищник 1, -кин 1, -ник 43, -овник 3, -очник 2, -ушник 1= 58 слов,*

2) –чик/-щик: *-альщик 12, -атчик 1, -овчик 1, -чик 1, -щик 6 = 21 слово;*

3) *–**ун** = 7 слов,*

*4) **разные (25):** анти-+ +Ø 1, вы-+...+-атель 1, по-+… +-о-+-лов 1, по-+ …+-ун 1, -алий 1, -алкан 1, -алкин 1, -аль 1, -анла 1, -арь 3, -атель 2, -ач 1, -ачный 1, -ачок 1, ачущий 1, -ец 1, -ист 2, -кин 1, -лень 1, -нак 1, -нюк 1, -ук 1, -улькин 1, -унок 1, -чак 1= 29 слов.*

Анализ этих морфодериватем показал, что морфодеривационная структура суффиксальных субстантивов со значением деятеля в языковом сознании носителей русского языка включает в себя два вида морфодериватем: а) корень (основа)-мотивант: будучи производящей морфодериватемой, он обычно совпадает с корнем (***-лов-, -уд-, -рыб-***) или минимально осложнённой аффиксами основой (***лов-и-, уд-и-***); б) словообразовательный формант, совпадающий в экспериментальном материале с суффиксом или конфиксом. Его можно назвать и суффиксальной финалью, последняя представляет собой простой (базовый) суффикс или его производные с левым расширением, например: ***-чик: -<u>аль</u>чик, -<u>ль</u>чик, -овчик, -<u>о</u>чик; -щик: -<u>аль</u>щик, -<u>ль</u>щик, -<u>ов</u>щик, -<u>оль</u>щик, -<u>уль</u>щик, -<u>я</u>щик.***

В языковом сознании носителей языка одного временного периода варианты аффиксальных морфодериватем более многочисленны, чем у соответствующих аффиксов в языковой системе. Так, в «Русской грамматике» у суффикса ***-щик*** выделяется 3 алломорфа: ***-чик, -щик, -овщик –*** и синонимичный суффикс ***–льщик*** (РГ, т. 1, 1980, §§ 213, 286, 331, 413, 439, 506, 560, 571, 591), в речи детей (по данным проведенного эксперимента) – 12 морфов (***-альчик, -альщик,-льчик, -льщик, -овчик, -овщик, -ольщик, -очик, -ульщик, -чик, -щик, -ящик***), в речи взрослых – 11 (***-альщик, -атчик, -ельщик, -овчик, -овщик, -лщик, -льчик, --льщик, -чик, -уничик, -щик***)[13]; по данным всех деривационных полей (см. табл. 1), в речи взрослых – 51, в речи детей – 56 морфов дериватемы ***–чик / -щик***. Причем, если в языковой системе это именно алломорфы, т.е. морфы одного суффикса, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, то в языковом сознании носителя современного русского языка они являются вариантами одной суффиксальной дериватемы, которые присоединяются к одной и той же производящей основе, обычно без ее дополнительного изменения (дети: *ловильчик – ловильщик, рыбальчик – рыбальщик – рыбовчик – рыбовщик – рыбольщик – рыбочик – рыбульщик – рыбчик – рыбщик – рыбящик;* взрослы: *рыбщик – рыбчик – рыбальщик – рыбатник – рыбовчик* и под.).

Варьирование суффиксов в языковом сознании продуцентов обусловлено в основном присоединением к суффиксу узуальных и окказиональных интерфиксов. Примеры самых продуктивных и одновременно самых вариативных суффиксов-морфодериватем см. Табл. 1.

Таблица 1. **Суффиксы и их варьирование в реакциях детей и взрослых**

Примечание. 1) Суффикс выделен полужирным курсивом, интерфикс – без выделения. 2) Варианты суффикса выделены с учетом всех экспериментальных деривационных полей.

№	Суф-	Взрослые	Дети

[13] Морфы относились к одной морфодериватеме независимо от того, к какой основе – именной или глагольной – они присоединялись, т.к. мотивирующее суждение было одно: «тот, кто ловит рыбу».

п/п	фикс		
1	- ***ик***	-ав***ик***, -ал***ик***, -ар***ик***,-аст***ик***, -ат***ик***, -еват***ик***,-ев***ик***, -л***ик***, -ёр***ик***, - ***ик***,-илт***ик***, -ист***ик***, -ит***ик***, -нев***ик***, -ов***ик***, -ял***ик*** -онар***ик***, -унар***ик***, -ур***ик***, -ус***ик***, -яв***ик***, -янд***ик***, -яр***ик***, -ят***ик***, -яш***ик***	-ар***ик***, -аст***ик***,-ат***ик***, -б***ик***, -в***ик***, -еб***ик***,-ем***ик***, -ёр***ик***, - ***ик***, -ил***ик***, -ист***ик***, -л***ик***, -ов***ик***, -ор***ик***,-ст***ик*** -т***ик***, -уст***ик***, -яст***ик***, -***икокик***,
2	-***ин***	-алк***ин***, -ар***и'н***, -ашк***ин***,-елк***ин***, -ёшк***ин***, -илк***ин***,-илк***ин***(а), -***ин***, -***ин***(а), -к***ин***, -йк***ин***(а), -лк***ин***, -лк***ин***(а), -тушк***ин***, -щ***ин***, -улькин, -ушк***ин***, -шк***ин***, -як***ин***, -ят***ин***(а), -ях***ин***, -яшк***ин***	-ачк***ин***, -***ин***, -***ин***(а), -иск***ин***, -итк***ин***, -к***ин***, -мул***ин***, -нк***ин***, -ч***ин***(а), -яшк***ин***, -яшк***ин***(ая)
3	-***ист***	-ар***ист***, -***ист***, -***ист***(ый), -е***ист***, -елкор***ист***, -ер***ист***, -ецион***ист***, -ил***ист***, -ин***ист***, -ион***ист***, -нейк***ист***, -ник***ист***, -н***ист***, -ов***ист***, -он***ист***,-ор***ист*** -ос***ист***, -с***ист***, -ч***ист*** -уз***ист***, -ун***ист***, -ян***ист***	-ан***ист*** -***ист*** -н***ист*** -т***ист***
4	-***чик***	-ан***чик***, -ат***чик***, -а***чик***, -ен***чик***, -еван***чик***, -ет***чик***, -ил***чик***, -и***чик***,-***инчик***,-иль***чик***,-ист***чик*** -н***чик***, -ов***чик***, -он***чик***, -т***чик*** -ув***чик***, -уль***чик***, -ун***чик***, -ут***чик***, -у***чик***, -***чик***, -чун***чик***, -ыт***чик***, -юн***чик***, -яв***чик***,-ян***чик***, -яр***чик***(а), -я***чик***	-ай***чик***, -аль***чик*** -ан***чик***, -ариль***чик***, -ар***инчик***, -ари***чик*** -ель***чик***, -ёв***чик***, -ил***чик***, -иль***чик***, -и***чик***, -ль***чик***, -***чик***, -ов***чик***,-он***чик***,-о***чик*** -ун***чик***,-ю***чик***
5	-***щик***	-аль***щик***, -ан***щик***, -ар***щик***, -ательщик, -ей***щик***, -елов***щик*** -ель***щик***, -ен***щик***, -е***щик***, -ёв***щик***, -ил***щик***, -иль***щик***, -***инщик***, -ир***щик***, -и***щик***, -ль***щик***, -ничщик, -оваль***щик***, -ов***щик***, -оль***щик***, -он***щик***, -тель***щик***, -уль***щик***, -ун***щик***,	-аль***щик***, -ариль***щик*** -ар***инщик***, -а***щик***, -в***щик***, -ель***щик***, -е***щик***, -ёв***щик***, -ёль***щик***, -ёр***щик***, -ё***щик***, -иль***щик***, -ис***щик***, -и***щик***, -й***щик***, -ль***щик***,

		-у***щик, -щик,*** -ыль***щик,*** -яв***щик,*** -ягаль***щик,*** -яй***щик,*** -яль***щик,*** -яр***щик,*** -я***щик***	-ни***щик,*** -ов***щик,*** -оль***щик,*** -он***щик,*** -о***щик,*** -уль***щик,*** -ун***щик,***-утель***щик*** -у***щик,*** -ыль***щик,*** ***-щик,*** -яль***щик***

Приведенные выше наблюдения обнаружили, что многочисленные речевые варианты одного и того же языкового аффикса (***-ик, -чик/-щик*** и т.п.), присоединяющиеся к одной и той же производящей основе и порождающие семантически эквифинальные производные (см. поля «тот, кто ловит рыбу»), представляют собой в русском языковом сознании функционально тождественные, легко заменяющие друг друга элементы, а их совокупность – аффиксальную морфодериватему той или иной словообразовательно-ономасиологической модели; варианты производящей основы (например *лови-/лов-*) – морфодериватему корневого типа. Таким образом, морфодериватема – это элементарная составляющая морфодеривационной структуры русского субстантива, используемая человеком при порождении нового слова.

Морфемнеодеривационная структура слова, состоящая из морфодериватем, – особая единица русского языкового сознания, отличающаяся и от морфемной, и от словообразовательной структур слова. Морфемная структура слова складывается из составляющих слово морфов (*удильщик*: ***уд-+-и-+-льщик*** AFS); словообразовательная структура – из сочетания производящей основы и словообразовательного форманта (*удильщик*: ***уди-(ть)*** → ***уди-+-льщик***); морфодеривационная структура производного – из морфодериватем, представляющих собой набор их вариантов, существующих в сознании человека как равнозначные образования. Последнее (функциональное тождество составляющих морфодериватему морфов и семантическая эквифиальность дериватов) позволяет предположить, что в языковом сознании носителя русского языка словообразовательные варианты производного слова (*удельщик, удильщик, удильчик*) манифестируют одно и то же слово (*удильщик*) с единой МДС: ***уд-/уди- + -ельщик / -льчик, -льщик.*** В целом МДС имеет полевую структуру с ядром – наиболее частотным

вариантом *удильщик* – и периферией – единичными реакциями *удельщик* и *удильчик*.

Таким образом, морфодериватема – это элементарная, симплексная, а МДС – комплексная единицы порождающего языкового сознания, существование которых пока является научной гипотезой, предположением и носит вероятностный характер. Они требуют дальнейшего серьезного изучения.

Литература

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6.

Земская Е.А. Язык как зеркало современности (словообразовательные заметки) // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова) / РАН. Отделение литературы и языка - М., 1995.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А.Земская. – М., 2000.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М. 2001.

Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985.

Попова Т.В. Семантика русского субстантивного корня (по данным ассоциативного эксперимента) // Лингвистические этюды. Памяти профессора А.И. Моисеева – СПб., 2004.

Попова Т.В. Семантика русского корня в словах-композитах (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник УГТУ-УПИ: Филология. – 2005. – №8. – Екатеринбург, 2005.

Русская грамматика. Т. 1. – М., 1980.

Словарь ассоциативных норм русского языка /Под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977

Шкатова Л.А. Различные степени терминологизации наименований лиц // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986.

©Попова Т.В., 2005
©Степанова Е.Г., 2005

Е.К.Саматова

Мотивированность специального наименования: психолингвистическое исследование показаний языкового сознания

Проблема мотивированности / вероятности специального наименования является одной из актуальных проблем теории термина и соотносится с выяснением его (СН) онтологических, сущностных характеристик. В данном исследовании мы используем традиционное понятие мотивированности как формально - семантической зависимости слова от другого слова. Мотивированность языковой единиц обусловливается апперцептивным характером человеческой психики, т.е. зависимостью восприятия нового знания от уже имеющегося опыта.

Анализ исследований по проблеме мотивированности термина позволяет говорить о том, что данная проблема еще не нашла в терминоведении достаточного освещения. Отчасти это объясняется тем, что недостаточно исследована природа термина как языкового знака. Как справедливо указывает В.А. Татаринов, "в истории терминоведения вопрос, быть ли термину мотивированным, остался неразрешенным и трансформировался в чисто научную проблему - что такое мотивированность термина" [Татаринов. 1996: 206].

Поскольку мы связываем возникновение СН с познавательным процессом и рассматриваем специальную номинацию как средство приращения профессионального знания на основе обыденного, то само познание можно определить как процесс, в котором отражен опосредованный характер постижения нового знания. В данном случае мы

основываемся на утверждении С.С.Гусева о том, что поскольку "любое (в том числе и научное) теоретическое описание предполагает определенных посредников (людей, идеализаций, нормативных образцов и т.д.), которые позволяют включить интересующий исследователя объект в имеющееся знание, то и оно само характеризуется, вопреки обыденному представлению о науке, неполнотой, приближенностью" [Гусев 1978: 32].

Спецификой профессионального языка является его имманентность, т. е. наличие свойств, присущих только языку определенной области. Каждая отрасль специального знания создает в своем развитии свой собственный язык, при этом "свойство имманентности языка в большей степени присуще языкам науки (в том числе и профессиональным - Е.С.), чем обычным естественным языкам" [Налимов, Мульченко 1972: 536]. Следовательно, удовлетворение коммуникативной потребности в какой-либо отрасли знания определенным образом мотивировано своеобразием концептов данной профессиональной сферы, а выбор вербальных средств обусловлен специфическими запросами познания.

Традиционно мотивированность ТЕ интерпретировалась как соотношение характера отражения объекта в сознании человека и семантической структуры базового языкового знака. Проблема мотивированности языкового знака первоначально решалась на материале естественного языка, и поэтому в ходе формирования понятия терминологической мотивированности явно ощущается интерференция результатов исследования мотивированности слова на выводы относительно мотивированности термина, приведшая к постулату о том, что мотивированность есть не обязательное, а лишь факультативное свойство термина. Следует отметить, что значительный вклад в разработку проблемы мотивированности термина был сделан достижениями в области функционального терминоведения. Функциональное рассмотрение данной проблемы основывалось на тезисе о том, что терминообразование происходит в основном на базе естественного языка, поэтому "любой термин лингвистически мотивирован, так как он может быть объяснен значением той лексической единицы естественного языка, на базе которой он существует" [Лейчик, 1994: 11]. Кроме того,

термин является дважды мотивированной единицей, с одной стороны, лексическим значением единицы естественного языка, с другой - концептом в системе научных понятий, отражающей определенную специфическую область знаний или деятельности [Там же].

Следовательно, имея в качестве материальной основы общенародные номинативные единицы, специальное наименование не свободно от их характеристик. Слова естественного языка многозначны, это свойство наследует и термин. Например: ***гон*** - 1. Гнание как действие и как обстоятельство; 2. Полоса, пространство земли; 3. Право рубки или охоты в чужой или общей даче; 4. Место, где речные бобры в старину водились (бобровый гон) и др. [Даль.1: 374-375] Сравните значения специального наименования, развившиеся на базе лексический значений: ***гон*** - 1. Хвост гончей собаки; 2. Преследование зверя гончей собакой; 3.Обложенное охотниками пространство звериной охоты; 4. Устар. Движение загонщиков в окладе с целью выставить зверя на стрелковую линию; ***гребень*** -1. Снаряд с зубьями для различного употребления; 2. Верхняя грань вещи, ребро; 3. Стоячая полоса, прямая или зубчатая; 4. Нарост на голове некоторых птиц и др. [Даль 1: 292- 293]. Сравните терминологические значения: ***гребень*** - 1. Название верхнего дугообразного края шеи, начинающегося на загривке и заканчивающегося на переходе шеи в холку; 2. Элемент шерстного покрова на спине, шее, иногда на плечах, длинный и узкий, образованный волосами, растущими в противоположную сторону по сравнению с окружающей шерстью; 3. Пучок длинных редких волос на голове и шее голой китайской собачки и др.

С другой стороны, выбор той или иной языковой единицы в качестве специального наименования основывается на ее внутренней форме, под которой мы вслед за Е.С. Снитко, понимаем своеобразную проекцию избранного пучка ассоциаций на средства языкового означивания [Снитко. 1990: 24]. Для терминологических единиц весьма существенно, насколько прозрачна их внутренняя форма. О.Г.Винокур писал: " Почему данный предмет назван так, а не иначе, для номенклатурных обозначений более или менее безразлично. В

то время, как для термина, стремящегося обладать осмысленной внутренней формой, это очень важный вопрос" [Винокур.1939: 8]. Отметим, что, выделяя внутреннюю форму в качестве одного из способов концептуализации, мы попадаем в своеобразную переходную зону, где история языковых единиц и их современное состояние более всего сближаются: "Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль" [Потебня 1976: 115].

Вопрос о мотивации специального наименования тесно связан со степенью глубины проникновения в семантику слова в процессе его специализации. Мы склонны думать, что при терминологизации общеупотребительного слова важны, прежде всего, "живые", явно не утраченные связи между словом и образующимся на его основе термином. При этом большую роль играет степень языковой компетентности носителей языка, вообще и носителей специального знания, в частности. Это показало проведенное нами анкетирование с использованием методики свободного ассоциативного эксперимента.

Испытуемыми были собаководы-любители, участники кинологических выставок, т.е. не профессиональные кинологи, но люди, в какой-то степени владеющие специальной лексикой кинологической сферы (156 человек). Им было предложено дать толкование группе терминологических единиц, различных по времени происхождения ("старые" и сравнительно недавно появившиеся), ономасиологическому статусу (метафорического и неметафорического образования) и структурной организации (однословных и составных).

Первая группа слов - термины, бытующие в кинологической лексике с нач. XIX века: ***пустостойство, копотливая гончая, седло, бублик, бульдожина, колодка, бочка, борзоватость, ладная собака, рубашка.***

Определения специальных наименований метафорического образования почти у всех опрошенных в какой-то степени совпадают с дефинициями соответствующих терминов. Например: ***бублик*** - хвост калачиком; хвост кольцом похожий на бублик; закрученный, круглый, скрученный в кружок (сравните спец. значение: *свернутый с забросом на крестец*

хвост собаки, чаще всего лайки - КС); ***бочка*** - широкое туловище, круглая грудная клетка (сравните: *грудная клетка, имеющая округлые очертания, образованная ребрами, начинающими изгибаться уже вблизи места своего причленения* - КС). При толковании этого СН наблюдаются различные ситуативные интерпретации мотивировочного признака: *толстая, ожиревшая собака на коротеньких ножках* (10 человек), (сравните: *Эка бочка!- толстяк, толстуха)* [Даль 1: 121]*; округлые лапы собаки* (7 человек). Сравните СН *бочкообразный постав задних ног* - постав, при котором скакательные суставы собаки вывернуты наружу, а плюсны лап повернуты внутрь. Дефект экстерьера [КС]. Специальное наименование ***колодка*** - "корпус, туловище собаки" - видимо, постепенно утрачивает связь с основным мотивировочным значением "обделанная деревянная вещь брусом, грубо, из одного куска" [Даль 2: 139]. Только три человека объяснили дефиницию термина: *корпус, туловище собаки (собака с изогнутым туловищем).* Большинство испытуемых (97 чел.) связывают терминологическое значение данного слова со значением "кусок дерева, вырезанный в форме ступни, используемый для шитья обуви [СРЯ. 2: 95]: *стопа; лапа, похожая на туфлю; элегантные стопы, как туфли; строение стопы, лапа до колена; нижняя часть стопы, образующая след* и т. п. Восемь человек, скорее всего, соотнесли значение СН со значением "оковы, кандалы, надеваемые узнику для предотвращения побега": *тяжесть в ногах собаки; затвердения на лапах, делающих их менее подвижными; неподвижные лапы* и т.п.

СН ***рубашка*** почти во всех анкетах толкуется как *шерсть*, *шерстный покров, шкура*, что полностью совпадает с терминологическим значением. Видимо в данном случае сохраняется "живая" внутренняя форма, поэтому по ней устанавливаются более достоверные ассоциативные связи (рубашка - одежда человека; шерстный покров - одежда собаки). Кроме того, уточняя свои представления о данном понятии, испытуемые назвали и вероятностные признаки, такие, как *кожа собаки, отвисающая складками* (4 чел.); *окрас шерсти от головы, до середины туловища, включая передние лапы*; *цвет*

шерсти на плечах, спине и груди (3 чел.)*; утепляющая шерсть* (5 чел.).

Интересна интерпретация СН ***седло.*** В кинологической лексике это наименование имеет несколько значений: 1. *Часть линии верха собаки, в основании которой лежат грудные позвонки*; 2. *Впалая, провислая прогнутая спина*; 3. *Отметины, часто черного окраса, в области спины*; 4. *Участок довольно коротких волос на спине собаки*.

В анкетах представлены все эксплицируемые признаки. Сравните: *а) место на спине собаки - у лошади на этом месте седло; б) середина позвоночника; б) прогнутая спина, изгиб позвоночника; какая-то впадина на спине, напоминающая по форме седло; в) окрас в форме седла на спине; г) бритая спина, выщипанная спина.* Видимо, чем прозрачнее внутренняя форма, тем большую роль она приобретает как фактор интегрирования сведений об объекте номинации и тем более яркой оказывается проекция различных мотивировочных признаков на специальное понятие.

Значение специального наименования ***борзоватость*** ("тип сложения животного с характерной для борзой конституцией и экстерьером, легкостью, сухостью форм, с резким переходом от груди к поджарому животу"- КС) также не вызвало особых затруднений при его толковании. Сравните: *худощавость, стройность, поджарость, с втянутым животом и с выгнутой вверх спиной, характерные признаки борзой собаки* и т.п. (101 чел.). Хотя, в некоторых случаях, термин сохраняет связь с этимоном *борзой* ("скорый, проворный прыткий, быстрый, рьяный" - Даль.1: 15): *ловкая, резвящаяся, быстрая*; *способность быстро бегать* и т п. (6 чел.). В единичных случаях, видимо, в связи с незнанием значения СН, в ответах эксплицируется связь с просторечным значением слова *борзой* ("наглый, задиристый" и т.п.). Сравните: *наличие в характере наглости; задиристость* (2 чел.)

При толковании СН ***пустостойство*** ("недостаток легавой, делающей стойку там, где нет птицы, но еще присутствует ее запах" - КС) в ответах эксплицируются значения корневых морфем: *собака, встающая без причины (команды) в стойку; собака стоит впустую, не улавливая запаха зверя* (ср.

пустолайка - "собака, лающая попусту, без нужды" СРЯ. Т. 3. С.754). Кроме того, для уточнения дефиниции ТЕ, называются и вероятностные признаки (137 чел.): *ленивая, глупая собака, не способная к обучение* (20 чел.) Незнание значения вызывало и ложноэтимологические ассоциации (11 чел.). Сравните: *собака не способная к произведению потомства; пустая собака, без щенков* (ср. проф.: *пустовка* - собак, оставшаяся после вязки без щенят [КС]; *пустоцвет* - цветок не дающий плодов - СРЯ.Т.3. С.734).

Несколько провокационной оказалась для испытуемых внутренняя форма СН ***бульдожина*** ("форма прикуса собаки, когда нижняя челюсть длиннее верхней настолько, что передний ряд нижних зубов выступает за верхний" - КС). В толкованиях значения ТЕ эксплицируется, в основном, значение корня (79 чел.): *собака, похожая на бульдога; что-то как у бульдога* и т.п. Видимо, определенную роль сыграла словообразовательная модель существительных женского рода с суффиксом - ИН- , который придает слову в узуальном употреблении несколько негативный оттенок (ср. скотина, собачина, животина и др.). Отсюда и толкования типа: *самка бульдога*, *бульдог женского пола* и т.п.(15 чел.). Лишь в единичных случаях (9 чел.) был воспроизведен истинный мотивировочный признак: *морщинистая морда, выпирает вперед как у пеликана; строение челюстей, как у бульдога; лицо собаки с прикусом как у бульдога* и т.п.

Составное СН ***ладная* собака** ("гармонично сложенная", от устар. *лад* - "то же, что и стать, сложение, экстерьер"- КС) всеми испытуемыми интерпретировалось правильно. Сравните: *красивая, стройная, все на месте, как нужно, холеная гладкая, справная, ухоженная, гармонично сложенная.*

СН *копотливая* гончая ("гончая, медленно разбирающаяся в следах потерянного зверя" - КС), в целом, объясняется верно (95 чел.): *медлительная, ленивая, неповоротливая; медленно идущая по следу; долго ищущая следы зверя* и т. п. (Сравните просторечн.: *копаться* " делать что-то слишком медленно" СРЯ. 2: 129). Двенадцать человек связали значение термина со словом *потеть*. Сравните: *сильно потеющая собака*; *гончая, которая очень потеет во время охоты; сильно вспотевшая от быстрого*

бега гончая и т.п. Четыре человека мотивировали СН словом *копыто.* Сравните: *гончая, охотящаяся за парнокопытными; собака, специализирующаяся по копытному зверю; толстая кожа на подошвах собаки, как копыто* и т.п.

Вторая группа слов - специальные наименования, недавно появившиеся в русской кинологической лексике и использующиеся пока только кинологами - профессионалами, экспертами.

СН ***акулья пасть*** ("укороченная нижняя челюсть") объясняется в анкетах следующим образом: *формирование прикуса, с сильной, мертвой хваткой; круглая овальная страшная клыкастая пасть, пасть со страшными зубами, клыкастая; зубы находятся друг между другом; с большим количеством острых зубов и клыкастым оскалом* и т.п. В данном случае показателен набор вероятностных признаков (ассоциации с образом акулы: острые зубы, сильные челюсти, мертвая хватка, страшный хищный оскал и т.п.), которые, собственно, как и признаки концептуального ядра ("форма смыкания челюстей", "форма прикуса") обусловлены внутренней формой (пасть собаки, по форме напоминающая пасть акулы). В единичных случаях дается достоверное толкование термина: *такое смыкание нижней челюсти с верхней, при котором в сомкнутом состоянии нижняя челюсть заходит под верхнюю, т. е верхняя челюсть длиннее…*

Мотивационные признаки составных СН ***китайские глаза*** ("узкие, темные глаза собаки" - КС) и *остекленевшие гл*аза ("застывшее, пустое выражение глаз") толкуются почти всеми опрошенными правильно. Сравните: *китайские глаза* - узкие с прищуром; удлиненные узкие глаза коричневого цвета, наружный уголок глаза поднят вверх, щелевидные. *Остекленевшие глаза* - неподвижные, мертвые, сильно блестящие, как со слезой, как бы не мигающие, холодные неподвижные, без эмоций, застывшие. (Сравните: *стеклянный взгляд* - неподвижный, безжизненный - СРЯ Т.4.С.356). Вероятностные признаки ("сильно блестящие, со слезой"), видимо, связаны с перен. значением слова *стеклянный* - "похожий на стекло блеском, прозрачностью" (Там же). Аналогичные результаты наблюдаются при интерпретации

специального наименования *лапы-снегоступы* ("специфические лапы арктических пород собак, т.е. овальные, твердые и компактные, с собранными в комок хорошо изогнутыми пальцами, на которых имеются жесткие и толстые подушечки. Перепонки между пальцами сильно развитые, а лапы покрыты густым мехом, даже между пальцами, что обеспечивает их защиту при ходьбе по пересеченной местности с обледенелой поверхностью" - КС). Данное СН (также, как и два предыдущих термина) имеет прозрачную внутреннюю форму, о чем свидетельствуют и толкования, приводимые в анкетах. Например: *широкие, с перепонками, чтобы удобнее ходить по снегу; очень толстые с хорошей шерстью; широкие с мощными крепкими пальцами; очень устойчивые, массивные; когда у собаки на конце лап густая отвисшая шерсть, что дает собаке большую площадь опоры и возможность не проваливаться в снег* и т.п.

Специальное наименование ***крутые плечи*** (указание на то, что угол между лопаткой и плечевой костью больше, чем требуется стандартом, в результате (при осмотре собаки сбоку) линия плечелопаточного сочленения выглядит совершенно прямой, отвесной. Ср. *крутой* -"почти отвесный, обрывистый, противопол. покатый…" СРЯ 2: 184) - новое "приобретение" терминосистемы и является калькой с английского steep in shoulders ("крутой в плечах"). СН еще мало известно широкому кругу носителей специального знания, поэтому интерпретация мотивировочного значения достаточно интересна. Так, почти во всех анкетах (за исключением тех, в которых СН осталось вообще без толкования - 13 чел.) выделяются следующие признаки: *широкие бойцовские, разработанные плечи; хорошо развитые мышцы; накаченная грудь; плечевой пояс сильно развит; округлые, высокие выпирающие плечи; имеющие покатую форму плечи* и т.п. В данном случае имеет место "бытовая", узуальная, обусловленная внешними факторами, интерпретация терминологической единицы. Сравните: *Он такой крутой, грудь широченная, сплошные мышцы, плечи шею закрывают, в общем, качок! Крутой - это новый русский, стриженый, голова плавно переходит в шею, а шея в плечи, и пальцы растопырены".*

Результаты проведенного эксперимента позволяют сделать следующие выводы: во-первых, рефлексия на специальное наименование, безусловно, существует, во-вторых, сведения о реалии, заложенные во внутренней форме слова, составляют мотивационную базу производного термина и актуальны при восприятии, хотя и могут быть недостоверными, "ложными" с научной точки зрения, но это уже другой вопрос. Вместе с тем, если игнорировать существующие факты восприятия той или иной единицы, ориентируясь только на истинно научные данные, добытые этимологами, вряд ли можно остаться на позиции исследования языка в его реальном проявлении и функционировании. Нам близка мысль, высказанная В.Н. Топоровым о том, что в языковедческих исследованиях необходимо реабилитировать "народные" этимологии - "младших братьев" научной этимологии. Слово для носителей языка аккумулирует множество ситуаций, поэтому вполне естественна ориентация "на поиск более глубоких и сокровенных смыслов… Человек… ищет другое, второе (помимо лежащего на поверхности и всем известного) значение слова, которое стоит за первым значением и в конечном счете определяет его… второе значение (носители языка - Е.С.) склонны рассматривать не только как предшествующее или даже исконное, но и как таковое, которое непосредственно выводится из внеязыкового мира (мира вещей) и, следовательно, отражает прямую связь знакового с дознаковым [Топоров 1986: 206] И в этом отношении вряд ли стоит игнорировать наивное, с научной точки зрения, почти единодушное обьяснение, которое дали собаководы словам *бульдожина* и *крутые плечи*. Забвение или незнание истинного значения сопровождается установлением новых ассоциативных связей между объектами действительности, которые могут и укорениться, формируя иные ассоциативные сферы, закрепляя новый "шлейф" за номинативными единицами, т.к "процесс народной этимологизации выявляет и прогнозирует многие изменения слов в языковой системе"[Гридина 1989: 4].

Кроме того, вряд ли стоит абсолютизировать положение о том, что внутренняя форма слов - это "собственно языковой факт", а поэтому, среди прочих подобных фактов, носит вариативный, дополнительный характер к предметно-логическому содержанию знания, составляющего концептуальную картину (модель) мира, универсальную по сути [Брутян 1972: 91-96]. Думается, что отношения между знаниями языковыми и неязыковыми проходят в иной плоскости. Как и другие способы концептуализации, внутренняя форма слова - это механизм, выработанный и постоянно действующий,

позволяющий фиксировать и хранить определенные знания о мире и соответственно воспринимать их. Как отмечал А.А. Потебня [1976: 160], исчезновение или забвение внутренней формы говорит лишь о ее постепенном перемещении в каком-то конкретном слове на периферию в силу разных причин, возникших в период его функционирования, но вовсе не об отсутствии возможности передавать с ее помощью внеязыковое знание, в том числе и предметно-логическое. Так, в преобладающем большинстве ответов содержались характеристики, выведенные исключительно из внутренней формы, разница состоит лишь в том, насколько эти ассоциации соответствуют значению НЕ.

Условные сокращения

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. – СПб., 1996.

КС - Саматова Е.К. «Борзыми ногами спеть по зверю…». Словарь кинологической лексики. – Екатеринбург, 2000.

СН - специальное наименование.

СРЯ – Современный словарь русского литературного языка в 17 т. /Под ред. Чернышева В.И. М.1956-1965.

Литература

Брутян Г.А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии. 1972. № 1.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды НИФЛИ, филологический ф-т. М., 1939. Т. 5.

Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии: Пособие к спецкурсу. Свердловск. 1989.

Гусев С.С. Наука и метафора. Л. 1984.

Лейчик В.М. Обоснование структуры понятия термина как языкового знака понятия // Терминоведение. 1994. № 2.

Налимов В.В., Мульченко З.М. К вопросу о логико-лингвистическом анализе языка науки // Проблемы структурной лингвистики. М. 1972.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев. 1993.

Потебня. А.А. Эстетика и поэтика. М. 1976.

Снитко Е.С. Внутренняя форма номинативных единиц. –Львов, 1990.

Татаринов В.А. Теория терминоведения. Теория термина: история и современное состояние. М., 1996. Т.1.

Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология / Отв. Ред. О.Н.Трубачев. М. 1986: 206.

©Саматова Е.К., 2005

Т.А. Сироткина
Пермь

Этническая составляющая языковой личности в системе этнонимов Пермского края

В настоящее время лингвистика активно интересуется когнитивными аспектами языка. Она направлена на человека, его сознание, деятельность. В связи с этим немалую роль в концептосфере языка играет концепт «этнос» и все его составляющие. По мнению ученых, занимающихся когнитивной лингвистикой, концепт (понятие, погруженное в культуру) имеет имена в языке [Маслова, 2004: 39]. Исходя из этого, концепт «этнос» в языке жителей Прикамья имеет много различных имен: *пермяки, русские, татары, чудь* – это разные слои данного концепта, «осадок» культурно-исторической жизни разных эпох. Изучив не только словарное значение

данных имен, их этимологию, но и ассоциативные связи, коннотацию, мы сможем представить себе локальную картину мира жителей ограниченной территории.

Языковая картина мира жителей определенной территории во многом едина, но, безусловно, имеет «национальную окраску». Так, ядро концепта «этнос» в языке жителей Прикамья, независимо от национальной принадлежности, будет общим. Его составят такие этнонимы, как *башкиры, русские, удмурты, коми-пермяки, татары*. На периферии же данного концепта могут находиться те единицы, которые являются национально-специфическими и образуют более мелкую подсистему в системе именований этносов. Для удмуртов, например, это будут названия родов: северноудмуртского апъя (от данного этнонима образован ойконим Абия в Чердынском районе), южноудмуртского бодъя (ойконим Бодъя в Гаинском и Юрлинском районах).

Языковая картина мира человека, как известно, во многом зависит от специфики национального сознания. В этом отношении на первый план выходит этническая составляющая языковой личности: личности номинатора и личности номинируемого. В каких отношениях могут находиться эти языковые личности?

1. Личность номинатора может противопоставляться личности номинируемого через оппозицию «свой» - «чужой».

Представители определенного этноса всех других считают «не такими». Например, слово *нерусский* имеет значение «не такой, как все, плохой, бестолковый, злой»: «У нас на работе палец отпилили пилой, стали разбирать-то, уш нерусский - так нерусский: так и есть, раззява» (д. Акчим Красновишерского района).

Синонимичным слову нерусский в данном значении являются этнонимы *татарин, вотяк, вогул:* «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» (д. Жуланова Соликамского района); «Ето которой по-русски говорить хорошо не умеет, вот и вотяк»; «У нас, который оденется плохо, ругают: вогул ты» (д. Акчим Красновишерского района).

Точно так же у татар или коми-пермяков этноним *русский* может иметь отрицательную коннотацию: «Татары своенравных и причудливых людей зовут русскими [Мельников 1976: 151];

«Пермяки... очень нечистоплотны. Если попадется обиходная женщина в семью, то «большаки» бывают ею недовольны и ругают ее «обиходкой», «русской» [Камасинский 1905: 19].

2. Личность номинатора и личность номинируемого могут образовывать системы, толерантно существующие в языковом сознании. Об этом свидетельствуют, например, бытующие в народной речи поговорки: «Чуваши - люди наши»; «Хоть зюздяк, хоть вотяк, все люди».

В сознании личности номинатора могут происходить разные процессы, отражающие языковую картину мира, например:

а) расширение этнического пространства «чужого» этноса: «Вогула живут в юртах, а зыряна-то тоже вогула»; «Вотяки они тоже наверно зыряна, наверно, вотяк - и те, и другие» (д. Акчим Красновишерского района);

Не различались в сознании русских коми-пермяки и коми-зыряне. Еще в конце XIX в. историк Н.К. Чупин, исследуя население Пермской губернии, отмечал, что «русские зырян, обитающих в Пермской и Вятской губерниях, называют пермяками» [Чупин 1876: 502].

б) перенесение свойств и качеств «чужого» этноса на представителей своего: «Сосед-то у меня шибко тунгусливой, слова от него не дождешься» (д. Усть-Гаревая Добрянского района);

в) присвоение исключительно положительных качеств отдельной части своего этноса. Так, русских, являющихся коренными уральцами, называют *челдоны* - в противоположность *кацапам* - выходцам из центральной России. Слово *челдон,* функционируя в живой речи Прикамья, имеет значение «настоящий русский». Существуют выражения *челдонская баня* - русская баня, *челдонские щи* - русские щи: «В челдонскую баньку - в русскую значит»; «Шти-те чалдонские беда хороши мне»;

Интересно, что в новгородских говорах слово *чалдон* имеет много других значений: «*Чалдон*. 1. Перен. Голова. У меня голова как худой чалдон, и тут чалдон не соображает. 2. Ленивый человек. Чалдон - это леной, недолукий человек. О какой чалдон! 3. Упрямый, непослушный человек. Вы хоть чалдона воспитывайте, он он чалдоном и будет. *Чалдончик*.

Внебрачный ребенок. Чалдончик - выблядок. Барканчик, что чалдончик» [Новгородский…1995: 12: 37].

г) именование «своих» с оттенком иронии. Бытует в русских говорах Прикамья фразеологизм «обуть в русские лапти» - обмануть, перехитрить»: «Я говорю Наталье: обуёт она Татьяну в русские лапти» [Прокошева 2002: 243].

Известно, что «самоидентификация личности и коллектива для достижения идентичности развивается на основе этничности - объективных явлений, которые присущи только данному сообществу людей: язык, менталитет, материальное и духовное наследие, знания об этногенезе и особенностях этнокультурного развития и др.» [Чагин 2002: 214]. При этом каждый народ знаком не только с этнокультурным развитием своего этнического коллектива, но и с особенностями традиций и культуры соседних этносов. Так, из поколения в поколение у русских передаются сведения о населявших север Прикамья *манси (вогулах)*: «А вот вогульё раньше-то, деды сказывали, дэк оне раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом так его р-раз» (д. Акчим Красновишерского района).

Представители соседних народов имеют и внешние отличия, что, безусловно, отражается в народном сознании: «Личность такая мариец. Глаза узкие. С женой был» (д. Акчим Красновишерского района).

Образы соседних народов, по мнению Д.К. Зеленина, воплощаются в народных сказках. В предисловии к сборнику «Великорусские сказки Пермской губернии» он отмечает: «Один и тот же сказочный образ в разные эпохи народной жизни понимался, конечно, различно; мы не касаемся здесь вопроса о первоначальном возникновении и понимании образов (быть может, мифологических) Бабы-Яги и других подобных; но что современные пермские сказочники из народа склонны отождествлять Бабу-Ягу и царевну-лягушку с соседними остяками или вогулами, а Самого с ноготь - борода с локоть или Харка Харковича с соседними же киргизами и башкирами, - то некоторые намеки на такое понимание я получил от самих же сказочников» [Зеленин 1991: 11].

В.А. Маслова, рассматривая элементы языковой картины мира, пишет, что «принадлежность к конкретной культуре

определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе. Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя «своим и одновременно опознать «своего» [Маслова 2004: 59].

Немногочисленный этнос *коми-язьвинцы*, населяющий север Прикамья, до настоящего времени сохранил свою культуру именно благодаря бережному отношению к своему языку. Противопоставляя свой язык близкому коми-пермяцкому, они без труда отличают «своих»: «Наш язык с коми-пермяками не сходится, слова есть разные. У них ударение другое, какое-то большое, нам его трудно понять»; «У нас заяц нимал, а у коми-пермяков кэч, у нас прялка коба, а у них печкан» [Чагин 2002: 113].

Языковые отличия могут присутствовать внутри одного народа, и тогда происходит деление на этнические группы: «Чердынский уезд занимает очень большое пространство... Заселен уезд пермяками и русскими. Пермяки составляют половину всего населения уезда. По наречию эти пермяки называются «чердынскими» в отличие от пермяков Соликамского уезда, называемых «иньвенскими» [Шапов-Косинский 1909: 1]. И, наоборот, «свои» говорят одинаково: «Вот мы-то люди русские, у нас по Вишере разговор однакой» (д. Акчим Красновишерского района).

Познание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании - это отдельный народ, «как нациё». Слово *кержак*, как и многие этнонимы, имеет переносное значение - «упрямый, замкнутый человек, а также скупой» [Шумилов 1991: 51].

Отсутствие твердой христианской веры получает у русских отрицательную оценку. Недаром жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX - XX вв. Переселились их коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Вычегды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что

подобного населения, к тому же и не посещавшего храмы, не было.

Это неприятие чужой веры христианами и в прошлые века описывают пермские авторы в художественных произведениях: «Что немцы-еретики, что пермяки-язычники одинаково вместо ликов статуям идольским молются» [Иванов 2002: 95].

По мнению Е.Л. Березович, «в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека-исследователя» [Березович 1998: 14]. То же можно сказать и об этнонимической картине мира.

Какая же культурно-историческая информация содержится в системе пермской этнонимии?

Во-первых, информация об этнической истории, к которой относится «истории народа со времени его формирования как этнической общности [Агеева 2000: 421]. Например, уже в самом этнониме *коми-язьвинцы* мы видим ареал формирования этого народа: «Предки коми-язьвинцев в X – XV вв. занимали обширную территорию междуречья Камы, Вишеры, Колвы. Как установили археологи, по реке Язьве они имели селище у д. Егорова и могильник у д. Суянкова (невдалеке от г. Красновишерска)» [Чагин 2002: 3]. Однако коми-язьвинцы – термин научный. Самоназвание данного народа – *пермяки*. Оно отражает связи данного этноса с родственными народами – коми-пермяками и коми-зырянами.

Во-вторых, информация о социальной жизни. Особо ярко она отражается в названиях этносоциальных групп. Например, *тептяри* – отдельный, сословный разряд крестьян. «Список Пермской губернии» за 1969 год выделяет черемис-тептярей (Красноуфимский уезд – 6.174 души) и вотяков-тептярей (Осинский уезд – 393 души), остальных же считает в числе других народностей. Перепись 1897 года насчитывает 5. 295 тептярей, по тем же двум уездам, не упоминая их происхождения.

Наконец, информация о духовной культуре. Сгустками народных представлений об этике, морали, нравственных ценностях являются фразеологизмы, пословицы, поговорки. Они отражают как ироническое, насмешливое отношение к

«чужим», так и толерантность, терпимость к тем, кто живет рядом.

О том, что представление человека в языковой картине мира во многом складывается и из принадлежности его тому или иному народу, говорит то, что этнонимы, наряду с антропонимами, входят в состав формул именования. Приведем примеры таких формул:

- Существительное «люди» + этноним:

«Выбегали де с Москвы… многие *люди литва*» (Словарь пермских памятников, II, с. 34); «Велено переписать и разобрать тех городов пехотного строю всяких чинов *людей русских* и татар и мордву» (Словарь пермских памятников, III, с. 67).

Данную формулу можно отнести к устаревшим, она встречается исключительно в памятниках.

- Местоимение + этноним:

«Собиравшись ходили в тое деревню Истекаеву чая *их башкирок* поимать и пожитки обравши принесть на Кунгур» (Словарь пермских памятников, I, с. 22); «Из улусов своих *они калмыки* жен своих и детей отпустили за реки Яик в дальние места» (Словарь пермских памятников, II, с. 146); «*Эти зыряньё* – они ведь на Печоре больше всё»; «Зимой стыдится *эта зыряночка*, улеглась в сенях спать» (д. Акчим Красновишерского района).

- Прилагательное + этноним:

«Ездили к вишерским вогулам» (Словарь пермских памятников, I, с. 93); «Чуть повыше Усть-Улс, там и есь *форменные вогулы*» (д. Акчим Красновишерского района).

- Слово «как» + этноним (этноним в составе сравнительного оборота):

«Да только с ножки на ножку как вогула скачот» (д. Акчим Красновишерского района); «Живем, как вогулы, ругамся, грешим, переговаривам, вот дождя и нет» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + рифмующийся компонент (в поговорках):

«Вотяки – бурлаки» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + имя:

«Был один *зырян Миколка*» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + имя + фамилия:

«На Ирени юрты: Аккильдея Губаева, Бептея Бахтемирова, *мордвина Толсары Сичемасова*» (Переписная книга Михаила Кайсарова, 1623 // Шишонко, II, с. 254).

- Этноним + название местности:

«*Вогулы с Усть-Улса* такие, как и мы, русские, да вогулы прозвишшо у них, а так – какие они вогулы» (д. Акчим Красновишерского района).

- Этноним + название местности + имя + фамилия:

«Извещая на Уфе в приказной избе ему князю Андрею *башкирятин Сибирские дороги Белекейко Тойгелдин*» (Словарь пермских памятников, I, с. 22).

Как отмечают историки и этнографы, в культуре контактирующих этносов присутствует образ соседнего народа независимо от конкретных личных контактов. Так, участникам одной из экспедиций в Бардымский район «бабушка-татарка с интересом и знанием дела рассказывала, чем русские отличаются от татар, выделяя даже мелкие детали. В дальнейшем выяснилось, что русских она лично никогда не видела и, соответственно, никогда не бывала в русской деревне» [Черных 2001: 35].

Соответственно, и предметы быта, которые характеризуют тот или иной народ, получают этническое определение. Существуют *русская баня, русский сарафан, русский танец*, наряду с ними в сознании русского человека живут свойственные соседям *татарские платки, татарские носки, татарские галоши:* «русские в с. Калиновка Чернушинского района старались никогда не вязать белых шерстяных носков. Белые носки считались татарскими: *в таких носках только татара ходят*» [Черных 2001: 36]. Точно так же для татар женщина, завязавшая платок «на три угла» (а не на два, как у татар), будет названа с упреком *русской.*

Таким образом, этническая составляющая языковой личности - интересная и важная для исследования проблема, особенно если имеешь дело с этнонимическим материалом. Изучение ее дает нам представление о том, какие процессы, отражающие языковую

картину мира, происходят в сознании личности номинатора, а также о том, как в речевых фактах отражается личность номинируемого.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 1998.

Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. М.: Правда, 1991.

Иванов А. Чердынь - княгиня гор. - Пермь, 2002.

Камасинский Я. Пермяки-инородцы // Камасинский Я. Около Камы. М., 1905.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2004.

Мельников П.И. (А Печерский). В лесах // Мельников П.И. Собр. Соч.: в 8-ми т. Т. 4. М., 1976.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.

Чагин Г.Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. - Пермь, 2002.

Черных А.В. Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие // Живая старина. – 2001. - № 2.

Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Вып. 3. – Пермь, 1876.

Шапов-Косинский П. По Чердынскому краю. - СПб., 1909.

Шумилов Е. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки. - Пермь, 1991.

© Сироткина Т.А., 2005

А.П.Чудинов
Екатеринбург

Метафорический образ России в национальном сознании

Национальные стереотипы восприятия родной страны – это важная психолингвистическая проблема, которую в нашем отечестве нередко пытаются перевести в проблему

психиатрическую (вспомним печальную судьбу П.Я.Чаадаева и целого ряда советских диссидентов) и уголовно-правовую (примером может послужить борьба И.В.Сталина с «безродными космополитами»). В последние годы практика политической психиатрии и судов над инакомыслящими вышла из активного употребления, что, несомненно, прибавило смелости ряду политиков и журналистов, стремящихся метафорически осмыслить образ России. Плоды этого осмысления представляют значительный интерес для политической лингвистики и лингвистической политологии.

Специальные исследования показывают, что, в отличие от большинства других народов, для которых характерно восприятие «своего» как хорошего, нормального, а «чужого» – как плохого и аномального, русскому человеку в оценке родины и своего народа присуща самокритичность или заниженная самооценка (И.М. Кобозева 1995, В.Ф. Петренко и др. 2000; О.А.Шаова 2005). По словам Н. Бердяева, «русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость» (Н.А. Бердяев 1990: 15). Эта чрезмерная самокритичность ярко проявляется и в рассматриваемых ниже метафорических характеристиках России.

Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира. Соответственно метафоричность — это естественный путь политического мышления, а вовсе не уклонение от главной дороги к познанию и объяснению мира (Дж. Лакофф, М. Джонсон 1994; Е.С. Кубрякова 1995, 2004 и др.). Система концептуальных метафор, существующая в том или ином политическом дискурсе, – это не зависящее от чьей-либо воли свидетельство состояния национальной ментальности, своего рода «зеркало» политического сознания (А.П.Чудинов 2001).

По справедливому замечанию В.Н. Базылева, «адекватность языка общественной политической мысли, непременно содержащего философские, религиозные и политические инградиенты, обеспечивается не умением «вызнать все до конца», а умением убедить, склонить читателя или слушателя на свою сторону. Почти неразличимые переходы от логических доказательств к аксиоматике всепобеждающей веры – важнейший дифференциальный признак общественной политической мысли» (В.Н. Базылев 2005, с.5). Политическая метафора – одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих прагматический потенциал политической коммуникации. Уже сам факт использования метафоры преобразует рациональное доказательство в суггестивный инструмент, в средство эмоционального воздействия на адресата (А.П. Чудинов 2001). Показательно, что метафорический характер имеет большинство ключевых слов и фраз, определяющих ту или иную парадигму политического мышления. Опытный политик стремится предстать веред избирателями в роли источника ярких политических метафор, образующих смысловой и эмоциональный фон его социальной концепции.

Каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическая конструкция передает только сиюминутное настроение автора. Если же рассматриваемую метафору сопоставить с множеством других, если выделить доминантные для современного политического дискурса метафорические модели, если сравнить системы политических метафор в различных языках, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в метафорической картине политического мира, существующей на данном этапе развития в национальном сознании. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины.

В связи с этим очень значимо социальное признание авторской метафоры, что может проявиться, в частности, в цитировании соответствующего высказывания и в дальнейшем развертывании образа. Ср.: *Мой коллега Юрий Яковлев сказал:*

*«Нас **затоптали**, во всем мире Россию воспринимают как черт знает какую страну, и тут такая радость* (Ж. Алферов).

Когда фразу «Нас затоптали…» произносит «широко известный в узких кругах» физик, то это его частное мнение и индивидуально-авторский образ. Но когда рассматриваемую фразу запоминает и повторяет (а значит, образ показался ему точным и выразительным) нобелевский лауреат и одновременно депутат Государственной думы, когда интервью с этой фразой печатает газета с многомиллионным тиражом, то это уже не частное мнение и отражение личного мировосприятия, а значимый для политического дискурса факт.

Материалом для настоящего исследования стали метафорические определения современной России, предложенные широко известными российскими политиками и журналистами и опубликованные в ведущих российских газетах. Подобные определения весьма значимы для осознания специфики современного этапа развития нашего национального самосознания.

При рассмотрении метафорических высказываний была поставлена задача выделить основные сферы-источники метафорической экспансии и охарактеризовать ведущие смысловые векторы этих высказываний.

1. Метафоры, восходящие в сфере «Мир животных». Подобные метафоры традиционны для русского национального самосознания: родная страна с давних пор представлялась нашим соотечественникам в образах сильного медведя, царственного орла, мчащейся вперед тройки. Однако в последние годы активизировались метафоры с противоположными концептцуальными векторами. Ср.: *Родина вообще, я считаю, **скотина**. Долго играть в безответную любовь я не могу… Да, я не патриот. Я достаточно давно начал играть в эту игру, и вправе устать от нее, вправе перестать себя уговаривать, что дерьмо пахнет благовониями* (А.Невзоров. Московский комсомолец).

*Я придумала теорию хромого верблюда. **Хромой верблюд** – **это Россия**. Америка – сильный верблюд, идущий впереди. Нужно караван повернуть и тогда хромой верблюд станет первым* (И.Хакамада, Комсомольская правда).

Да, все мы, русско-татаро-советские, от веку жили ***по принципу барана – пусть зарежут, лишь бы вели*** (О. Осетинский. Комсомольская правда).

2. Современные политики часто задумываются, где, на каком этапе развития находится родная страна. К сожалению, результаты такого осмысления неутешительны. Ср.:

По-моему, президент тоже подозревает, что порядок в экономике может ее удушить. Путин получил страну, чуть-чуть подвытащенную Ельциным ***из полной задницы****. Чем больше мы берем государственности, тем скорее вернемся обратно!* (А.Невзоров, Аргументы и факты).

Страна напоминает сейчас ***дом, переживающий тяжелое похмелье,*** *дом, в котором пропили, растеряли почти все границы, порты, ресурсы* (Э.А.Панфилова, Комсомольская правда).

Все сегодня спорят, куда должна идти Россия. А я говорю: никуда она не может идти, она – ***в инвалидном кресле*** (Г.Явлинский. Яблоко).

3. Болезнь. Многие современные специалисты отмечают, что родная страна тяжело больна, что она близка к летальному исходу. Ср.:

Российская внешняя политика если и больна, то больна вместе со всей страной. **Диагноз** – **дистрофия**, слабость военных и финансовых ресурсов (Т.Нетреба. Аргументы и факты).

Президент должен брать на себя ответственность и быть во главе демократических процессов, которые должны ***вывести страну из тех тупиков, в которых она находится. Страну надо менять, лечить, иногда прибегая к хирургии, иногда – к медленному врачеванию****, но людям хочется здесь и сейчас поскорее* (М.Розовский. Аргументы и факты).

Наша ***страна тонет****. Одни бросились в реку и пытаются спасти, а другой стоит на берегу в белом фраке с сигарой и говорит: «Неправильно спасаете»* (Б.Немцов. Аргументы и факты).

В конце концов суть реформ может быть только одна: более быстрое, более решительное движение к здравому смыслу, к рынку. Иными словами, более быстрый ***выход из того***

сумасшедшего дома, *в котором мы все пока живем* (Н.Шмелев, Московские новости).

4. Мир криминала. Размышляя о состоянии родной страны, современные политики и журналисты часто ищут аналоги в мире криминала. Ср.:

В России сейчас ГУЛАГ. ГУЛАГ преступности (А.Тулеев. Комсомольская правда).

Наше государство превратилось ***в большую финансовую*** **пирамиду** *(Л.Кощеев, Наша газета, 2000).*

Страна превратилась ***в криминальное государство****, где преступники со всего мира отмывают свои деньги и чувствуют себя безнаказанно* (С.Караганов. Известия).

5. Неодушевленный предмет. Современную Россию нередко сравнивают с тем или иным механизмом, работа которого не вполне устраивает людей. Чаще всего это неисправный автомобиль. Ср.:

Россия превратилась ***в машину без тормозов****. Не ней можно ехать куда-нибудь?* (Андрон Кончаловский. Аргументы и факты).

Россия – это ***не гоночная машина:*** *покатался и вылез. А страну потом трясет как в лихорадке* (В.Черномырдин. Аргументы и факты).

Вместе с тем отечественные политики и журналисты стремятся найти и другие средства для образного представления родной страны. Ср.:

- *Перед выборами вы говорили, что* ***Путин – обруч, который скрепляет распадающуюся бочку.*** *С тех пор эта оценка изменилась?*

Изменилась оценка бочки. Я не уверен, что ее так уж надо скреплять. *Когда говорят о возрождении России, я немножко холодею. Какую именно Россию возрождать? Не было ни одного века, ни одного десятилетия, когда бы* ***Россия не занималась пожиранием своих граждан*** (В.Цепляев. Интервью с А.Невзоровым «Порядок – наш главный враг». Аргументы и факты).

В современном политическом дискурсе для метафорического представления современной России используются и образы из

многих иных сфер-источников. Приведем несколько характерных примеров.

Во всем мире Россию воспринимают, ***как черт знает какую страну*** (Ж.Алферов. Аргументы и факты) // *Я помню, как в июле 1999 года Березовский мне сказал: «Чего волнуешься, за три месяца* ***в этой стране*** *я* ***гориллу выберу президентом****»* (С.Степашин, Аргументы и факты) // *Наша страна* ***рабская по сути****, а рабы в отсутствие хозяина никогда не бунтуют* (В.Новодворская. Комсомольская правда) // *Силовики могут пойти к окончательному созданию* ***банановой республики*** *– когда власть и собственность контролируют несколько кланов, а большинство граждан будут жить в нищете* (Г.Явлинский. Аргументы и факты).

Представленный выше материал показывает, что рассматриваемый тип метафорических определений характерен для дискурса как левых, так и правых политических лидеров, но наиболее охотно подобные образы используют политические эстремисты. Особенно многообразны сферы-источники метафор в политическом дискурсе лидера российских либеральных демократов. В.В.Жириновский постоянно находится в поиске наиболее точного образа родной страны. Ср.:

С 1917 по 1997 - восемьдесят лет служим наглядным пособием, ***грушей для бокса****, а в последнее время еще и* ***белым клоуном на арене мирового цирка****. Кувалдой по голове! Ха-ха-ха-ха!.. Ну да конец издевательству не за горами.*

Россия – как ***кролик*** *на столе у студента хирурга… Это что? А это что? Умер? Какая жалость, учтем ошибки…*

Россия – как ***собака Павлова****: сделаем здесь дырку, чтобы слюнки не текли…* (В.Жириновский. Соколы Жириновского).

Вполне закономерно, что наши современники много размышляют о будущем России, о путях возрождения родной страны, однако к некоторым из предлагаемых «рецептов» следует относиться максимально осторожно. Ср.:

Государство не создано для того, чтобы заботиться о народе. Это большая иллюзия. Государство создано для того, чтобы помешать человеку стать животным. Государство ограничивает жадность человека, его инстинкты. Человека

можно поднять с колен только пинком под зад (Андрон Кончаловский. Аргументы и факты).

Рассмотренные концептуальные метафоры ярко отражают естественную для каждого подлинного патриота боль за состояние родной страны. Эти метафоры свидетельствуют о желании привлечь внимание к наиболее жгучим проблемам, о стремлении к переменам в политической жизни. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что подобные метафоры отражают не реальное положение дел в России, а его отражение в политическом дискурсе. Как известно, реальность и ее осознание в социальной ментальности далеко не всегда соответствуют друг другу, и в данном случае зеркало политической метафоры многократно увеличивает все реально существующие проблемы (как приуменьшали их средства массовой информации в период застоя). Конечно, социальная ситуация в современной России очень сложна, но Бисмарк был прав, когда говорил, что Россия никогда не бывает такой могущественной и такой слабой, как это может показаться. Мы верим, что наша страна преодолеет все трудности и еще много раз подтвердит свой статус великой державы. Наш народ, по меньшей мере, не глупее и не ленивее многих других народов, добившихся процветания и уважения в современном мире.

Политический язык новой России еще только создается, пока далеко не все в нем отвечает реальным потребностям общества. Нет сомнений в том, что уже в ближайшем будущем будут созданы необходимые средства для взвешенного описания социальной реальности, что политические гиперболы окончательно выйдут из моды. Все более заметны признаки того, что общественное сознание уже устало от однообразных образов милитарной, криминальной, бестиальной и морбиальной сфер и ждет совершенно новых концептуальных метафор. Это позволяет надеяться на то, что новый российский политический дискурс будет отличаться актуализацией совсем других метафорических моделей и лингвисты нового поколения отметят как свойство русской ментальности такие образы, как "Россия – мать", "Россия - цветущий – сад", "Россия – Дом торжества закона и справедливости", "Россия – летящая птица или мчащаяся вперед тройка". В новой метафоре будет меньше

образов, проникнутых концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, неискренности и двоемыслия.

Метафора способна быть мощным средством переконцептуализации общественного сознания, то есть изменения системы базисных представлений народа о себе, о своей стране и своей роли в ее развитии. Поэтому с изменением системы концептуальных метафор наши граждане перестанут ощущать себя пешками, винтиками, лохами, солдатами, подопытными кроликами, актерами, пассажирами тонущего корабля или захваченного террористами самолета. Это будут метафоры общества, уверенного в себе, развивающегося и вместе с тем не забывающего о фундаментальных национальных ценностях и приоритетах.

Литература

Базылев В.Н. Национальная идентичность: фрагмент русской общественно-политической мысли // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. Выпуск 16. Екатеринбург, 2005.

Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. - М., 1990.

Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – М., 1995. - № 3.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004 - № 1.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Петренко В. Ф., Митина О. В., Бердиков К. В., Кравцова А. Р., Осипова В. С. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. – М., 2000.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале // Русская речь. 2001. №№ 1, 3, 4; 2002. №№ 1, 2, 3; 2003, №№№ 1,3,4; 2004, № 4.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). - Екатеринбург, 2001.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет). Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

©Чудинов А.П., 2005

Д. Р. Шарафутдинов
Екатеринбург

Деривационно-синтетическое обеспечение продуктивной речевой деятельности: постановка проблемы

На современном этапе развития лингвистики принято разграничивать грамматические описания двух типов: с одной стороны, грамматики языковой системы, описывающие грамматический компонент языка как уровневого системно-структурного образования (классификационные грамматики), а с другой стороны, грамматики речевой деятельности, обеспечивающие активные и пассивные речевые действия (продуктивная и рецептивная грамматики соответственно) (см., например: [Белошапкова, Милославский 1988; Волков 1988; Милославский 2002; Норман 1978, 1994; Плотникова 1988]).

В настоящее время русистика не располагает полными системными описаниями грамматики русского языка, ориентированными на речевую деятельность. Существующие классификационно-грамматические описания, подчас весьма подробные, глубокие и тонкие, ориентированы на решение преимущественно теоретико-лингвистических или некоторых лингвометодических задач. Подобного рода исчерпывающие и последовательные грамматические описания, которые обеспечивали бы решение проблем, возникающих не только перед учеными в ходе соответствующих теоретических исследований или учащимися в рамках учебного процесса, но и перед участниками практической коммуникации — продуцентом и реципиентом речи — в условиях реального коммуникативного акта, в науке о русском языке пока не созданы.

Вместе с тем, отсутствие полноценных завершенных грамматик речевой деятельности совершенно не означает отсутствия “деятельностно-грамматического” подхода в русском языкознании. Так, в последние десятилетия в русистике

значительное, хотя и пока явно недостаточное, развитие получило нетривиальное для отечественной лингвистической традиции направление грамматических исследований, опирающихся на идею построения грамматики современного русского языка на содержательном основании, описания грамматической системы языка по принципу “от значения к форме”. Это направление в русском языкознании имеет различные названия, указывающие на те или иные аспекты грамматических исследований: “конструктивная грамматика”, “активная грамматика”, “идеографическая грамматика”, “продуктивная грамматика”. Первый вариант названия подчеркивает задачи конструирования, “создания (точнее, извлечения из океана языковых знаков) языковой единицы, обладающей набором точно заданных свойств” [Белошапкова, Милославский 1988: 7]; второй вариант — принципиальную ориентированность грамматического описания на активные виды речевой деятельности — говорение и письмо (в противоположность грамматике для пассивных видов — аудирования и чтения); третий — двустороннюю природу (асимметричный дуализм) языковых знаков, а также связь грамматики и лексики; четвертый — направленность грамматики на продукцию (производство, порождение, синтезирование) одних языковых единиц от других (в противоположность грамматике рецепции, восприятия единиц) (подробнее о соотношении понятий, стоящих за рассматриваемой терминологией, см. [Белошапкова, Милославский 1988: 7-10; Милославский 2002]). Все эти варианты номинации так или иначе отражают приоритеты и содержательную специфику грамматики, реализующей ономасиологический подход к изучению языковых единиц и явлений, обеспечивающей переход от имеющейся в сознании субъекта активной речевой деятельности (адресанта, производителя речи) идеи, мысли, семантической структуры к ее максимально точному и адекватному коммуникативной ситуации выражению средствами русского языка. Речь идет о грамматике, принципиально ориентированной, во-первых, не на классификацию языковых фактов, а на речевую деятельность, и, во-вторых, не на любую, а лишь на продуктивную речевую

деятельность — обеспечивающую продукцию слова, словосочетания, предложения и текста. Таким образом, основная цель этой грамматики — не только не “классификация имеющегося”, но и даже не “интерпретация уже представленного предложения и текста”, а исключительно “порождение нового с заданной семантической модификацией”, “создание своего собственного предложения и текста” [Милославский 2002: 28, 96].

Обсуждаемое продуктивно-грамматическое направление в русском языкознании как таковое окончательно оформилось в восьмидесятые годы двадцатого века в работах И. Г. Милославского, В. А. Белошапковой, Б. Ю. Нормана, В. В. Волкова, Т. В. Шмелевой и других исследователей, хотя следует заметить, что и сама идея создания продуктивной грамматики русского языка, и частные, фрагментарные грамматические описания “от значения” существовали и раньше, в рамках традиционной “классификационно-грамматической” парадигмы. Мысль о необходимости построения полноценной продуктивной грамматики особенно активно высказывалась учеными и педагогами в связи с решением теоретических и практических задач преподавания русского языка иноговорящим учащимся и автоматической обработки русских текстов.

Идеографический, ономасиологический подход к изучению и описанию языковых знаков уже длительное время весьма успешно применяется в русской лексикологии и лексикографии, наукой накоплен серьезный опыт составления идеографических словарей. Эти факты создают дополнительный стимул для идеографических исследований в области грамматики, не имеющих столь давней традиции, но не менее важных — ведущих в конечном счете к созданию идеографической грамматики как полного системного ономасиологического описания (моделирования) грамматического строя современного русского языка. В настоящее время многие российские лингвисты, в первую очередь И. Г. Милославский и представители его научной школы, рассматривают создание активной грамматики русского языка в качестве “важнейшей научной и общественной задачи современной русистики”:

“Отсутствие грамматики русского языка для продуктивных речевых действий — серьезный пробел в отечественной науке и, более того, в культуре” [Милославский 2002: 96, 100]. Особенно значим продуктивно-грамматический подход для тех сфер прикладной русистики, где ценится использование возможно меньшего количества исходных единиц и правил оперирования этими единицами — прежде всего в преподавании русского языка как иностранного и при решении разнообразных задач компьютерной лингвистики. В частности, на уровне словообразования продуктивная грамматика ориентирована на “построение таких словообразовательных моделей, которые экономно и корректно представляли бы основные закономерности словопроизводства, позволяя тем самым поставить задачу “компрессии” (“сжатия”) всего словаря или его части до некоторого множества базовых слов и правил вывода из них слов производных” [Волков 1988: 19]. Эти модели принципиально обеспечивают решение проблем словообразовательного синтеза — синтеза производного слова от имеющегося по заданному семантическому различию. Вместе с тем, в грамматической системе русского языка деривационные акты представлены, как известно, не только на уровне слов, но и на уровне синтаксических единиц. В части последних продуктивная грамматика ориентирована на решение проблем синтаксического синтеза — синтеза предложения с заданным семантическим содержанием.

Таким образом, поскольку продуктивная грамматика в принципе предназначена прежде всего для обеспечения порождения слова и предложения с заданными семантическими или синтаксическими свойствами, первостепенное значение для нее имеют именно деривационные задачи. На решение этих задач нацелена важнейшая отрасль продуктивной грамматики — **продуктивная дериватология**. Продуктивная дериватология представляет собой деривационный компонент продуктивной грамматики, содержание которого составляют исследование и моделирование деривационных отношений между языковыми единицами в аспекте активных видов речевой деятельности. Методом решения деривационных задач в продуктивной грамматике является синтез языковых единиц —

алгоритмизированная процедура “сборки” единиц с заданными семантическими свойствами из заданных составляющих. Деривационный компонент продуктивной грамматики включает две части — словообразовательную и синтаксическую; метод решения словообразовательных задач — словообразовательный синтез (см. об этом: [Милославский 1980]), метод решения деривационных синтаксических задач — синтаксический синтез. В комплексном описании продуктивной деривационной деятельности частные модели словообразовательного и синтаксического синтеза взаимно связаны и, вместе взятые, составляют общую модель деривационного синтеза модифицированной лексической единицы и семантически и синтаксически корректно включающей ее синтаксической единицы. При этом продуктивная дериватология представляет процессы деривационного синтеза в форме лингвистических алгоритмов. Под деривационно-синтетическим алгоритмом мы понимаем конечный набор взаимосвязанных правил (предписаний), обеспечивающий последовательное механическое решение любой задачи из класса однотипных деривационно-синтетических задач. Обсуждаемые алгоритмы могут быть оформлены как развернутые схемы многоступенчатого, “пошагового” оперирования с исходными данными на основе программы действий вопросно-ответного характера. Частные операции консолидируются в блоки, каждый из которых соответствует определенному этапу решения поставленной “идеальной” деривационно-синтетической задачи (см. пример деривационно-синтетического алгоритма в работе [Шарафутдинов 1998]). Такая алгоритмическая модель деривационного синтеза дает продуценту речи принципиальную возможность (если эту возможность вообще допускает лексико-грамматическая система современного русского языка) в полной мере реализовать свой замысел, свою идею, с учетом требования грамматической правильнооформленности этой реализации.

Перед продуктивной грамматикой стоят задачи двух типов.

Общая задача продуктивной грамматики — технологическое лингвистическое обеспечение продуктивной речевой деятельности. Продуктивная речевая деятельность в целом направлена на выражение разнообразной информации

(интеллектуального и эмоционального характера), исходящей от продуцента речи. Ключевое лингвистическое средство выражения мысли или чувства человека — это предложение (точнее, высказывание — как коммуникативная единица, которая в частном случае вполне может не иметь формальной организации предложения и значения предикативности; ср. разного рода коммуникативные аналоги предложения — формулы речевого этикета, междометные высказывания в рамках диалогической речи, выражающие реакции участников общения и т. п.). Именно предложение с его индивидуальным лексическим наполнением и интонационным контуром является основной операциональной единицей речевой деятельности. Таким образом, обеспечение продуктивной речевой деятельности в целом фактически означает обеспечение порождения (построения) грамматически и интонационно нормативно оформленных предложений (и — далее — текстов) с заданным продуцентом речи семантическим содержанием.

В свою очередь, общая задача продукции предложений, удовлетворяющих требованиям грамматической (и интонационной) правильнооформленности и семантической адекватности замыслу продуцента речи, включает разнообразные частные продуктивно-грамматические задачи. В самом общем виде продукция предложений связана с решением двух основных проблем.

Первая проблема — это обеспечение соответствующего замыслу продуцента лексического наполнения предложения, т. е. обеспечение тех реально существующих лексических единиц русского языка, грамматические формы которых, далее, составят искомое предложение. Мы исходим из идеи о том, что русское предложение состоит не из слов как таковых (лексем в грамматическом смысле), а исключительно из словоформ: как известно, слово в этой оппозиции выступает как парадигма, как абстрактная языковая единица, представляющая собой полный набор позиционно чередующихся конкретных, частных единиц; словоформа же и есть такой частный член этого парадигматического ряда, позиционный представитель лексемы в тексте. В соответствии с этим в реальном предложении нет и не может быть слов как таковых, имеют место лишь их

конкретные грамматические формы, выбор которых так или иначе обусловлен в рамках предложения — со стороны синтаксического окружения единицы; следует подчеркнуть, что и главные члены предложения — подлежащее, сказуемое и даже главный член односоставного предложения — всегда тоже только словоформы, причем словоформы вполне конкретные, предопределенные структурным типом, моделью конструкции (структурной схемой) предложения. Синтаксис предложения “заставляет” слова-абстракции выступать в “конкретном” виде — принимать какие-либо морфологические формы (см. соответствующую трактовку компонентного состава предложения, например, в [Белошапкова 1997]).

Из вышеизложенного следует, что вторая важнейшая проблема, возникающая в рамках продукции предложений, — это образование таких грамматических форм уже найденных лексических единиц, которые принципиально обеспечивают синтаксические соединения, “связывания” этих лексических единиц в соответствии с грамматическими нормами современного русского языка. Как правило, грамматическая форма лексической единицы определяется соответствующей синтаксической позицией в составе модели продуцируемого предложения. Замещение всех синтаксических позиций реальными словоформами ведет к построению предложения в целом.

Таким образом, в модели продуцируемого предложения представлены позиции двух типов: лексические позиции и синтаксические позиции. Лексические позиции — это позиции лексических (лексико-семантических) единиц, лексико-семантических вариантов слов, **лексически** обеспечивающих воплощение замысла продуцента речи. Синтаксические позиции — это позиции грамматических (морфологических) единиц, морфологических форм слов, **грамматически** обеспечивающих воплощение замысла продуцента речи. В соответствии с этим в рамках обсуждаемого грамматического описания продукция предложения должна иметь некоторое лексическое и грамматическое обеспечение в виде двух рядов позиций компонентов этого предложения. Замещение позиций каждого

ряда формирует соответствующую сторону организации предложения.

Деривационная деятельность продуцента речи, нацеленная на построение предложения, складывается из двух основных частей: 1) обеспечение лексического состава предложения — замещение лексических позиций (лексико-словообразовательный блок); 2) обеспечение синтаксического соединения единиц этого лексического состава — замещение синтаксических позиций (синтактико-словоизменительный блок).

Рассмотрим внутреннее устройство каждого из этих проблемных блоков подробнее.

1. Обеспечение состава лексических единиц предложения.

Очевидно, что эти лексические единицы в принципе могут быть известны или неизвестны продуценту речи. При этом известными или неизвестными могут быть как все лексические единицы, так и лишь часть из них. В том случае, когда лексические единицы уже известны, проблема лексического наполнения предложения в части соответствующих позиций фактически снимается (ситуацию может осложнять феномен лексической синонимии: когда известен ряд синонимичных, функционально эквивалентных единиц, встает задача выбора одной из них — наиболее “подходящей”, в максимальной степени соответствующей замыслу продуцента). Если необходимые единицы неизвестны продуценту речи вообще, встает задача их нахождения (получения) тем или иным способом.

Неизвестная продуценту речи (но реально существующая в современном русском языке) лексическая единица может быть либо непроизводной, либо производной (в словообразовательном понимании термина). В первом случае встает задача выбора необходимой единицы из словаря. Задача решается при помощи списка “готовых” единиц. Во втором случае существуют два способа обеспечения заполнения лексической позиции: либо также словарный, “списочный”, предусматривающий поиск уже “готового” производного слова в словаре; либо собственно грамматический, словообразовательный (в смысле — “словообразующий”, “словопроизводящий”, “словосинтезирующий”), предполагающий образование слова на основе определенных правил, алгоритмических предписаний.

Таким образом, две продуктивно-грамматические задачи рассматриваемого блока — (1.1) обеспечение в качестве компонента

предложения непроизводной лексической единицы и (1.2) обеспечение в качестве компонента предложения производной лексической единицы — характеризуются привативным соотношением способов их решения. Первая задача, в отличие от второй, допускает только словарный способ. Продуктивная грамматика исходит, в частности, из идеи о том, что все непроизводные слова должны быть заданы продуценту речи списком, поскольку в условиях реальной продуктивной речевой деятельности (а не научно-исследовательской работы или учебного занятия!) получение их при помощи каких-либо алгоритмических правил (например, путем словообразовательного анализа дериватов первой ступени словопроизводства) не представляется целесообразным и практически возможным.

Возникает вопрос: почему таким образом должны быть заданы именно непроизводные слова?

Очевидно, что продуктивная грамматика должна опираться на некоторый корпус исходных языковых единиц, так или иначе преобразуя и комбинируя которые, она обеспечивает переход от замысла продуцента к воплощающему этот замысел предложению. В качестве составных частей такого корпуса исходных данных выступают значащие единицы фактически всех уровней языковой системы: уровня двусторонних частей слов (морфы), уровня слов (лексико-семантические варианты и грамматические формы слов), уровня синтаксических единиц (грамматические модели построения предложений, средства синтаксических связей, средства актуального членения высказывания), фонетического (точнее — просодического) уровня (интонационные средства).

В свою очередь, лексическая часть исходных данных теоретически могла бы быть различной по признаку словообразовательной производности / непроизводности формирующих ее единиц. В эту часть исходных данных имеет смысл помещать либо только непроизводные единицы, либо и непроизводные, и производные, т. е. вообще все лексические единицы. Последний вариант фактически представляет собой словарный (списочный) способ решения всей проблемы лексического наполнения предложения. В этом случае деятельность продуцента речи сводится к поиску всех неизвестных ему лексических единиц в словаре. Включение же в состав исходных данных лишь производных лексических единиц (пусть даже только первой ступени словопроизводства, т. е. образованных непосредственно от непроизводных) при невключении непроизводных представляется совершенно искусственным решением, нелогичным и неэффективным по двум причинам: во-первых, это резко увеличивает

объем данных, поскольку производных слов в русском языке значительно больше, чем непроизводных; во-вторых, как правило, производные слова устроены в различных отношениях сложнее непроизводных. Применение деривационно-синтетического подхода теоретически и практически оправданно прежде всего в такой исходной ситуации, в которой “даны непроизводные слова и индекс словообразовательных средств, требуется получить производные слова, реально существующие в русском языке” [Милославский 1980: 128].

2. Обеспечение нормативного синтаксического соединения лексических единиц в составе предложения.

Фактически вопрос стоит так: каким образом получить из набора лексических единиц *после, работа, мы, с, коллега, пойти, на, концерт, в, филармония* предикативную синтаксическую единицу *После работы мы с коллегами пойдем на концерт в филармонию*, обладающую полноценной формальной, смысловой и коммуникативной организацией?

В конечном итоге речь идет о синтезировании предложений. Продуктивно-грамматические задачи этого этапа — (2.1) образование предусматриваемых соответствующими синтаксическими позициями грамматических форм лексических единиц, теперь уже выступающих в начальных формах в части “дано” (среди прочих исходных данных); в результате этой процедуры формируется часть предложения, в которой словоформы синтаксически соединены при помощи внутрисловных средств синтаксической связи — окончаний; (2.2) синтаксическое соединение словоформ при помощи внесловных средств синтаксической связи — предлогов и союзов; (2.3) интонационное оформление и выражение актуального членения высказывания, соответствующего коммуникативной интенции продуцента речи. В случае построения сложного предложения в качестве “строительного материала” выступают уже не словоформы, а простые предикативные единицы.

В результате решения первых двух задач формируется предложение как структурно-семантическая единица. В результате решения третьей задачи эта единица получает определенную коммуникативную организацию, становится полноценным средством речевого общения (высказыванием).

Задачи этого блока решаются деривационно-синтетическим способом: образование словоформ осуществляется на основе морфологического синтеза (соединения родовых, числовых, падежных, личных и т. д. флексий с соответствующими основами) (см.

об этом: [Милославский 1981: 11-12]), формирование предложений-высказываний — на основе синтаксического синтеза.

Таким образом, можно выделить два блока частных продуктивно-грамматических задач: лексический (семантический) и синтаксический (сочетаемостный). Существуют два пути, два принципиально различных способа решения: словарный (списочный) и деривационно-синтетический (алгоритмический). Применение того или иного способа решения обусловливается характером конкретной задачи. Задачи первого блока в принципе допускают оба способа, задачи второго блока решаются только деривационно-синтетическим способом. При решении “сверхзадачи” продукции полноценного русского предложения с заданной семантикой вполне могут быть задействованы все виды синтеза языковых единиц — словообразовательный синтез (продукция слов), морфологический синтез (продукция словоформ), синтаксический синтез (продукция предложений-высказываний).

Литература

Белошапкова В. А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.

Белошапкова В. А., Милославский И. Г. Вопросы идеографической грамматики русского языка // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М., 1988.

Волков В. В. О закономерностях образования глаголов с инхоативным значением от имен прилагательных // Идеографические аспекты русской грамматики / Под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М., 1988.

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.

Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. М., 2002.

Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. Спб., 1994.

Плотникова Г. Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. Свердловск, 1988.

Шарафутдинов Д. Р. Определение возможности синтаксической деривации существительного от прилагательного в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1988.

©Шарафутдинов Д.Р., 2005

Раздел IV. Общие и индивидуальные стратегии речевого развития ребенка

Т.А.Гридина, Н.И.Коновалова
Екатеринбург

Мотивационная рефлексия в детской речи: модель лексикографического представления

Рассмотрение слова как единицы индивидуального лексикона ребенка предполагает анализ сложных процессов обработки разных видов информации, связанных с восприятием и усвоением языковых значений. Одной из естественно складывающихся в онтогенезе стратегий присвоения языка является **мотивационная рефлексия,** в основе которой лежит поиск ребенком «объяснимой» связи между звучанием и значением вербальных единиц («прояснение»/уточнение их мотивированности, осознание «логики» наименования сквозь призму личностного знания, извлеченного ребенком из собственного практического опыта и общения со взрослыми).

Анализ фактов детской речи в аспекте их метаязыковой направленности показывает, что уже в младшем дошкольном возрасте ребенок способен к рефлективному анализу готовых форм и синтезу новых слов по выведенному алгоритму. При этом мотивационная рефлексия проявляется в специальных комментариях, которыми ребенок сопровождает толкование узуальных единиц и собственных инноваций.

Мотивационная рефлексия в детской речи может выполнять прагматическую, прогностическую, эвристическую функции, позволяя ребенку а) уточнить содержание собственной и «чужой» речи (*Почему говорят «в глубь леса»? Туда же не падают, в глубь?*); б) выдвинуть «гипотезу» о значении непонятного слова (*В духовной семинарии, там учатся на духовых инструментах?*); в) спроецировать имеющийся когнитивный и языковой опыт на новую коммуникативную и/или номинативную ситуацию (*Кто на такси ездит – таксист, а кто на «Волге» - волгарист*) и т.п.

Совокупное словарное представление единиц детской речи (отличающихся от узуальных своеобразием формы и/или значения) чрезвычайно важно для изучения механизмов формирования языковой способности в онтогенезе, а также для понимания специфики языковой картины мира ребенка. Вместе с тем приходится констатировать недостаточную разработанность принципов лексикографической обработки «языка ребенка». Словари детской речи как относительно «новый жанр лексикографии» [Козырев, Черняк 2004: 247], во-первых, немногочисленны, во-вторых, в основном представляют собой сборники разных типов инноваций, рассмотренных с позиций их содержательного и формального отличия от единиц узуса. Однако невозможно понять специфику детской ментальности, рассматривая речь ребенка только «извне», не учитывая **показаний языкового сознания самого ребенка**, отраженных в частности в явлениях мотивационной рефлексии.

Разработка концепции и принципов создания словаря «Метаязык детских инноваций» позволит заполнить некоторые лакуны в практике лексикографического представления фактов детской речи. Прежде чем предложить модель такого

метаязыкового описания, очертим в самом общем виде круг проблем «онтолингвистической лексикографии»:

1. **Проблема толкования значений первых детских слов,** которые, как известно, непостоянны, ситуативны, «имеют индикативную и номинативную функцию, но не имеют сигнификативной функции» [Выготский 2005]. Ср., например, значения слова *баба* - ‘бабушка’, ‘ее дамская сумочка’, ‘бабочка’, ‘большой’ [Усвоение … 1994: 4] как проявление сверхгенерализации (неоправданного ассоциативного расширения номинативной функции слова) и окказиональной омонимии (одинакового произношения детьми разных по значению слов).

Ввиду несформированности (диффузности) денотата, референтной вариативности подобных детских словоупотреблений, типы толкований, основанные на выделении константных компонентов значения в словарном описании, неприемлемы (или не всегда приемлемы) для описания семантики узуальных единиц в речи ребенка.

2. **Проблема описания значений словотворческих и грамматических окказионализмов ребенка, выбора наиболее адекватного способа их интерпретации с учетом «предъявленных» контекстов.**

Приведем лишь некоторые виды комментариев, которыми авторы-составители словарей сопровождают детские окказионализмы: **(1)** *Когда глиняную игрушку ставят в печь, это как называется? Ее жарят? Варят? Пекут? Или* ***глинят****? Наверное,* ***глинят*** (Маша А., 6.10). – Стараясь более точно назвать явления и действия, ребенок перебирает разные слова и иногда, не находя подходящего, придумывает собственное [Дети о языке 2001: 15]; **(2)** Катался на кровати и вдруг упал: *«Я* ***летнул!****»* – Не раз отмечалось употребление самостоятельно образованных им форм однократности, правильное в смысловом отношении [Гвоздев 1981: 208]; **(3)** Сережа размахивает ногами: *Мама, посмотри, как я* ***дирижирю!*** (5 л. 6 м.) – Форма 1-го лица «дирижирю» вместо «дирижирую» [Харч. 1994: 47]; **(4)** Выкачивать. – Выкатывать. ***Выкачивай*** *его* («телевизор» из игрушечного домика) [Харч. 1994:30] // Киноснимальщик. Оператор. – ***Киноснимальщик*** *там* [Харч. 1994: 82]; **(5)**

Дваглазный. Имеющий два глаза. Об узоре на крыльях бабочки. – *Эта бабочка* ***дваглазная*** [Харч. 1994: 43]; **(6)** Детванна. Детская ванна. – ***Детванна*** – *детская ванна* [Харч. 1994: 47]; **(7)** Вымудриться. Придумать сложное, оригинальное. – *Как-то я* ***вымудрился*** *сказать* [Харч. 1994: 31].

Как видно из этих примеров, комментарии фактов детской речи основаны на разных стратегиях интерпретации: включают причины образования детских окказионализмов (пример 1), указывают на освоенное ребенком (устойчивое воспроизводимое) значение какой-либо формы или словопроизводственной модели (пример 2), отсылают к нормативному аналогу (пример 3); дают интерпретацию через узуальные синонимы (пример 4) или через отсылку к мотиватору (пример 5); раскрывают смысл слова через приведенный ребенком пояснительный контекст (пример 6); выстраиваются на основе сформулированной составителем словаря дефиниции (пример 7).

Выбор способа описания продиктован, во-первых, разной природой детских слово- и формотворческих инноваций; во-вторых, разными целями составителей словарей (в соответствии с существующими подходами к объяснению фактов детской речи); в-третьих, разным характером адресации комментариев.

3. **Проблема определения объема словарной дефиниции**. Эта проблема связана с двумя указанными выше, поскольку предполагает решение следующих вопросов: в каком соотношении должны состоять «детская» и «взрослая» семантизация (возможна ли идентификация смысла детской инновации с узуальными значениями слов); каким должен быть объем контекста (языкового и ситуативного), привлекаемого к описанию содержания слова в речи ребенка?

Так, толкование детских семантических и словотворческих инноваций через синонимичный узуальный идентификатор не всегда убедительно: *Полгорла*. Во все горло. – *Папа, я тебе уже* ***полгорла*** *кричу*, а ты не слышишь (4 г.10 м.) [Харч. 1994: 156]. Из контекста не следует однозначно, что ребенок кричит в полный голос, возможен смысл – «кричать долго, до боли в горле, не будучи услышанным. *Пыльность*. Пыль. – *Дай я протру постановочный* (радиоприемник). *Там много*

пыльностей (7 л.2 м.) [Харч. 1994: 178]. Скорее, речь идет о местах скопления пыли на приемнике, о чем свидетельствует сама форма мн.ч. существительного *пыльность*, не вполне идентичного по значению узуальному *пыль*.

Ср. также примеры явной недостаточности контекста для определения смысла детских инноваций в плане их ситуативной «конкретики»: Позаборный. *Движущийся по заборам. – Это* ***позаборный*** *трамвай, по заборам ездит* [Харч. 1994: 154] // Кружево. Существительное от глагола кружиться. – *Я лезу* (на веревочную лесенку) *для* ***кружевов****. Если я закружусь – так будет* [Харч. 1994: 90] (Смысл слова – кручение, кружение? Кругообразное раскачивание? – Примечание наше. – Т.Г., Н.К.). Очевидно, в подобных случаях есть необходимость расширения объема словарной статьи за счет более полного описания ситуации или введения дополнительных комментариев.

4. **Проблема однозначного определения эмоционально-оценочного отношения ребенка к собственной номинации**.

Не всегда однозначно можно определить коннотации популярных в детской речи суффиксов субъективной оценки: например, суффикс – онок, помимо значения невзрослости, имеет в инновациях ребенка эмоционально-оценочные оттенки ласкательности, уменьшительности, уничижительности (пренебрежительности). Коннотативная диффузность данного суффикса усиливается при его расширительном использовании в составе названий неодушевленных предметов: *Мне не стол, а столенка купили!* (Вытекает ли из этого контекста указание на уменьшительность, ласкательность или уничижительность, без учета ситуации понять нельзя). То же можно сказать и о многозначном суффиксе *-к*, который в детской речи часто выражает эмоционально-оценочное отношение к обозначаемому (уменьшительно-ласкательное или уничижительно-неодобрительное) и служит средством противопоставления значений суффиксальных и бессуффиксных образований. Ср. коннотации, связанные с употреблением в детской речи производных от слова *мышь*: **(1)** Разыгрывает сценку с Мышкой из сказки «Теремок»): *А потом* ***мыха*** *села,* ***мышка*** (4 г.7 м.) [Харч. 1994: 108]; **(2)** – *Что ты там пыхтишь? – Закрываю дедушкину сумку с инструментами, чтобы* ***всякие мышки*** *там*

не ползали (3 г. 5 м.) **(3)** *Упала* ***мышка****…* ***Мыша*** *Ивановна* (4г.10м.) [Харч. 1994: 109]. Если в контексте (1) *мышка - мыха,* скорее всего, нейтральные варианты, то в контексте (2) с учетом определения *всякие там* можно предположить наличие у слова *мышка* уничижительной (хотя и не ярко выраженной) коннотации; в контексте (3) противопоставление *мышка – Мыша* (Ивановна) служит средством усиления положительной оценки (выражает уважительное и сочувственное отношение) к обозначаемому.

Следовательно, для определения стилистической пометы слова необходимо опираться на контекст, в котором наряду с характеризуемым словом могут находиться слова, служащие для выражения общей положительной или отрицательной оценки и/или на речевую ситуацию, в состав которой входят мимика и жесты, позволяющие определить эмоционально-оценочное отношение ребенка к высказыванию;

Анализ существующей «онтолингвистической лексикографии» дает возможность выделить несколько типов словарей по способу представления и интерпретации фактов детской речи.

Традиционным жанром описания фактов детской речи являются **дневниковые наблюдения**, начало которым в отечественной лингвистике положено А.Н.Гвоздевым. См.: От первых слов до первого класса: дневник научных наблюдений (Саратов, 1961 и последующие издания). В настоящее время наиболее заметным явлением в рамках данного направления являются Материалы постоянно действующего семинара по онтолингвистике под руководством С.Н.Цейтлин: «От нуля до двух». Дневниковые записи (СПб., 1997); «От двух до трех». Сборник дневниковых записей (СПб., 1998); Две девочки: Соня и Надя. Дневниковые записи. Приложение №1 к Трудам постоянно действующего семинара по онтолингвистике (СПб., 2001) и др.

Спецификой дневниковых фиксаций фактов детской речи является не только указание на их динамику, но и описание ситуаций, делающих понятной «мотивацию» ребенком узуальных слов и окказиональных словотворческих инноваций, грамматических форм и синтаксических конструкций.

Например:

11 января (3, 7, 25). Я небрежно нарисовал ему поросенка. Он посмотрел и сказал: Мам, папа совсем не умеет *свиньев* рисовать. Такие страшилищи выходют. Потом полушепотом сказал сам себе: *свиней*. Очевидно, неправильность формы *свиньев* была им замечена, и он находит нужным поправиться [Гвоздев 1981: 209].

Ср. также: 1.10.29. В словаре Сережи есть слово, которое он образовал из двух. Нашу кошку зовут Дина. Раньше Динкой он называл только ее, а остальных кошек называл *мау* или *киса*. Тогда он из двух слов «Дина» и «киса» сделал одно. Получилось *Дися*. Теперь он всех кошек, в том числе и нашу, называет *Дися* [От нуля до двух 1997: 187].

Дневники позволяют проследить процессы становления, развития и совершенствования речевых навыков ребенка.

В современной онтолингвистической лексикографии в наибольшей степени представлен жанр **аспектных словарей** детской речи, в которых фиксируются и лингвистически описываются инновации (словообразовательные, морфологические, лексико-семантические), отмеченные в спонтанной устной речи детей. К работам такого типа относится в частности словарь «Детские словообразовательные инновации» (сост. С.Н.Цейтлин). Исследование лингвистических механизмов, порождающих такие инновации, позволяет объяснить «имеющиеся в языке случаи нелогичности, отсутствия однозначного соответствия между формой и содержанием языковых единиц, наличие разного рода запретов и ограничений, налагаемых на действие языковых правил существующей языковой нормой» [Цейтлин, Елисеева 2000: 4]. В соответствии с такой установкой в указанном словаре словообразовательные окказионализмы ребенка толкуются через аналогию с имеющейся в узусе номинацией (антонимом, синонимом и т.п.) или через отсылку к мотивирующему слову. При этом семантизация слова осуществляется в опоре на детские контексты-употребления, в которых может быть представлен соответствующий мотиватор. Ср.: Мык – то же, что бык. – *Это мык, он «му» говорит* (2,5) // Мыние – действие по глаголу мыть. То же, что мытье. – После мыния читать будем? (4) // Поворо′тливый –

характеризующийся наличием поворотов. – *Какая дорога поворотливая!* (5). Указание на возраст ребенка, создавшего инновацию, позволяет судить о востребованности (продуктивности) определенных способов и моделей словообразования на разных этапах речевого онтогенеза. Спорадически в дефиницию включаются сведения об экспрессивно-эмоциональных характеристиках употребления слова. Например: Ба′нища – увеличит. (подчеркнуто нами. – Т.Г., Н.К.) к банка. – *Ну и банищу ты мне дала!* (5).

Комментарии составителей позволяют судить об основных направлениях словотворческих процессов в детской речи, о применении детьми эмпирически выведенных **системных** алгоритмов для удовлетворения ситуативных потребностей коммуникации и восполнения номинативного дефицита.

Распространение подобной модели лексикографического описания фактов детской речи на грамматические и семантические инновации вполне продуктивно (что, в частности, реализовано в изданиях санкт-петербургской онтолингвистической школы, созданной С.Н.Цейтлин).

Ценность аспектных словарей данного типа, выявляющих преломление в детской речи системных механизмов языка, состоит в том, что интерпретация лингвистической природы детских инноваций обнаруживает **закономерность в кажущейся аномалии**.

Несомненный интерес для комплексного исследования фактов детской речи представляют **словари-справочники.**

Так, детские инновации, представленные и прокомментированные в словаре-справочнике «Говорят дети» (СПб., 1996), демонстрируют широкие возможности языковой системы в области производства новых слов, нового семантического наполнения узуальных лексем, возможности их формально-смысловой модификации, образования окказиональных форм**,** иначе говоря, востребованный ребенком потенциал языка.

В рамках онтолингвистической лексикографии представлены и **недифференцированные словари**, где с позиций их составителей дается интерпретация (толкование) семантики слова или словоформы, зафиксированной в детской речи.

В качестве примера можно привести «Словарь детской речи» В.К.Харченко. В словарь входят и узуальные лексемы и словоформы, и многочисленные словотворческие детские окказионализмы, которые толкуются через дефиницию, выведенную из ситуации и контекста употребления слова, через мотивационный перифраз, через синоним. Ср.: *Летучесть*. Способность летать. Поймал майского жука, наблюдает за ним: *Он пробует свою летучесть!* (7 л. 3 м.) // *Летовать.* Проводить лето (ср. *зимовать*). Мать ругает щенка, искусавшего штору: Я тебе покажу, где раки зимуют! Дочка: *Мама, а где летуют?* (4 г.4 м.) // *Лечитель*. Врач (4 г.) и т.п.

При объяснении детской инновации семантического типа значение выводится в опоре на ситуацию, в которой слово употреблено, а соответствующий речевой контекст является частью семантизации. Например:

Калиточка. Маленькая щель. Илья открывает дверь в ванную. Ему не разрешают. – *Мама, я только маленькую калиточку оставлю!* (3 г. 6 м.).

При толковании детских инноваций других типов (грамматических, словообразовательных и др.) приводится узуальный аналог и пример употребления слова:

Навысоке. Наверху. Рисует «на небе» квадратик: *А навысоке есть такой домик* … (4 г. 2 м.).

Факты детской речи введены в словарь в широком возрастном диапазоне (от 2-х до 14 лет), что дает панорамное представление о разных уровнях компетенции ребенка/подростка на соответствующих этапах усвоения языка. Принципиально важным в концепции этого словаря является включение большого иллюстративного материала, который отражает разные стратегии усвоения детьми значений слов и словоформ и приоритетность каких-то стратегий для определенного возрастного этапа развития речи. Несомненным достоинством словаря является фиксация эмоциональных реакций, связанных с порождением собственного или употреблением ребенком готового слова (типа *смеется*, *шутит* и т.п.), что позволяет судить о способности детей к осознанному нарушению канона (языковой игре). Ср.: *Полынь*. Шутл. – Полынь – это потому что она из земли полы пробивает? (5 л.6

м.). // *Компостировать*. Шутл. Клевать. Воробей клевал бумагу, компостировал (4 г.8 м.).

В плане «продвижения» (приближенности) словарного описания к психологической реальности языкового сознания ребенка наиболее интересны **ассоциативные словари**, которые обобщают результаты экспериментальных исследований индивидуальных систем организации лексикона ребенка.

Удачным опытом такого словаря, внесшим существенный вклад в отечественную онтолингвистическую лексикографию, является словарь Н.И.Бересневой, Л.А.Дубровской, И.Г.Овчинниковой. «Ассоциации детей от шести до десяти лет (ассоциа-тивное значение слова в онтогенезе)», в котором представлены результаты ассоциативных экспериментов, проводившихся со школьниками младших классов. Словарная статья включает списки реакций, полученных на слово-стимул, с указанием индекса частотности.

Приведем в качестве примера фрагмент словарной статьи, содержащей ассоциаты на стимул *кошка*:

КОШКА – собака 48 (12: 5/7, 36: 12/24, 0); кот 26 (6: 3/3, 15: 12/3, 5: 2/3); котенок 26 (7: 2/5, 8: 4/4, 11: 6/5); пушистая 25 (6: 4/2, 13: 8/5, 6: 1/5); красивая 14 (2: 2/0, 10: 5/5, 2: 1/1); мышка 13 (6: 2/4, 7: 5/2, 0); окошко 11 (5: 2/3, 2: 1/1, 4: 3/1); Мурка 10 (4:3/1, 4: 1/3, 2: 2/0); черная 9 (0, 9: 6/3, 0), Маша 8 (0, 0, 8: 3/5); моя 8 (0, 4: 1/3, 4: 3/1); рыжая 8 (2: 1/1, 5: 1/4, 1: 0/1); котята 7 (1: 0/1, 2: 2/0, 4: 3/1); Муська 6 (0, 6: 3/3, 0) и т.д.

Выявленные ассоциативные стереотипы дают представление о единицах активного словарного запаса детей младшего школьного возраста, фиксируют устойчивые связи между отдельными словами и группами слов. Такой материал обнаруживает ассоциативный контекст репрезентации узуальных лексем в сознании детей младшего школьного возраста. Авторами словаря отмечаются возрастные и гендерные различия полученных реакций: в скобках указано количество реакций, полученных от первоклассников, в том числе дробью – реакции мальчиков и девочек, затем реакции второклассников и третьеклассников. Это дает возможность судить об ассоциативном поле слова в его возрастной динамике с учетом гендерных различий. Продолжением работы по

созданию ассоциативных словарей детской речи является монография И.Г.Овчинниковой, Н.И.Бересневой, Л.А.Дубровской, Е.Б.Пенягиной «Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции)». В данном издании представлен обратный ассоциативный словарь младших школьников (от реакции к стимулу). Особенностью этого словаря, по сравнению с предыдущим, является указание **субъективных** частот слов, т.е. данных о том, как сами дети младшего школьного возраста оценивают частоту слова, а следовательно, его актуальность «для собственного речевого опыта» [Указ. изд.: 6].

Все описанные типы словарей объединяет взгляд на детскую речь с позиций взрослого интерпретатора, когда язык ребенка рассматривается «извне». Это неизбежно приводит к привнесению в толкования слов инородных элементов, не свойственных детскому языковому сознанию. Даже факты, представленные в ассоциативных словарях и выявляющие поле актуальных для ребенка вербальных связей, требуют оценки специалиста (психолога, психолингвиста), что не исключает субъективности их содержательной трактовки.

Вместе с тем онтолингвистическую лексикографию не может не интересовать взгляд на язык «изнутри», оценка речевого факта с позиций ребенка. Именно в таком ключе выполнен «Толковый словарь русского языка глазами детей» А.Д.Палкина. В основу этого словаря легли данные эксперимента, целью которого было «показать а) уровень знаний детей о словах родного языка; б) способность детей выражать эти знания при помощи слов родного языка» [Палкин 2004: 25]. Детям предлагалось дать толкования общеупотребительных слов, при этом испытуемые сами определяли содержание дефиниций и их длину, необходимые для объяснения значений.

Оказалось, что значительная часть этих дефиниций отличается эгоцентризмом и антропоцентризмом; многим детям свойственно выделять какой-то один или несколько отдельных аспектов значения определяемого слова и объяснять только соответствующий аспект. При этом дети использовали разные стратегии семантизации: синонимизацию, антонимизацию,

конкретизацию, контекстуализацию, объяснение через однокоренное слово, категоризацию и т.п.

Несомненным достоинством данного словаря является выделение стратегий, используемых детьми при определении значений слов, и их анализ, что демонстрирует процесс перехода от одного типа мыслительных связей (наглядно-действенного) к другому (вербально-логическому) у детей 11-12 лет.

Заметим, однако, что в авторском комментарии лингвистическая и психолингвистическая интерпретация детских толкований подменяется в ряде случаев прямыми оценками (ср.: «испытуемые … трактовали слово как …, хотя это не совсем верно»; «забавно выглядят некоторые дефиниции» и т.п.). Этот субъективизм проявляется также и в определении ведущего признака, по которому слово относится к той или иной категории, и в формулировании ближайшего значения. Сам автор-составитель указывает, что «полученная в результате … анализа дефиниция является **гипотетическим** (выделено нами. – Т.Г., Н.К.) построением» [Палкин 2004: 63], что в целом противоречит заявленной в названии задаче представить толковый словарь русского языка глазами детей. Выскажем еще некоторые соображения по поводу данного лексикографического опыта: во-первых, словарь представляет факты, связанные с периодом старшего онтогенеза и не дает возможности проследить изменения в развитии семантического компонента языковой способности ребенка; во-вторых, материал для определения понятия, который предлагался детям, включает только широкоупотребительные слова русского языка (день, время, вода, дочь, думать и т.п.), что не дает возможности определения стереотипных и индивидуальных стратегий речевого поведения ребенка и характера деятельности его сознания, направленной на освоение языковой системы.

Все сказанное еще раз должно обратить внимание онтолингвистов на сложность проблемы, связанной с определением соотношения «детской» и «взрослой» интерпретации слова.

Предлагаемая нами концепция словаря «Метаязык детских инноваций» основывается на гипотезе, согласно которой

языковое сознание ребенка наиболее естественным образом отражается в мотивационной рефлексии как одной из стратегий усвоения детьми связи между формой и содержанием вербальных знаков.

Анализ лексикографической практики представления фактов детской речи в словарях разных типов позволяет говорить о наличии большого материала, свидетельствующего о рефлективной доминанте детского языкового сознания.

Данные существующих онтолингвистических словарей показывают, что в них содержится большой потенциал для анализа фактов мотивационной рефлексии как проекции ментальных ориентиров детского сознания на язык.

Так, например, в сборник детских высказываний С.Н.Цейтлин, М.Б.Елисеевой, Т.В.Кузьминой «Дети о языке» включены материалы, свидетельствующие о том, что ребенок необычайно внимателен как к собственной, так и к чужой речи. Таковы, в частности, примеры «коррекции» детьми речи взрослых, а также факты речевой «самокоррекции» ребенка. Отмечается, что, исправляя свою речь, ребенок далеко не всегда находит правильный вариант, но чрезвычайно важно уже само внимание ребенка к форме высказывания и стремление подобрать «правильный» (в соответствии с усвоенной «нормой») вариант.

Факты метаязыковой деятельности детей, зафиксированные в словарях-тезаурусах, обнаруживают острое «чутье» ребенка к нарушению языковой симметрии (правил, которые вытекают из функциональных репрезентаций модели языка в детском сознании). Ср.: – *Маша мне сказала: «Ты людь?» Смешно, да? Не говорят «людь». А говорят «люди», а когда об одном – «человек»* [Дети о языке]. Осознание, что «так не говорят», – это уже свидетельство рефлексии над словом от самоисправления к исправлению чужого высказывания.

Мотивационная рефлексия сопровождает и создание детьми самостоятельных (отсутствующих в узусе) новообразований, что подтверждается употреблением детского слова в одном контексте с узуальным образцом (конкретным словом или единицей той же словообразовательной структуры)

Подобные (зафиксированные словарями) проявления мотивационной рефлексии подтверждают ту существенную закономерность, что в основе разных видов детского словотворчества лежат некие «обобщенные» алгоритмы: там, где взрослый использует готовое слово, хранимое в памяти, ребенок спонтанно использует потенциал отрефлектированной модели словообразования.

Ср. примеры подобного типа, зафиксированные в словаре-тезаурусе В.К.Харченко:

Безногавка. О шортах. – *Это безрукавка, а это безногавка* (Даша, 5 л.);

Видовитый. Витой, извивающийся. – *Бывают змеи ядовитые и видовитые* (Катя, 5 л. 4 м.);

Зеленороза. – А из чего состоит арбуз? Из сахарозы ... Краснорозы! Зеленорозы! (Сергей 10 л. 6 м.).

Сознательное усвоение языка ребенком «проявляется не только в классификации окончаний, приставок и суффиксов, которую он незаметно для себя самого производит в своем … уме, но и в той угадке, с которой он при создании слова выбирает для подражания необходимый ему образец. Само подражание является здесь творческим актом» [Чуковский 1976: 21].

Еще одно направление рефлективной деятельности ребенка над языковыми знаками – осмысление и «прояснение» внутренней формы слова (чаще всего по принципу ложной этимологии, имеющей характер парадоксальной или рациональной, «уточняющей» мотивации) [Гридина 1989]. В качестве иллюстрации приведем примеры из словаря «Дети языке» (2001):

Бабушка смотрит очередную серию фильма «Санта-Барбара». Маша (4 г. 1 м.) спрашивает: – *Кастильо – это потому, что он из мяса и костей?*

- *Горилла – потому что она горела?*

- *А Китай-страна, там что – киты?* (Глеб Ч., 5 л. 3 м.).

Ср. примеры реноминации по принципу уточнения внутренней формы слова или «прояснения» в опоре на имеющийся когнитивный базис (представления о типичных, наиболее ярких характеристиках, ситуативно значимых

признаках, функции обозначаемого и др.): *рыжка* вместо *белка*, *краснила* (о чернилах красного цвета), *хвористый* кальций (вместо *хлористый*), *больмашина* (бормашина) и т.п.

Подобные факты находят отражение во всех онтолингвистических словарях, что подтверждает регулярность мотивационной рефлексии данного типа в детской речи.

На определенном этапе своего метаязыкового развития ребенок обнаруживает наличие в языке омонимов и стремится развести их в своей речевой деятельности, как бы предвидя возможные помехи в понимании сказанного: Кирилл помогает папе готовить шашлыки: - *Это мы такой* ***пирок*** *устроили.* (После значительной паузы). *Когда я сказал «п**и**рок», я думал о слове «пир»* (5 л. 7 м.). Данные пример вписывается в число многочисленных случаев семантизации слова через анализ его «составляющих» (часто без учета идиоматики, присущей определенной структуре в языке): ср. секретарша – «так, что секретничает», жрец – «обжора», спец – «тот, кто много спит» (Чук.).

Таким образом, анализ онтолингвистических словарей показывает, что факты мотивационной рефлексии в детской речи частотны, отмечаются уже в раннем онтогенезе, имеют разную природу и выявляют разные стороны языковой/речевой способности ребенка. Все это определяет необходимость комплексной лексикографической интерпретации единиц детской речи с применением «инструментария», адекватного для представления языкового сознания ребенка. Таким инструментарием должны стать разные виды мотивационных контекстов (с учетом их типологии и функций в соединении когнитивного и языкового векторов развития речевого мышления). В качестве основных типов мотивационной рефлексии можно выделить коммуникативно-прагматический, коммуникативно-эвристический и коммуникативно-прогностический [Гридина 2004]. Первый стимулирован стремлением ребенка устранить помехи, связанные с пониманием речи собеседника или «трансляцией» собственных высказываний (– *Какую тетю Свету ты имеешь в и виду? –* ***Застенчивую****, которая за* ***стенкой*** *живет*); второй – с проявлением лингвокреативной деятельности (прежде всего –

словотворческой) в ситуации номинативного дефицита (– *Сейчас я* ***трубник*** *сделаю, куда* ***трубку*** *телефона класть*); третий – с освоением детьми номинаций на базе ассоциативных аналогий, позволяющих «прогнозировать» наличие у слова определенного значения (***Передовик***. *Многих, значит,* ***передавил***) или корректировать наименование в соответствии с собственным пониманием смысла (– *Черепаха! – Нет,* ***черепиха****! Она сверху* ***черепицей*** *покрыта*). Во всех случаях точкой отсчета становится актуализация/осмысление мотивированности слова.

Создание словаря «Метаязык детских инноваций» позволит выделить общее и индивидуальное в стратегии мотивации, используемой детьми для осмысления готовых и порождения собственных слов в процессе усвоения языка. Инновации в таком словаре должны быть охарактеризованы с позиций самого ребенка – на основе метаязыковых контекстов, полученных в естественных условиях коммуникации. Автор-составитель словаря выступает в роли комментатора лингвистических, психологических и когнитивных оснований для появления того или иного типа инноваций. Методологически важным для составления словаря «Метаязык детских инноваций» является положение об иерархической структуре языковой способности, элементы которой отражает мотивационная рефлексия в речи детей. Следовательно, по охвату материала такой словарь должен представлять комплексное описание феномена мотивационной рефлексии в детской речи (с учетом уровня проявления языковой способности – фонетического, грамматического, словообразовательного, семантического).

Метаязыковой комментарий, проясняющий существующую в сознании ребенка связь значения и формы, может иметь разный характер в зависимости от использованной стратегии ассоциирования (формальной, формально-смысловой или собственно семантической [Гридина 1996]). В частности, в детской речи представлены разные способы толкования значений **в опоре на внутреннюю форму слова**: аналитический, релятивный, комбинированный [см., например: Ростова 2000].

При аналитическом типе толкования дети соотносят то или иное наименование с денотатом и дают его описание через базовый мотиватор (включенный в соответствующий когнитивный контекст – актуальный для ребенка объем знания об обозначаемом):

– *Сейчас нарисую злого обычника..*

– *Кто это?*

– *Обычник – просто зверь, обычный и все. Такой, как зверь* [Мехович 1983: 32].

Релятивный тип толкования обусловлен актуализацией связей слова с одноструктурными, тематически сходными лексемами**,** единицами одного словообразовательного гнезда, синонимами и антонимами, родовым наименованием, т.е. всей совокупностью формально-смысловых связей, которые актуализирует в сознании ребенка «выведенная» мотивационная структура слова. При этом осознание мотивационной структуры может манифестироваться окказиональным коррелятом узуального слова, например:

(Мама показывает дочери фотографии в альбоме).

- *Это прадедушка…*

Оля показывает на женщину, стоящую рядом:

- *А это пратетя* [Дети о языке 2001: 106].

Окказиональное *пратетя* и узуальное *прадедушка* находятся в отношениях **тематического** и структурного подобия.

Толкование значения детской инновации парадигматического типа в словарной статье может быть осуществлено через имеющийся синоним, антоним, номинативный вариант, родовой или видовой коррелят (при наличии в узусе соответствующего слова указывается нормативная лексема, при отсутствии – окказиональный аналог или коррелят).

Комбинированный тип толкования объединяет в себе аналитическое (мотивационное) описание значения и актуализацию релятивного отношения в составе окказионального или узуального ассоциата*:*

- *В хлебочной хлеб продают, а в булочной – только булку* [Дети о языке 2001: 107].

Модель словарной статьи, помимо метаязыкового контекста, акцентирующего (выделяющего, объясняющего) определенный ракурс восприятия ребенком формы и/или значения слова, включает в себя и дополняющий авторский комментарий, в котором соответствующий факт детской речи получает типологическую характеристику. В комментирующей части словарной статьи определяются:

- **тип мотивационной рефлексии** в зависимости от потребностей коммуникации и номинации, реализации которых она сопутствует (коммуникативно-эвристический; коммуникативно-прагматический и коммуникативно–прогностический);
- **функция метаязыкового контекста** в осмыслении ребенком значения и формы лексических единиц (прогностическая, прагматическая, генеративная);
- **когнитивные основания** мотивационной рефлексии (необходимость в номинации; потребность дать новое, более понятное наименование того, что уже обозначено в языке; стремление назвать одним словом известное понятие, которое прежде обозначалось описательным оборотом или словосочетанием);
- **языковая аналоги**я (структурная, фонетическая, семантическая), использованная при объяснении или модификации готового слова или для образования ребенком нового слова; в последнем случае указывается тип инновации и способ ее образования);
- **игровая составляющая** мотивационной рефлексии, сопровождаемая пометами типа *шутит, смеется* (как показатель преднамеренной установки ребенка на языковую игру), а также стилистические пометы, свидетельствующие об эмоционально-экспрессивном отношении ребенка к собственной номинации (ласк., одобр., неодобр., увеличит. и т.п.).

Приведем примеры представления соответствующих компонентов:

1. Заглавное слово (вычленяется из контекста детской речи и приводится в начальной форме).

ЗАЩИТНЫЙ. Не нуждающийся в защите, «способный себя защитить» – антоним к БЕЗЗАЩИТНЫЙ.

- *Женщин надо защищать, они слабые и* ***беззащитные****, А мужчин надо ругать: они* ***защитные*** *и обижают женщин* (5 л.)

2. Стилистические пометы, фиксирующие эмоционально-оценочное отношение ребенка к собственной номинации.

ПРАВОМЕЦИТИН (шутл.) – антоним к левомецитин.

КАМ – *увеличит*. к камень

ТРАКТИК – *уменьшит*. к трактор [Говорят дети 2000].

Помета устанавливается с учетом зафиксированной в ходе записи детской речи эмоционально-оценочной интенции (реакции) ребенка или из самого содержания детского высказывания (при транслировании примера из письменных источников, не сопровождающих детское слово стилистическими пометами).

3. Толкование значения слова с применением разных способов семантизации.

Приоритетным является мотивационный перифраз, представляющий значение узуального или модифицированного варианта узуального слова в интерпретации ребенка, а также смысл окказионального детского новообразования (с учетом ситуативного контекста его появления).

При отсутствии такого перифраза смысл детского слова выводится самим составителем в опоре на структурные и смысловые аналогии. Например:

СКОЛЬЗКИ´ – то же, что коньки (букв.: те, которые скользят). (Смотрит на детей, катающихся на коньках): *Мама, купи мне скользки, чтоб по льду скользить* (4,5 г.)

Введение «нового» корня в модельную сетку слова *коньки* (прототип легко считывается – ср. структуру слова-модификата и узуальную номинацию; мотивационный перифраз указывает на актуальный для ребенка смысл слова). Мотивационная рефлексия, проясняющая внутреннюю форму узуального слова, выявляет актуальный для ребенка признак обозначаемого.

Примеры развернутой семантизации этого типа встречаются в собственных комментариях ребенка к словам-модификатам:

ПОВОЗЬЯ – то же, что полозья.

– *Мама, давай договоримся. Ты будешь по-своему говорить: «полозья», а я буду по-своему: «повозья». Они ведь не «лозят», а возят.* (4 г.) [Дети о языке 2001: 58].

4. Указание на тип словообразовательной инновации (прямое, заменительное, контаминационное, обратное словообразование) и способ образования слова, а также случаи ложной этимологизации (с учетом соотношения толкуемого слова с лексическим и структурным мотиватором, представленным в контексте детской речи):

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ – сваренный из ключа.

- *Суп сегодня исключительный.*

- *Из ключа сварили?* **(**3 г.) [Говорят дети 2000: 50].

Ложная этимологизация по ассоциации с омонимичным корнем в слове *ключ*.

КОНФЕТНИК – человек, который ест конфеты.

- *Папа, ты конфетник!*

- *Почему?*

- *Конфеты ешь!* (3 г.) [Говорят дети 2000: 58].

Прямое словообразование, суффиксальный способ номинации человека по склонности к чему-либо (с использованием продуктивной модели для выделения ситуативно актуального признака). Ср. *сплетник*. В узусе данная модель используется для указания на профессию или поведенческие характеристики человека, склонного к определенному действию.

5. Функция мотивационной рефлексии и соответствующий ее тип определяются с учетом когнитивных и /или языковых пропозиций, выявляемых на основании контекстуальной интерпретации детьми узуальных слов или собственных новообразований. Например**:**

ЖЁЛУДНИК – то же, что дуб.

- *Почему дуб дубом назвали? Надо было назвать «жёлудником»* (Дима М., 3 г.) [Дети о языке 2001: 113].

Функция мотивационной рефлексии – **уточнение** мотивировки готового слова, следствие которого – появление номинативного варианта узуальной лексемы, выражающего актуальный смысл слова в детской речи (дерево, на котором растут *желуди*). Коммуникативно-прагматический тип мотивационной рефлексии.

РЫКАСТЫЙ – о собаке, которая рычит.

Мама объясняет сыну: *глазастый – тот, у кого большие глаза; ушастый – тот, у кого большие уши; зубастый – тот, у кого большие зубы.* Мальчик продолжает: *Наш Тоб рыкастый. Он сильно и много рычит* [Дети о языке 2001**:** 108].

Функция мотивационной рефлексии – **ситуативное восполнение «недостающей» номинации**. Детская инновация демонстрирует словотворческую эвристику ребенка (способность к созданию нового слова по отрефлектированной модели) для удовлетворения потребностей коммуникации (партнерства в диалоге со взрослым). Коммуникативно-эвристический тип мотивационной рефлексии.

6. Тип ассоциирования, лежащий в основе мотивационной рефлексии (определяется с учетом **формального** – основанного только на внешнем – звуковом или структурном сходстве мотивационно сближаемых слов**,** когда их значения никак не связаны между собой; с учетом установления **реальных семантических** контактов между словами, сходными по форме).

Например:

ВГНАТЬ – антоним к слову *выгнать*; гоня, заставить вернуться.

- *Выгнали и вгнали назад* (4 г.) [Говорят дети 2000: 19].

В основе наименования лежит формально-смысловой тип (стратегия) ассоциирования: отрефлектированный словообразовательный алгоритм создания антонимичных глаголов. Ср.: *влезть - вылезть.*

ГУБИНЕЦ – тот, у кого большие губы

- *Мама, а Хосе-Фернандо – губинец!*

- *Не губинец, а кубинец.*

- *Не, мамочка, он – губинец. Знаешь, какие у него губы, ты просто не видела* (4 г.) [Говорят дети 2000: 34].

Преобразование узуального слова *кубинец* путем формального, основанного на случайном созвучии ассоциирования (*кубинец* и *губы*). Парадоксальная ложноэтимологическая реноминация получает актуальное для ребенка ситуативное обоснование.

Описание конкретных фактов мотивационной рефлексии с учетом выделенных параметров их интерпретации, безусловно,

допускает вариативность. Кроме того, сама процедура описания не должна быть излишне развернутой и требует определенной формализации.

Приведем примеры комплексного представления перечисленных компонентов словарной статьи для фактов мотивационной рефлексии, проявляющейся в процессе усвоения узуальных слов, и для фактов мотивационной рефлексии, проявляющейся в процессе детского словотворчества.

АВТОПОРТРЕТ – портрет автомобиля

- *Что такое автопортрет?*

- *Портрет автомобиля (6 л.)* [Дети о языке 2000: 40]

Парадоксальное толкование слова через узуальный мотиватор *портрет* (понятный ребенку корень) и омонимически воспринятый мотиватор *авто* (как усеченный вариант слова автомобиль). Ср. *авто* – в значении «авторский» в структуре *автопортрет*.

Детская инновация семантического типа. Мотивационная рефлексия восполняет когнитивный дефицит (незнание ребенком значения узуального слова) и имеет прогностическую функцию, основанную на формальном ассоциировании (омонимической подмене реального мотиватора). Тип мотивационной рефлексии – коммуникативно-прогностический (парадоксальная мотивация как способ толкования, «гипотеза» ребенка о значении слова).

ВЕ´ТНИК – тот, кто любит лазить по веткам.

- *Я ветник – по веткам лазить люблю* [Цейтлин 1989: 307].

Детская словообразовательная инновация. Прямое словообразование с использованием способа суффиксации. Аналогом выступает продуктивная модель наименований лиц по склонности к какому-либо занятию (*лазить по веткам*). Тип мотивационной рефлексии – коммуникативно-эвристический, связанный с образованием слова, отсутствующего в узусе. Функция мотивационной рефлексии – объяснение ребенком собственной инновации для собеседника.

Подобные примеры мотивационной рефлексии обнаруживают ономасиологическую перспективу и ретроспективу. В первом случае мотивационный контекст

предшествует появлению нового наименования, во втором – комментирует его.

Разнообразные способы представления фактов детской речи в словаре «Метаязык детских инноваций» должны способствовать в конечном итоге выявлению специфики языковой ментальности (речевого мышления) ребенка.

Литература

Выготский Л.С. Вопросы детской психологии // Психология развития ребенка. – М., 2005.

Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. – Саратов, 1981.

Гридина Т.А. Проблемы изучения народной этимологии. Уч. пособие. – Екатеринбург, 1989.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Гридина Т.А. Мотивационная рефлексия как вид метаязыковой деятельности ребенка // Детская речь как предмет лингвистического исследования. Материалы Междунар. научн. конф. – СПб., 2004.

Гридина Т.А. Мотивационная рефлексия в детской речи: лингвокогнитивный аспект // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 2. – Екатеринбург, 2004.

Говорят дети: Словарь-справочник / Сост. С.Н.Цейтлин, М.Б.Елисеева. – СПб., 2000.

Дети о языке / Сост. С.Н.Цейтлин и др. – СПб., 2001,

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. – М., 2004.

Мехович Т.А. Материалы к словарю детской речи (неузуальные слова). – Владивосток, 1983.

Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). – Пермь, 2000.

Палкин А.Д. Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей. – М., 2004.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск, 2000.

Усвоение детьми лексических единиц: учебные задания / Под ред. С.Н.Цейтлин. – СПб., 1994

Харченко В.К. Словарь детской речи. – Белгород, 1994.

Чуковский К.И. От двух до пяти. Живой как жизнь. – Л., 1976.

© Гридина Т.А., 2005
© Коновалова Н.И., 2005

Н.В.Кулакова
Красноярск

Образование словообразовательных окказионализмов на уроках чтения и русского языка в начальной школе

В связи с ростом новообразований (окказиональных слов) как в художественных и публицистических произведениях, так и в живой речи возникает потребность пристального изучения данных слов в школе на уроках гуманитарного цикла (русского языка, чтения), чтобы учащиеся имели возможность лучше осмыслить значение и функциональную роль этих слов в тексте и в устной речи. Исследование механизма образования окказиональных слов, а также создание словообразовательных окказионализмов способствуют развитию языкового чутья у учащихся, потому что словообразовательные окказионализмы демонстрируют творческий потенциал языка посредством ресурсов словообразования. Изучение словообразовательных окказионализмов развивает у учащихся умение обнаружить и осознать закономерности в системе языка, что, в свою очередь, обеспечивает формирование «этимологического, словообразовательного мышления» [Львова 1993: 70]. Очевидным фактом является то, что умение анализировать и образовывать окказиональные слова является показателем уровня развития языковой компетентности и лингвистической креативности учащихся.

В связи с возросшим значением окказионализмов в качестве изобразительных средств в современной речи А.Г.Лыков указывает на необходимость научно-педагогической популяризации окказионализмов, на «канонизацию»

неканонических (окказиональных) слов не только в вузовских, но и школьных грамматиках. По его мнению, «замалчивание» окказионализмов в этих грамматиках, а также в ныне действующих учебных программах (что систематически делается до самого последнего времени) лишь отрицательно сказывается на качестве и полноте языковой подготовки учащихся школ и вузов.

Поэтому, основываясь на адаптивном принципе, позволяющем, с одной стороны, максимально учитывать индивидуальные особенности учащихся, с другой – гибко реагировать на социокультурные изменения в окружающей среде, мы начали изучение механизма образования окказиональных слов в начальных классах. Предваряет образование слов такой тип упражнений как «**анализ готовых новообразований»**, который, в свою очередь, мы условно разделили на виды: 1) наблюдения по специально подготовленным вопросам и заданиям; 2) выделение и характеристика морфем; 3) анализ текста с точки зрения соотносительности использования в нем окказиональных слов и задач, условий высказывания.

Такое деление объясняется тем, что при выполнении всех упражнений данного типа учащиеся сталкиваются с основными задачами: определить окказиональное слово, выявить значение данного слова, опираясь на значения частей слова, определить способ образования, установить функции.

Материалами для наблюдений послужили некоторые задания и тексты учебников русского языка, чтения образовательной программы «Школа 2100». Также учащимся предлагались отрывки из произведений детской литературы и отрывки из литературных произведений для детского чтения. Данные отрывки содержали окказиональные слова, которые ученики подвергали анализу.

В качестве примеров приведем ряд заданий, направленных на развитие креативности ребенка.

- Укажи приставку, с помощью которой можно придать слову противоположное значение:

Нахмурься | ото

Зажмурил	вы
Проигрыватель	по
Беспощадный	бес
Пуговичный	от

- Найди слова с приставками: *обучательный*, *обижульки*, *обманизм*, *объявительный*, *объедаловка*.

Подвергая анализу окказиональные слова, мы выявляли семантическое значение окказиональных слов, роль необщеупотребительных слов в художественных произведениях. Все упражнения способствовали осознанию богатства языка, чувства нормы и антинормы, выразительности, уместности употребления окказиональных слов, что оказывало содействие развитию языкового чувства.

В качестве ведущих методов, способствующих пониманию окказиональных слов, выступали метод наблюдений и метод разбора (теоретико-практический метод). Словообразовательный анализ раскрывал механизм образования окказиональных слов, т.к. постоянно анализировались конструктивная и смысловая стороны слов, проводилось наблюдение над семантикой морфем и слов. Анализ окказионализмов включал следующие этапы: 1) установление производности анализируемого слова; 2) выявление производящей основы и аффикса, с помощью которого образована производная основа; 3) определение способа словообразования; 4) установление модели, на основе которой образовано слово.

Такой анализ позволял учащимся уяснить смысловое отношение между мотивированными и мотивирующими словами. Объясняя значение слов через его словообразовательный анализ, дети приучались проникать в структуру слова, обнаруживать его корни, другие морфемы, улавливать родство слов. И текст художественного произведения – это наилучшее условие для проведения словообразовательного анализа окказиональных слов в соединении с анализом значений слов.

Межпредметный контекстный и неконтекстный дидактический материал, используемый в работе, явился не только «богатым источником для пополнения содержания

работы по обогащению словарного запаса учащихся на уроках русского языка» [Методика… 2000: 238], но и позволил воздействовать на мышление и эмоции детей, потому что «поражают и запоминаются из книги как свежие лишь те слова, которые так искусно поставлены, что требуют усилия мысли, как знак незнакомого» [Ларин 1974: 30]. Звуковая оболочка окказионального слова побуждала учащихся семантизировать звук, «искать в нем средство создания эмоционально значимого образа» [Кудина, Новлянская 2003: 8]. Отрывки из текстов и материалы упражнений позволяли ученикам выявить связь между формой окказиональных слов и их значениями, что в свою очередь способствовало развитию у детей «дара слова» (термин К.Д.Ушинского).

Чтобы ученики начали чувствовать слово и умели творчески обращаться с ним, их внимание акцентировали не только на формально-грамматических признаках, но и на нравственно-эстетических. Поэтому окказиональные слова постоянно оценивались с позиции аксиологии. Учащимся важно было не только научиться осознавать цель, которую реализовывал автор, выбирая определенное новообразование, но и самостоятельно находить в каждом конкретном случае подходящее словообразовательное средство. Поэтому ученики должны хорошо разбираться в этих средствах, понимать значение разных суффиксов и приставок, их стилистическую окрашенность, потому что «без тонкого знания языка невозможны и все те сознательные отступления от его норм, на которые мы не раз обращали внимание» [Лопатин 1973: 151].

От анализа готовых окказиональных слов переходили к упражнениям, направленным на умение образовывать окказионализмы. Два вида упражнений: 1) построение словообразовательных окказионализмов по конкретной модели; 2) построение окказионализмов с опорой на знания законов словообразования, способов словообразования способствовали развитию данного умения.

Основная задача, которую необходимо решать при выполнении этого типа упражнений, – это образование окказионального слова. Отличие состоит в том, что в первом случае образованные слова должны точно соответствовать

конкретно заданной модели, а во втором – это условие не обязательно.

Проиллюстрируем вышесказанное заданиями упражнений.

Во втором классе на уроке чтения учащиеся выполняли упражнение, направленное на образование окказиональных слов (использовалось стихотворение Б.Заходера «Моя Вообразилия»). Дети должны были догадаться до чтения стихотворения, что такое *Вообразилия* (Финляндия, Новая Зеландия, Боливия, Бразилия).

«Географические» ассоциации помогли выделенному окказионализму найти синтагматические аналогии в кругу канонических названий. Парадигматика слова «Вообразилия» подсказывает языковому восприятию его морфемный состав. В слове «Вообразилия» спряталось не только слово «воображение», но и название реальной страны – Бразилия. На *-ия* оканчивается много названий стран.

Далее были предложены задания:

в тетради для чтения	дополнительное задание
Попробуй по названию волшебной страны догадаться, какими особенностями отличаются её жители. *Хохотания, Выдумляндия, Сонляндия, Завирания, Грустиния, Дружелюбистан, Сладкоедия.*	Прочитав стихотворение «Моя Вообразилия», придумайте название своей страны. Какие особенности отличают её жителей?

Задания выполнялись с целью наблюдения за тем, способны ли ученики данной возрастной группы на основе ассоциаций придумать новообразования.

Приведем примеры созданных детьми названий: *Крикляндия, Грибландия, Шоколандия, Мультляндия, Играндия, Травонистан, Веселяндия, Динозаврия, Кокосоландия, Кривляндия, Неумывания, Смехляндия, Театралия* и др.

Данные примеры показали, что слова образованы по моделям, уже существующим в языке или потенциально возможным в данной языковой системе. На *-ия* оканчивается много названий стран. Ученики использовали в своих словах и говорящие «частички», которые пришли из других языков и указывали на то, что речь идет о странах (городах). (Немецкое

слово «Land» – страна). Проявляется и закон «аналогии». Например, Травонистан – Афганистан, Пакистан, Туркестан, Гулистан.

Важно учитывать, что отклонения от тех моделей, что допускает в речи человек, тоже моделируются по определенным образцам, тем самым, предоставляя возможность для творчества.

Задание «Придумай название своей страны» проводилось и в параллельном классе, который также обучался по программе «Школа 2100», но особая работа с окказиональными словами в этом классе не проводилась.

Если в экспериментальном классе мы несколько усложнили задание (дети придумывали название страны сразу после чтения стихотворения «Вообразилия»), то ученики контрольного класса после чтения выполнили сначала задание в тетради, а затем придумывали и фиксировали на листочках название страны.

Результаты выполнения этого задания отражены в таблице № 1.

Таблица 1

Образование окказиональных слов «Название стран»

	Экспериментальный класс	Контрольный класс
% учащихся, выполнивших задание	89%	75%
% учащихся, не выполнивших задание	11%	25%
высокий уровень (4-5 названий)	10,7%	
средний уровень (2-3 названия)	57,1%	
низкий уровень (1 название)	21,4%	75%

Несмотря на усложнение задания в экспериментальном классе, результаты по параметру «количество названий» оказались в нем выше, чем в контрольном классе. В контрольном классе 75% учеников, выполнивших задание,

написали одно слово, т.е. имеют «низкий уровень». В экспериментальном классе из 89% учеников, справившихся с заданием, «низкий уровень» имеет 21,4% учащихся; 57,1% учеников по количеству придуманных слов соответствует «среднему уровню»; 10,7% учащихся отвечает «высокому уровню». Высокие показатели в экспериментальном классе демонстрируют эффективность работы с окказиональными словами.

На уроках русского языка в 3 классе при изучении **темы «Сложные слова»** учащимся предлагалось выполнить следующие упражнения:

Прочитай. Какую «профессию» придумал себе мальчик? Как у него получилось новое сложное слово? На какое слово оно похоже?

Бегут ручьи весенние,
От грязи нет спасения.
В сапожках тёти топают,
По лужам смело шлёпают.
Мой дед – подводник. Высший класс!
И я – подводник-лужелаз.
А если в сапогах вода –
Не хнычь, подводник, не беда!
А мне такой,
А мне такой,
Такой денёк и нужен,
Ведь я люблю,
Ведь я люблю
Апчхи!... ходить по лужам!

(В. Александров)

К упражнению, предложенному авторами учебника [Бунеев 2003], были даны следующие задания (в соответствии с задачами эксперимента и с учетом подготовленности класса):

Учитель: Как могут назвать мальчика, который любит ходить по лужам?

Ученики: Лужелаз, лужеход.

Учитель: По аналогии (типу) к какому слову вы смогли образовать эти слова? Какой модели соответствуют образованные слова? Назовите слова, которые соответствуют этой модели.

Учитель: Как могут назвать мальчика, который любит лазить по деревьям?

Ученики: Древолаз.

Учитель: В.Александров написал стихотворение о мальчике, у которого была «профессия» – лужелаз.

При изучении в 3 классе темы «Словообразование имен существительных» проводилась работа с окказиональными словами.

Учитель: Перед вами модели слов:

1. ∩ их а	3. ∩ ик а	5. ∩ ник □
2. ∩ ят а	4. ∩ енок □	6. ∩ тель □

– Что можно сказать о словах, которые включают в свой состав эти морфемы? Приведите примеры слов (слова могут быть образованы узуальные или окказиональные. В том случае, когда образовано окказиональное слово, оно анализируется с позиции аксиологии).

Учитель: На вопрос: «Кто сидит на лошади?» – маленькие дети ответили: «Конник, лошадник, сидник». По какой модели они образовали слова? Существуют ли такие слова в русском языке? Как бы вы ответили на этот вопрос?

Учитель: Как вы знаете, К.И.Чуковский – автор удивительной книги «От двух до пяти», где собраны наблюдения за «детским языком». Вы сейчас внимательно послушайте, чтобы ответить на вопросы: Что обозначают детские изречения, и по каким моделям они образованы?

1. – Огонь и огонята!
2. – Почему у Деда Мороза нет морозят?
3. – Жили-были царь и царица, а у них был маленький цареныш.

Представим несколько упражнений, направленных на образование окказиональных слов, используемых на уроках русского языка в 4 классе (1-4), в 3 классе (1-3).

На одном из уроков по теме: «Что мы уже знаем об имени существительном» мы проводили работу, направленную как на формирование умения образовывать окказионализмы, так и на развитие грамматического строя речи (построение предложений, включающих окказиональные слова).

Учитель: Образуйте слово/слова, выполнив главное условие – слово/слова, не существующие в языке. Запишите

предложение с данным словом/словами, обозначьте орфограммы.

Ученики: *Краноломщик, кефиродопиватель, газировковыпиватель, коферазливатель, ледолазы, обмановедение, хитрология.*

В кафе к*оферазливатель* предложил нам чашечку горячего кофе.

Ледолазы начнут соревнование по *ледолазанью* в пятницу.

В лесной школе у маленьких лисят были уроки *«обмановедение»* и *«хитрология».*

Аналогичные задания предлагали учащимся выполнить на уроках при изучении тем: «Что мы уже знаем об имени прилагательном», «Что мы уже знаем о глаголе».

Проиллюстрируем несколькими примерами результат выполнения задания:

Дневникозабирательный, тарелкомоющий, линейкоизмерительный, примерорешательный, книгочитательный, обоеобрывательный, шахматоиграющий, шубопродавательный, землекопательный, полотенцевытирательный, диваноподнимательный, градусоизмерительный.

Землекопательный аппарат поможет вам быстро выполнить работу.

Градусоизмерительный прибор необходим в любой экспедиции.

Опять задали много примеров и задач, мне бы понадобился *примерорешательный* прибор.

Более распространенными из окказиональных слов оказались сложные слова, у которых между основами устанавливаются смысловые отношения зависимости. Объединялись основы прилагательного и существительного, существительного и глагола. Как правило, в данных примерах наблюдалось сложение в сочетании с суффиксацией.

Сложные слова позволяли кратко и точно, в одном слове, выразить значения, которые без них передавались только описательно. Семантика новообразований, представляющая собой сложное соединение двух слов, связанных в одно целое, отличается сгущенной образностью [Вовчук 1998: 86].

Сложные окказиональные слова, благодаря свежей, новой форме и необычному наполнению, выступали в качестве выразительных средств, поскольку точно отражали сущность и особенности предметов и явлений, выражали отношение к излагаемому, поэтому лучше запоминались.

Налужил, выпузырила, обкоктейлился.

Мама, смотри, как *налужил* дождь.

Какой пузырь я *выпузырила!*

Я сегодня *обкоктейлился.*

Приведем пример срезового упражнения, отражающего способность образовывать окказиональные слова. В 4 классе упражнение предлагалось учащимся экспериментальных и контрольных классов.

От существительного «чай» образуется глагол «чаевничать» – это общепринятая модель, а вот глагол «начайухался» или прилагательное «зачайованный» – это окказиональные слова. Попробуйте, добавляя приставки и суффиксы, придумать окказиональные глаголы, обозначающие процесс употребления напитка: кофе, кефир, компот, кисель, коктейль.

Результаты выполнения данного упражнения отражены в таблице № 2.

Таблица 2

Образование окказиональных слов

Экспериментальные классы		Контрольные классы	
Количество учащихся, выполнивших задание, (%) – 96		Количество учащихся, выполнивших задание, (%) – 43	
Количество придуманных слов	Количество учащихся, (%)	Количество придуманных слов	Количество учащихся, (%)
6 слов		6 слов	
5 слов		5 слов	2,1
4 слова	3	4 слова	4,1
3 слова	37,1	3 слова	10,3
	28,8	2 слова	11,3
	26,8	1 слово	15,5

Результаты показывают, что процентное отношение, отражающее выполнение задания, в контрольных классах ниже по сравнению с экспериментальными классами на 53%.

По критерию «количество придуманных слов» результаты, полученные в экспериментальных классах, превосходят в процентном отношении результаты, полученные в контрольных классах. В контрольных классах велик процент учеников, которые придумали по одному – два слова (15,5 %; 11,3%). Таким образом, в контрольных классах минимальное количество придуманных слов равнялось одному слову. В экспериментальных классах минимальное количество слов составило три слова (26,8%), что на 16,5% больше по сравнению с контрольными классами (10,3%). Четыре слова придумали в экспериментальных классах 28,8% школьников, что на 24,7% больше по сравнению с контрольными классами (4,1%). В экспериментальных классах записали пять окказиональных слов 37,1% учащихся против 2,1% в контрольных классах. Разница составляет уже 35%. Максимальное количество слов (шесть слов) в экспериментальных классах записали 3% учеников, в контрольном классе 0%. Полученные данные свидетельствуют о том, что в экспериментальных классах уровень языковой компетентности (практическое владение словообразовательными средствами) выше по сравнению с контрольными классами.

Окказионализмы создавались по известным словообразовательным моделям. В новообразованиях сочетались общие закономерности русского словообразования, его типов и способов с индивидуальным авторским словотворчеством. Выполнение заданий основывалось на знании законов словообразования.

При порождении окказиональных единиц словообразования обнаруживается не только своеобразие протекания деривационных процессов, но и общие особенности устройства речевого акта. При порождении неузуального производного слова два важнейших языковых начала – когнитивное и эмоциональное – выступают совместно, действуя как важнейшие стимулы. Знание словообразовательных моделей и способов словообразования

способствовали выбору средств, необходимых для конкретной ситуации.

Создание детских окказиональных слов можно рассматривать как результат анализа фактов устной или письменной речи и стоящих за ними экстралингвистических отношений.

Литература

Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В., Пронина О.В. Русский язык. Учебник для 3 класса в 2-х ч. – М., 2003.

Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В. Маленькая дверь в большой мир. Книга для чтения во 2 классе. – М., 1994.

Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В. В одном счастливом детстве. Книга для чтения в 3 классе. – М., 1994.

Вовчук Н.И. Окказионализмы как выражение своеобразия, нестандартности и выразительности текста // Текст как объект многоаспектного исследования. Сборник статей. Выпуск 3. Ч.2. – СПб. – Ставрополь, 1998. – С. 81-92.

Кудина Г.Н., Новлянская З.Н. Методическое пособие к учебнику «Литературное чтение» для 4 класса четырехлетней начальной школы. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М., 2003.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. – Л., 1974.

Лопатин В.В. Рождение слова. – М., 1973.

Лыков А.Г. Русское окказиональное слово: Автореф. дисс. …доктора филолог. наук. – М., 1972.

Львова С.И. Уроки словесности в 7-9 классах. – М., 1993.

Методика преподавания русского языка в школе: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. М.Т.Баранова. – М., 2000.

©Кулакова Н.В., 2005

М.Л.Кусова
Екатеринбург

Стратегия личностного развития младшего школьника в процессе лингвистического образования

Одно из направлений работы в современной школе – лингвистическое образование школьника, которое является частью филологического образования. Поэтому прежде чем перейти собственно к содержанию лингвистического

образования, считаем необходимым остановиться на общем в содержании программ по русскому языку и чтению.

Что отличает современные программы по русскому языку и чтению? Их основное отличие связано с изменением целевых установок, с тем, что во главу угла ставится развитие личности ребенка в процессе лингвистического образования, формирование у него определенных личностных качеств, овладение определенными логическими операциями, а не просто приобретение им определенной суммы знаний и умений. Изменившийся подход определил и изменения в назывании учебных предметов. В большинстве программ вместо привычного названия «чтение» после завершения обучения грамоте предполагаются уроки литературного чтения, поскольку речь идет о начальном филологическом образовании ребенка, объединяющем изучение языка и изучение литературы, и о включении содержания этого образования в целостную систему филологического образования в школе, когда изучение русского языка и литературы рассматривается как единый целостный процесс на протяжении всего периода обучения в школе.

Мы отметили, развитие личности определило изменения в содержании учебных предметов, в частности предмета «русский язык». В чем это проявляется? Содержание данных уроков сегодня предполагает активную деятельность самого ребенка по освоению языка и действительности через посредство языка, а не пассивное пребывание за партой. Утрачивается заданность в процессах восприятия и порождения речи. Например, ребенок сам может выбрать текст, который он будет писать под диктовку, при чтении рассказа в учебнике по русскому языку решить вопрос, почему было трудно читать и как лучше написать этот рассказ. Уже в период обучения грамоте у ребенка формируется отношение к себе, близким, окружающим его людям и предметам как к определенной ценности, у ребенка формируется интерес к истории общества, что также способствует развитию его личности. Языковая картина мира дополняется новыми фрагментами, а содержание ранее имевшихся (например, фрагментов: «Быт», «Семья» и т.п.) существенно уточняется.

Ориентация обучения русскому языку и речи на личность ребенка подчеркивается имеющими определениями задач обучения русскому языку и литературному чтению. Ставятся задачи по формированию у ребенка языковой эрудиции, языкового мышления, языкового чутья, по формированию ребенка как языковой личности, в первую очередь как грамотного носителя и пользователя языка и как грамотного читателя. В содержании образования акцентируется внимание на вербально-семантическом и мотивационном прагматическом уровнях языковой личности (Караулов 1987).

Содержание современных уроков русского языка отличается тем, что расширилась их понятийная база, а следовательно, расширился круг терминов, которыми овладевает ребенок. Например, сильная или слабая позиция фонемы, основа слова, приставочный способ словообразования. Обучение ведется на более высоком уровне обобщения, что предполагает достаточный уровень владения логическими операциями: сравнением, классификацией, дифференциацией и т п. Учебная деятельность, обеспечивающая ребенка новым опытом, обращена к уже имеющейся языковой картине мира (Какие города ты знаешь? Как называет город, село, где ты живешь? Почему так называется? Где живут ежи? Где живут ерши? Зачем нужно знать алфавит?). При этом подчеркнем, что имеющиеся в учебниках вопросы направлены не только на уточнение языковой картины мира в различных ее фрагментах (Какие птицы открывают весну там, где ты живешь?), но и на определение позиции самого ребенка в этой картине мира, его отношения к тому или иному явлению, в том числе к содержанию текста (Почему эти стихотворные строки вызывают у тебя улыбку? Как ты понимаешь смысл стихотворения? А как ты думаешь, можно ли «провожать зиму»? Объясни свое мнение). Вопросы сформулированы так, что подчеркивается интерес окружающих к мнению и точке зрения ребенка, ребенок осознает свою значимость в этой новой для него деятельности, осуществляется «встраивание» картины мира ребенка в картину мира носителей данного языка.

Существенные изменения претерпевает методика обучения орфографии, направленная на то, чтобы ребенок осознанно

овладевал грамотным письмом. Заметим, что ранее орфография соотносилась лишь с механизмом запоминания, ее связь с личностным развитием ребенка не рассматривалась. В работе по развитию речи четко формулируется цель – обучение ребенка коммуникации, которая ранее была абстрактной. Задача по овладению ребенком речью в процессе общения, реализация коммуникативных потребностей ребенка, становится первоочередной в современных программах, все другие задачи ей подчиняются. На уроках русского языка ребенок не просто учится грамотно писать. У ребенка формируются речевые умения, связанные с письменной формой речи. Осваивая правила орфографии и пунктуации, он открывает для себя язык как предмет изучения, осознает единицы языка: звук, слово, предложение, таким образом продолжается начинающийся в старшем дошкольном возрасте переход от интуитивного использования средств языка к осознанному.

Характеристику программ по русскому языку начнем с программы «Традиционная школа», разработанной Т.Г.Рамзаевой. «Задачи обучения школьников родному языку определяются прежде всего той ролью, которую выполняет язык в жизни общества и каждого человека, являясь важнейшим средством познания окружающего мира, общения людей и взаимовлияния их друг на друга» (Программно-методические материалы. Русский язык. Начальная школа). Основную линию данной программы можно определить так: познавательная деятельность ребенка направлена на язык, в результате чего ребенок осознает язык как средство общения и начинает в определенной степени осознанно использовать языковые средства в процессе общения. Язык становится одним из фрагментов в языковой картине мира ребенка. Задания в учебнике построены таким образом, чтобы заинтересовать ученика и обеспечить понимание того, что желание заниматься русским языком принадлежит ему, а не навязывается взрослыми. Мотивы изучения русского языка становятся личностно значимыми. Оказывается, на уроке можно поделиться своими впечатлениями: Почему вы решили, что отгадка *сахар*? Приходилось ли вам видеть живого крота? Как

это произошло? Почему необходимо включать в предложения слова, которые отвечают на вопрос *какие*?

Полагаем, что благодаря подобным заданиям у ребенка не только формируется интерес к учебному предмету и этот интерес станет для ребенка мотивом деятельности, но ребенок ощущает уважение к собственной личности: нет бесконечного навязывания заданий, в целесообразности выполнения которых ребенок нередко сомневается.

Целесообразность выполняемых действий ребенку демонстрируется постоянно, автор учебника помогает школьнику понять, зачем ему нужно владеть теми или иными сведениями о языке и языковых явлениях. Например, много внимания уделяется анализу звукового состава слова (Какими согласными звуками различаются эти слова?), установлению связи звука и буквы, и тут же подчеркивается, что правильно воспринимать звучащее слово необходимо, чтобы правильно его писать. Обращаясь к учебнику по русскому языку, школьник одновременно учится организовывать свое взаимодействие с учебником, свою познавательную деятельность. Содержание учебника обеспечивает формирование таких речевых готовностей, как готовность дать определение используемым понятиям, готовность отыскивать, понимать и перерабатывать необходимую информацию (о видах речевых готовностей там же:60). Не секрет, что работать с источником информации порой не умеют даже школьники среднего звена. Например, при повторении они с трудом обнаруживают необходимый материал, нуждаются в указании на страницу и параграф, не понимают учебную задачу и т.п. Работая по данному учебнику, школьник учится видеть учебную задачу, реализует информационную функцию языка, понимает, какие именно сведения и какие действия востребованы. Например, предлагается составить свою загадку о предметах, но затем педагог уточняет: Что значит составить загадку?; т.е. найти информацию, позволяющую создать данный текст. Последовательно формируются такие качества личности, как контроль и самоконтроль. Дети учатся точно выполнять задания и контролировать себя (например, предлагается самодиктовка, широко используются сигнальные карточки;

обращаясь к проверочным словам, дети объясняют, почему это слово проверочное и т.д.).

Знакомство с теорией языка строится таким образом, что дети понимают: они изучают те единицы, которые есть в их собственной речи: в речи есть слова, называющие предметы, признаки предметов и т.д., позднее они узнают, что в речи есть существительные, прилагательные, что эти слова выполняют определенную функцию в предложении. У ребенка появляется личностное отношение к социально обусловленному явлению – языку. Дети видят: речь используется в процессе общения для достижения различных коммуникативных целей: спросить, сообщить, поделиться эмоциями, - минимальной единицей коммуникации является предложение, более крупной - текст. Именно с текстом связана прежде всего речевая направленность курса «Русский язык» в описываемом учебнике. На материале текста дети осознают информационную и оценочную функцию языка, учатся реализовать эти функции в собственной речевой деятельности. Школьники учатся определять тему текста и его основную мысль, видеть средства связи в тексте, средства выразительности как выражение авторской позиции, авторского отношения, учатся создавать собственный текст. Заметим, что при подобном обучении собственный текст ребенок будет создавать, понимая, как это нужно делать, а не просто случайно угадывая. Учащиеся осознают все три плана текста: содержание (о чем текст, какова его основная мысль), структура (как построен текст), средства выразительности (какие языковые средства используются, чтобы воздействовать на адресата речи).

Следующая программа, на представлении содержания которой мы остановимся, руководствуясь тем же подходом, развитие личности ребенка, - это программа по русскому языку в образовательной программе «Школа 2100»., авторы Р.Н.Бунеев, Е.В.Бунееева, О.В.Пронина. Ориентация на личность ребенка в этой программе актуализирована в большей степени. В качестве задач обучения определяется формирование у детей патриотических чувств по отношению к языку как части национальной культуры, осознание себя носителем этого языка, языковой личностью, формирование потребности в использовании всех тех средств, что

предоставляет нам язык, формирование чувства языка и приобретение знаний и умений, необходимых для того, чтобы использовать языковые ресурсы. В качестве иллюстрации можно привести следующие фразы из учебника: « Русский язык – твой родной язык; Русский язык богат и красив…» Данная программа также направлена на овладение ребенком сведениями о языке (о звуке, слове, предложении), языковыми умениями (умениями проанализировать звуковой состав слова, определить морфемы в слове, выполнить анализ слова как части речи и т.п.) и его речевое развитие.

Еще одно отличие данной программы и учебных книг, в которых эта программа реализуется, связано с тем, что современный русский язык представлен в сопоставлении с другими языками и русским языком на разных этапах его существования. Например, звуки русского языка сравниваются со звуками в английском и немецком языках, правила постановки ударения в русском языке с соответствующими правилами в чешском и французском языках, русские имена с армянскими, сравниваются традиции современного русского языка и языка древнерусского. Появляются элементы сопоставления языковой картины мира у носителя русского языка и носителей других языков, в языковой картине мира появляются сферы, связанные с иными культурами. Задания в учебнике сформулированы таким образом, что обеспечивают активное включение школьника в содержание предмета. В трудных случаях предлагается напоминание «Не забудь …», при выполнении заданий на классификацию учащиеся сами определяют критерии классификации. Например, учащимся предлагается самостоятельно определить, как нужно действовать, чтобы правильно расставить запятые в предложении с однородными членами; учащимся предлагается алгоритм действий, которые нужно выполнить для решения определенной задачи (Как надо действовать, чтобы правильно написать безударную гласную в корне слова), а в дальнейшем подобные алгоритмы учащиеся составляют сами (Составь самостоятельно инструкцию «Как нужно действовать, чтобы правильно поставить запятые в сложном предложении»).

Следовательно, обеспечивается готовность к подбору и развертыванию аргументов, к монологическому выступлению.

Авторы учебника стремятся, чтобы практически все выполняемые ребенком задания представлялись ему необходимыми, даже запоминание слов, трудных с точки зрения написания. Например, предлагается вопрос: Почему написание двойных согласных в словах приходится запоминать? Таким образом скучная и бесконечная процедура запоминания словарных слов воспринимается ребенком как необходимая: он сам объяснил, почему нет иного пути усвоения написания этих слов, кроме запоминания. Можно привести еще один пример: анализируя правописание окончаний существительных, дети выясняют, в написании каких окончаний можно допустить ошибку, а каких – нельзя. Ученики сами определяют, какое правило нужно вспомнить для правильного написания слов в том или ином тексте.

Авторы представляют содержание уроков русского языка, выделяя вопрос: «Чем ты будешь заниматься на уроках русского языка?», что вызывает интерес к данным урокам. Интерес к предмету «Русский язык» поддерживается всем содержанием учебника: идет разговор об интересных словах, сообщаются интересные исторические, естественнонаучные сведения. Интерес обеспечивается и тем, что учащиеся оказываются в позиции исследователей языка, например, сравнивают падежную систему русского языка и изучаемого иностранного языка. Активность учащихся в процессе обучения определяется обращением к ребенку как личности. Вопросы и задания в учебнике сформулированы так, что очевиден интерес к позиции самого ребенка, его мнению: Объясни, почему именно в таком порядке ты расставил слова; Докажи, что у тебя получился текст; Как ты думаешь, однокоренные ли эти слова?; Запиши предложение, которое тебе особенно понравилось.

Цели обучения русскому языку авторы данной программы связывают с формированием функционально грамотной личности, с языковым и речевым развитием ребенка, с осознанием ребенком себя носителем языка. Говоря о функционально грамотной личности, авторы имеют в виду ученика, способного не только усвоить предлагаемые сведения, но и использовать эти сведения в собственной деятельности, а также умеющего получать необходимые сведения. Очевидно, что функционально грамотная личность способна понять, на реализацию какой цели какие действия направлены, для чего

нужны знания об языке и языковые умения. Поскольку одна из целей обучения русскому языку в начальной школе – формирование навыков грамотного письма, в учебнике много внимания уделяется правописным умениям. Это направление в деятельности ученика авторы называют формированием орфографической зоркости. Появление понятия «орфографическая зоркость» в содержании программы следует рассматривать не как дань меняющейся терминологии, но как отражение в учебной книге новых подходов к обучению орфографии в школе. Орфографическая работа направлена на формирование умения видеть орфограмму – «опасное место», предупреждать возможные ошибки (подчеркни опасные места; какие буквы ты напишешь на месте пропусков? Почему?). Формированию этого умения способствуют перечни признаков орфограмм, различные виды диктантов, в том числе диктант с подготовкой, когда учащимся предлагается выделить орфограммы, объяснить их и лишь после этого записать текст под диктовку, графический диктант с подготовкой, различные виды списывания.

Существенно расширен материал, изучаемый в курсе «Русский язык». Вводятся темы, традиционно отсутствовавшие в начальной школе, например, «Сложное предложение», «Прямая речь», на уровне ознакомления представлены наречия (сначала, потом, вдруг и т.п.), междометия. Представлена лингвистика как наука, имеются сведения об ученых-лингвистах, в упражнения включены тексты, посвященные изучению самого языка, в том числе связанные с историей языка. Например, попробуйте прочитать по-древнерусски слова из последнего абзаца; Какие буквы сохранились в современном алфавите, а какие были утрачены в ходе развития языка?

Коммуникативная направленность данной программы связана в первую очередь с овладением учащимися научным стилем речи, точнее, учебно-научным текстом, что представляется очень логичным, так как именно учебно-научный стиль используется в школьных учебниках. Включение в учебную деятельность определяет для учащихся включение и в новую сферу общения, где используется и иной стиль общения, научный, ранее недоступный ребенку. Этому стилю общения ребенок учится на уроках русского языка. Он учится понимать научный текст, например, на темы о русском языке и языке других народов, и создавать собственный научный текст. Например: поработай над своей устной научной речью; составь устный рассказ на тему «Имя существительное как часть речи» по плану.

Ранее мы говорили о типичных затруднениях учащихся, вызванных восприятием текста. Следует подчеркнуть, что данный учебник

помогает учащимся преодолеть эти затруднения. Решение задач по восприятию и созданию собственного текста осуществляется и в силу того, что в рамках данной программы и на уроках русского языка, и на уроках чтения у детей формируется читательская деятельность, формируются умения, необходимые для овладения чтением как действием. Дети учатся быть читателями.

Таким образом, лингвистическое образование в начальной школе обеспечивается и личностное развитие ребенка, и развитие его как языковой личности. Развитие ребенка как языковой личности обеспечивается овладением ребенком речевыми готовностями различных уровней, а также существенными изменениями в его языковой картине мира, прежде всего тем, что наряду с множеством других фрагментов в ней появляется такой фрагмент, как язык.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Программно-методические материалы. Русский язык. Начальная школа. – М., 2001.

С.А. Минюрова
Екатеринбург

Современный подросток: открытие новых миров

Переход к подростковому возрасту можно легко определить по двум простым событиям в жизни ребенка: он начинает активно интересоваться музыкой и задумывается о значении слов. Эти события являются вершиной айсберга глубоких преобразований, происходящих с высшими психическими функциями.

Все жизненное пространство подростка начинает занимать музыка. Однажды родители замечают, что любимым телеканалом ребенка становится Муз-TV, во время передач типа "Золотой граммофон" все домочадцы должны разговаривать шепотом, а лучше вообще удаляться из комнаты, так как к телевизору подсоединен плеер, идет запись хитов. Лучшим подарком становятся музыкальные диски, постеры и календари с фото модных исполнителей, билеты на их концерты. Почему так происходит с каждым поколением подростков? Если внимательно присмотреться к растущему ребенку, то станет ясно, что музыка дарит ему эмоциональную разрядку, яркие телесные переживания, чувство освобождения и отключения от буден, ощущение легкости общения при вхождении в группу сверстников.

Музыка больших частот пользуется массовым спросом подростков. Благодаря экспрессивности, призывающей своим ритмом к движению, эта музыка позволяет подростку включиться в задаваемый ритм и через телесные движения выразить свои смутные переживания. В исследованиях выдающегося отечественного психолога Б.Г.Ананьева экспериментально установлено, что музыка выступает в качестве регулятора поведения: "Являясь знаками аффективных состояний, музыкальные произведения организуют поведение (в первую очередь аффекты), то, овладевая им, то, преодолевая его".

Обобщив многие исследования, другой видный психолог современности В.С. Мухина отмечает, что музыка оказывает глубокое влияние на физиологические реакции - усиливает метаболизм (обмен веществ), усиливает или уменьшает мускульную энергию, изменяет дыхание, меняет кровяное давление, дает физическую основу для эмоций. Музыка, и в частности музыкальный ритм, производит в организме физиологические изменения, которые подобны реакциям, происходящим при сильном волнении и аффектах.

Как писал И.П. Павлов, одна из способностей восприятия музыки - музыкально-ритмическое чувство, "способность активно (двигательно) переживать музыку, чувствовать эмоциональную выразительность музыкального ритма и точно воспроизводить его". Слушание музыки совершенно непосредственно сопровождается двигательными реакциями. В подростковой субкультуре эти реакции оформлены в определенные (современные) танцевальные движения. Чем отчетливее ритмы, тем более совпадают с ними танцевальные движения.

Подростки стремится воспринимать музыку на пределе возможного, предпочитая, поп - и рок-музыку. Именно она как нельзя лучше погружает в зависимость от ритмов, высоты, силы, объединяет всех метаболическими ощущениями темных телесных функций и создает сложную гамму слуховых, телесных и социальных переживаний. При этом, чем более мощное психофизиологическое воздействие оказывает музыка, тем больший "кайф" получает погруженная в музыку масса подростков, тем в большей мере каждый подросток отрешается от самого себя. Появляется потребность во все более высоких частотах, приближающихся к ультразвуку.

Привыкание к высоким частотам, к выраженному ритму объясняется возникающей зависимостью психофизиологического и социального плана. Увлеченных рок-музыкой (рокеров) нередко сравнивают с наркоманами, так как они уже не могут отказаться от препровождения времени вне рок-музыки. Японские журналисты провели экспресс-исследование в крупнейших рок-залах Токио. Они произвольно задавали юной публике три вопроса: "Как вас зовут?", "Где вы находитесь?", "Какой теперь год?" Оказалось, что ни один из опрошенных не смог ответить на эти простые, обычные вопросы. Под воздействием музыки произошла потеря самоидентичности.

Наряду с массовым подростковым погружением в поп- и рок-музыку отдельные подростки склонны к восприятию классической музыки. Как указывал в своих исследованиях известный отечественный психолог Б.М. Теплов, это требует наличия трех основных музыкальных способностей.

Ладовое чувство - это способность эмоционально различать ладовые функции звуков мелодии или чувствовать эмоциональную выразительность звуковысотного движения. Ладовое чувство образует неразрывное единство с ощущением музыкальной высоты, отчлененной от тембра. Проявляется оно в восприятии, узнавании мелодии, в чувствительности к точности интонации. Наряду с чувством ритма ладовое чувство образует основу эмоциональной

отзывчивости на музыку. В детском возрасте характерное проявление этого чувства - любовь и интерес к слушанию музыки.

Способность к слуховому представлению - это способность произвольно пользоваться слуховыми представлениями, отражающими звуковысотное движение. Иначе ее можно назвать слуховым или репродуктивным компонентом музыкального слуха. Она образует основное ядро музыкальной памяти и музыкального воображения.

Музыкально-ритмическое чувство – это комплекс основных музыкальных способностей, которое образует ядро музыкального восприятия. Специальной способностью, сформированной на восприятии музыки, является музыкальный слух. В нем слиты в неразрывное целое восприятие высоты, силы, тембра, а также и более сложных элементов: фразировки, формы, ритма и т.д. Как писал один из классиков отечественной психологии С.Л. Рубинштейн: "Музыкальный слух в широком смысле слова выходит собственно не только за пределы ощущения, но и за пределы восприятия. Музыкальный слух, понимаемый как способность воспринимать и представлять музыкальные образы, неразрывно связан с образами памяти и воображения". Подросток, увлеченный слушанием музыки и включенный в исполнительскую музыкальную деятельность, погружен в развитие у себя музыкальных способностей: он стремится совершенствовать мелодический слух, ладовое чувство, стремится развить гармонический слух и способность к слуховым представлениям. Развивая внутренний слух, он погружается в поток музыкального воображения и испытывает глубокое духовное чувство.

Подростковое увлечение музыкой свидетельствует также о качественной перестройке способов переработки ребенком информации об окружающем мире, о новой стадии развития мышления. Ведь музыка является самым абстрактным из всех видов искусства. Проникнуть в ее структуру и прочувствовать созвучие мелодии собственным переживаниям может лишь человек, у которого есть ключик к пониманию абстракций, символически выраженных в звуке.

Врываясь в вихрь социальной жизни, в мир переживания человеческих страстей, открывая для себя чувственность и интимность, подросток обживает ***собственный внутренний мир***, в котором благодаря воображению порождаются причудливые, таинственные, иногда очень смутные образы и символы, вбирающие субъективное отражение растущим человеком внешнего мира. В этих символах сливаются эмоции и интеллект, и потому они невероятно

энергетичны. Мощный заряд образов воображения становится источником качественных изменений способностей подростка.

Как отмечает В.С. Мухина, подросток может проигрывать мыслительные задачи с математическими знаками, может оперировать значениями и смыслами языка, соединяя две высшие психические функции: воображение и мышление. В то же время подросток может строить свой воображаемый мир особых отношений с людьми, мир, в котором он проигрывает одни и те же сюжеты и переживает одни и те же чувства до тех пор, пока не изживет свои внутренние проблемы.

В реальном пространстве социального мира подросток зачастую застенчив, неловок, не уверен в себе. Порой это может зеркально трансформироваться в "дикие" выходки подросткового вандализма, в необузданное озорство и хулиганские выходки в общественных местах. Подросток пока не чувствует себя полноправным ответственным хозяином в социальных отношениях. Совсем другое дело - ***сфера воображения***. Реальность пространства воображаемого мира субъективна - это только его реальность. Как пишет В.С. Мухина, подросток уже владеет действиями воображения, которые приносят ему удовлетворение: он властвует над временем, имеет свободную обратимость в пространстве, свободен от причинно-следственных связей существующих в реальном пространстве социальных отношений людей.

Свобода проживания во внутреннем, психологическом пространстве предполагает свободное построение сюжетной линии и свободный выбор желаемого места, где развертываются события воображаемой жизни. Это позволяет подростку не только планировать и проживать замыслы, повторяя их снова и снова, перестраивая сюжеты и чувства по своему хотению, но и дает возможность пережить напряжение действительных социальных отношений и испытать чувство релаксации, расслабления.

В отдельных случаях подростки, вкусившие удовольствие свободного полета воображения, могут попасть в западню созданной самим собой реальности. Происходит "съезжание" к стереотипному воспроизведению наработанных образов, знаковых шаблонов, сюжетов; "закостенение" самих образов и сюжетов, превращение их в стимулы, рефлекторно вызывающие эмоции; стремление закрыться от внешнего мира. Так, например, подросток, выстроивший в собственном воображении фантастический мир, в котором он является смелым и сильным Супер-Героем, участвующим в борьбе Добра и Зла, стремится в каждую свободную минуту "умчаться" в свою прекрасную фантазию. Но в реальной жизни он абсолютно пассивен, избегает

какой бы то ни было физической нагрузки и всячески ограничивает контакты со сверстниками. Как отмечают психологи, в подобных случаях может таиться психологическая основа подросткового аутизма - погружения в мир воображаемых переживаний с ослаблением контакта с действительностью, ухода от реальности, отсутствия стремления к общению с людьми - взрослыми и сверстниками.

Таким образом, подросток получает возможность вообразить все, что может случиться, - и очевидные, и недоступные восприятию события. Тем самым повышается вероятность того, что взрослеющий человек разберется и в действительно происходящем.

Подросток осваивает еще одну особую реальностью, которая позволяет дистанцироваться от мира взрослых и войти в группу сверстников. Это ***реальность сленга*** - языковой игры, отхода от языковой нормы. Реальность маски, карнавала, "второй жизни", в которую взрослым вход воспрещен, в которую допускаются только "свои".

Как указывает В.С. Мухина, сленг - это потребность подростка в скрытой от официальной речевой культуры форме существования. Возникает особый тип общения, недопустимый в обычной жизни. Широко распространены такие перлы молодежной философии, как: "Круто!", "Клево!", "Все в кайф!", "А на фига?" и т.п. Здесь вырабатываются и особые формы сленговой речи, которые не только стирают межиндивидуальные дистанции между общающимися, но и в краткой форме выражают философию жизни. Каждая молодежная группировка имеет свой сленг, который отражает ее образ жизни и мироощущение.

В подростковой культуре помимо сленга появляется также мат. Использование матерных слов для подростка - это способ преодолеть социальные запреты на табуированные культурой слова. Подросток, использующий мат, чувствует себя освобожденным, поднявшимся из-под прессинга предопределенного контроля речи. Сегодня подростки пользуются матом не только в своих сообществах, но и, не стесняясь, в общественных местах. Причиной тому является, прежде всего, использование мата в обыденной жизни взрослыми носителями великого и могучего русского языка. Мат как явление языка обсуждается на страницах газет, звучит с экрана телевизора. Взрослое сообщество само пожинает плоды того, что сеет. Вряд ли эти семена являются тем, что принято называть "добрым и вечным".

Важной задачей родителей является способствование тому, чтобы подросток удержался на верхнем уровне речевой культуры. Подросток очень склонен в силу своих возрастных особенностей, ориентируясь на

сверстников и кумиров, варьировать свою речь в зависимости от стиля общения и личности собеседника. Разговаривая с учителями, он старается удержаться на уровне стереотипов культуры. В общении с родителями зачастую допускает гораздо больше вольностей в использовании лексики и стиля. А, входя в круг сверстников, незаметно для самого себя совсем легко соскальзывает на подростковый жаргон.

По-мнению В.С. Мухиной, с одной стороны, такое принятие словесного состава речи и стиля общения другого несет в себе возможность ориентировочного познания многообразных вариантов речи. Однако, с другой стороны, этот феномен речевого поведения подростка следует рассматривать как ***возрастную речевую зависимость***. Эта социальная слабость подростка должна быть доведена до его сознания как некая возрастная несостоятельность.

Родителям важно помнить, что каждый собеседник выступает для подростка как носитель языка, предлагающий свой состав употребляемых слов, значений и смыслов. Подросток должен быть приучен к тому, чтобы отбирать для себя развивающее чтение, развивающие радио- и телевизионные программы, круг общения, в котором поддерживается высокий уровень речевой культуры.

Обучение в школе оказывается мощным фактором развития речи. Подросток интуитивно подходит к открытию того, что язык позволяет, во-первых, отражать окружающую действительность и, во-вторых, фиксировать определенный взгляд на мир. Развитие речи в подростковом возрасте идет, с одной стороны, за счет расширения богатства словаря, с другой - за счет усвоения множества значений, которые способен закодировать словарь родного языка.

"Как правильно написать?", "Как лучше сказать?" - эти вопросы задают себе и родителям многие подростки. Большинство подростков испытывает явные затруднения в письменной и устной речи. Однако это не означает, что они не знают родного языка. Если при написании слова или формулировании мысли подросток впадает в состояние глубокого торможения, то с восприятием чужой речи дело обстоит более обнадеживающе. Взрослеющий человек легко улавливает неправильные или нестандартные формы и обороты речи у своих учителей, родителей, находит нарушение правил речи в книгах, в средствах массовой информации. В этом случае подросток испытывает чувство юмора, которое снимает его напряжение от постоянного внимания к реалиям языка. Это же обстоятельство содействует пониманию того, что в обыденной жизни люди часто нарушают правила речи.

Наблюдения показывают, что подросток, стремящийся к развитию своей речи, будет упорно обращаться к словарям и справочникам. Ему важно уточнить значение слова, его правильное произнесение, выяснить для себя вопросы стилистики. Именно при переходе в отрочество человек начинает чувствовать язык в его историческом движении. Подросток может дифференцировать обороты речи и формы языка, свойственные прошедшему историческому времени, ставшие архаичными, мертвыми, стареющие произношения слов, а также улавливать неологизмы современного языка. Подростку предстоит вникнуть в культуру языка с ее сегодняшними правилами произнесения, орфографии и понимания значений и смыслов слов; он должен развить в себе чувство языка уже не на детском уровне, а на уровне современного культурного человека.

В школе, в процессе выполнения урочных заданий, требуется привлечение всего богатства и иерархической организации словаря, включение словесных обозначений в синтаксический контекст и т.п. Подросток производит эти операции уже без непосредственной наглядно воспринимаемой ситуации. По-мнению известного английского психолога Дж. Брунера, велика роль школы в формировании независимых, оторванных от непосредственной ситуации способов мышления, обусловленных отделением слова от обозначаемой вещи и повседневной действительности. Речевые знаки перестают восприниматься учениками как свойства обозначаемых вещей. Слово как знак позволяет отказаться от словесного реализма, что открывает путь для символических процессов, для мышления "в терминах возможного, а не действительного".

Те подростки, которые удерживаются на верхнем уровне речевого развития, проходят огромную дистанцию в мире культуры по сравнению со своими далеко отставшими сверстниками, постоянно использующими в общении сленг и жаргон. Эта пропасть может уже так никогда и не исчезнуть, разбросав взрослеющих людей в пространства разных социально-культурных статусов.

©Минюрова С.А., 2005

Сведения об авторах

Астафурова Татьяна Николаевна – доктор филологических и педагогических наук, профессор, завкафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета (Волгоград).

Будаев Эдуард Владимирович – ассистент кафедры русского языка Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (Нижний Тагил).

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Еремина Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Заболотнова Марина Владимировна – младший научный сотрудник кафедры восточных и Романо-германских языков факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета (Челябинск).

Иванилов Василий Михайлович – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Коновалова Надежда Ильинична – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, декан факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кузьмина Наталья Арнольдовна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой риторики и стилистики Омского государственного университета (Омск).

Кулакова Наталья Васильевна – учитель начальных классов средней школы № 108 (Красноярска).

Кусова Маргарита Львовна **–** доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Лазарева Элла Александровна доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и стилистики факультета

журналистики Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

Минюрова Светлана Алигарьевна – кандидат психологических наук, профессор, завкафедрой психологии развития, декан факультета психологии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Олянич Андрей Владимирович – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой иностранных языков Волгоградской государственной сельскохозяйственной академии (Волгоград).

Попова Татьяна Витальевна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка УГТУ-УПИ (Екатеринбург).

Сироткина Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русского языка Пермского государственного педагогического университета (Пермь).

Снигирев Алексей Васильевич – кандидат филологических наук, Старший преподаватель кафедры русского и иностранных языков и культуры речи Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург).

Снигирева Екатерина Владиславовна – журналист (Екатеринбург).

Снигирева Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современной литературы Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

Степанова Елена Геннадьевна – аспирант кафедры русского языка УГТУ-УПИ (Сургут).

Тюрин Алексей Владимирович – аспирант кафедры французского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета (Челябинск).

Чудинов Анатолий Прокопьевич – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой риторики и межкультурной коммуникации, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

Шляхова Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Пермского государственного педагогического университета (Пермь).

Шустрова Елизавета Владимировна – кандидат филологических наук, докторант кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).